

ЛАБИРИНТ

журнал
социально-гуманитарных
исследований

№ 3

(июль-август 2012)

www.journal-labirint.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИЯ

главный редактор

М. Ю. Тимофеев

(д-р филос. наук)

ответственный секретарь

Д. С. Докучаев

(канд. филос. наук)

редакционная коллегия

Д. Н. Замятин (канд. геогр. наук, д-р культурологии)
Москва, Россия

А. В. Зобнин (канд. ист. наук)
Иваново, Россия

О. В. Карпенко
Санкт-Петербург, Россия

М. П. Крылов (д-р геогр. наук)
Москва, Россия

М. А. Литовская (д-р филол. наук)
Екатеринбург, Россия

Д. В. Маслов (канд. экон. наук)
Иваново, Россия

Б. Оляшек (д-р филол. наук)
Лодзь, Польша

И. Л. Савкина (д-р философии)
Тампере, Финляндия

В. М. Тюленев (д-р ист. наук)
Иваново, Россия

В. П. Хархун (д-р филол. наук)
Киев, Украина

О. В. Шабурова (канд. филос. наук)
Екатеринбург, Россия

В. Г. Шукин (д-р филол. наук)
Краков, Польша

e-mail:

editor@journal-labirint.com

ISSN 2225-5060

Издатель: Докучаева Наталья Александровна

Адрес издательства:

153005, Россия, г. Иваново, улица Шошина 13-56

ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ: РЕДАКЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ

3 **М. Ю. Тимофеев.** Слово главного редактора: история с географией5 **М. П. Крылов.** Некоторые методологические замечания по проблеме «центр – периферия»

ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ: ГОРОД

10 **А. С. Бреславский** «Город окраин»: территориальная сегрегация и ее (вос)производство в постсоветском Улан-Удэ23 **М. И. Найдорф** Одесса. Главная улица города

ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ: СТРАНА

33 **Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов** Текст пространства. Фрагменты словаря «Русская провинция». Часть 274 **Т. О. Санникова** Традиции и новации в процессах взаимодействия столицы и провинции84 **Л. И. Сизинцева** Пространство и время провинции

ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ: МИР

92 **Е. В. Николаева** Города как фрактальные перекрестки мира106 **Э. М. Манукян** Соотношение провинциального и столичного в мировосприятии Сидония Аполлинария

ЭССЕ

119 **А. Е. Левинтов** Многоликая окраина122 **В. П. Казарин** Крым. Гении места

РЕЦЕНЗИИ

128 Лысикова О. В. Российский туризм: глобальное и локальное. – Саратов: СГТУ, 2011. – 312 с.: ил.; 21 см. – ISBN 978-5-7433-2470-5

СОБЫТИЯ, ХРОНИКА

133 Конференция «Культ–Товары–XXI: ревизия ценностей. (Маскультура и ее потребители)» Екатеринбург, 22-23 мая 2012 г.

143 **АННОТАЦИИ**146 **SUMMARIES**149 **СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**

Электронная копия сетевого научного издания
«Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований»
размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ceeol.com, www.indexcopernicus.com, www.journal-labirint.com

ЦЕНТР — ПЕРИФЕРИЯ: РЕДАКЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ

М. Ю. Тимофеев**СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ**

Дорогие читатели!

Перед вами первый тематический выпуск нашего журнала. Мы планировали с помощью разнообразно сфокусированной исследовательской оптики рассмотреть характер взаимосвязи частей урбанистического пространства, отношений центра и регионов в разных странах, а также оппозицию «центр — периферия» применительно к миру в целом. Многие из задуманного удалось воплотить в предложенных редакции текстах. Междисциплинарные связи, имеющиеся практически во всех опубликованных статьях, не позволили нам придерживаться традиционной номенклатуры специальностей при структурировании номера. Более того, весьма условным является и предложенное деление на город, страну и мир. Дихотомия «центр — периферия» была интерпретирована авторами в антропологическом, аксиологическом, культурологическом, историческом, литературоведческом и, безусловно, географическом контекстах. Тематика гуманитарной географии была дополнена рассмотрением проблем психогеографии. Феномен геттоизации периферии вызвал достаточно эмоциональную реакцию у ряда авторов, что можно обнаружить как в эссе, так и в статьях.

Выбранная нами тема имеет разные трактовки в рамках географического дискурса и затрагивает антропологию, социологию, психологию, политологию, историю, философию и теорию культуры. Как показывают материалы этого номера дихотомия «центр/периферия», имея долгую историю использования в научном обороте, не утратила своей актуальности. Фундирование, производство, конструирование периферии возможно только при наличии и признании центра. Феномены децентрации и глокализации не отменили дифференциацию пространства в рамках этой оппозиции, а придали ей новые конфигурации.

Я очень сожалею, что некоторые авторы не смогли предоставить в срок свои работы. Безусловно, это в определенной степени обеднило этот выпуск журнала. Отсутствие среди авторов социологов, политологов и философов не позволило, например, рассмотреть феномен власти как источник анализируемой модели ментальной организации и репрезентации пространства. Потенциал анализа дихотомии «центр — периферия» достаточно велик и предпола-

гает возвращение к ней на страницах «Лабиринта» в рамках иных тем, связанных с дифференциацией пространства.

Во время работы с материалами этого номера в редакции шло обсуждение дальнейшего пути развития журнала. Было решено, что «Лабиринт» сузит тематику, сохранив широкое проблемное поле. Объектом исследования в дальнейшем будет городское и региональное пространство. При этом журнал по-прежнему будет открыт для авторов, представляющих различные сферы социально-гуманитарного знания: антропологию, историю, философию, культурологию, литературоведение, политологию, социологию, географию.

Темы на 2013 год планируются следующие:

№.1 (январь-февраль) NEXT: будущее города/будущее региона

№.2 (март-апрель) Homo Urbanus: проблемы городской и региональной идентичности

№.3 (май-июнь) Место как объект желания: путешествие, паломничество, туризм, миграция

№.4 (сентябрь-октябрь) Город/регион как пространство символов, образов и мифов

№.5 (ноябрь-декабрь) Знаки советскости/коммунизма в городской среде

Мы также предполагаем возможность выпуска специального номера журнала с приглашенным редактором, посвященного альтернативной социально-гуманитарной тематике. Я полагаю, что читатели «Лабиринта» могут рассчитывать в следующем году на интересные и глубокие тексты.

Пока же на очереди номер на тему «Вещи, которые мы выбираем». Хорошего вам лета и до встречи в сентябре!

М. П. Крылов

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПРОБЛЕМЕ «ЦЕНТР — ПЕРИФЕРИЯ»

Понятия «центр» и «периферия», как и другие основополагающие понятия, несущие повышенную смысловую нагрузку, в научном обиходе часто утрачивают свой первоначальный смысл, обычно ограниченный у классиков, введших эти понятия, лишь определенными ситуациями, служащими для них (классиков) основой последующих построений. Определенная вина (в кавычках или без кавычек) некоторых (не всех!) классиков здесь может заключаться лишь в отсутствии энтузиазма по формулированию разнообразных оговорок, предостерегающих от излишне расширительной трактовки вводимых ими понятий и сопряженных с ними теорий. С другой стороны, «подводные камни» при использовании теорий обнаруживаются позже, да и первоначально все случаи их приложения заведомо не могут быть предсказаны и заранее осмыслены. Поэтому нет ничего удивительного в том, что происходит профанация этих понятий; они превращаются в метафоры, призванные внушить научному сообществу, учащейся молодежи, политикам и широкой публике мысль о научной обоснованности различных концепций и проектов. Эта обычная для науки и общественной жизни ситуация в свое время была гениально «схвачена» М. А. Булгаковым в «Собачем сердце» («...атавизм!»).

Понятия «центр» и «периферия» в настоящее время применяются чрезвычайно широко и уже стали восприниматься как обязательная к исполнению банальность.

Часто неоправданно отождествляют «центр» с более массивным, «экстенсивно крупным», а «периферию», соответственно, с менее массивным, экстенсивно менее крупным («большому кораблю — большое плавание») или даже с более слабым, пассивным, вторичным, в чем-то — ущербным, что в особенности является ошибочным, а во многих случаях — и практически вредным. Конечно, Рязань по большинству параметров «центральный» Касимова, Сасова или Шацка, однако Нежин отнюдь не «периферийнее» по отношению к своему областному центру — Чернигову (Нежин, а в какой-то степени и Глухов Сумской области можно считать своеобразным аналогом Оксфорда и Кембриджа, которые никак нельзя считать периферией по отношению к Лондону). Мичуринск, получивший статус «наукограда», нельзя считать безусловной периферией по отношению к своему областному центру — Тамбову (кстати, в 1917 году губернская организация большевиков находилась не в Тамбове, а в Козлове — современном Мичуринске).

То, что принимают за «периферию», нередко более правильно считать «идущим по другой траектории развития»; тогда «центр» лишается безусловного статуса эталона. С этих по-

зиций Восток и Запад в историческом развитии очень ограниченно может рассматриваться с позиций центра и периферии по отношению друг к другу; правильнее считать их однопорядковыми, но во многом разнокачественными сущностями, каждая из которых имеет свои центры и периферии (очевидно, что Индокитай является периферией по отношению к Индии и Китаю).

Следует обратить внимание на следующее.

1) Одни и те же территории, социумы и т.д. в одних ситуациях (измерениях и др.) могут быть (являются) «центрами», а в других — напротив — «периферией».

Например, традиционная схема, противопоставляющая Россию и «Запад», предполагает, что Россия всегда и по всем параметрам «отстает» от Запада (в положении России оказываются также Венгрия, Польша и даже Чехия; например, считается, что Реформация началась в Германии в XVI веке, а не в Чехии в XV). Но имеются и многочисленные исключения. Академия наук в России (в Санкт-Петербурге) возникла на 9 лет раньше, чем в Швеции. В конце XIX – начале XX века интеллектуальными центрами Европы были: Вена, Париж, Петербург и Берлин. Можно вспомнить русский «Серебряный век», «краеведение», новаторство И. П. Павлова, Д. И. Менделеева, русских генетиков до разгрома в 1930, 1939 и 1948 годов и многое другое.

2) Центры как источники креативности и инноваций не всегда могут быть выявлены по косвенным критериям, исходя из идеи «центральности вообще». Например, наибольшая активность экологических движений (по состоянию на 1990 г.) фиксировалась именно в центрах средней величины, продуцировавших эффект провинциальности, основанный на сочетании тех или иных форм общинности, невозможных в большом городе, и критических величин социально-культурного потенциала города [3, с. 188; с. 216]

3) Интерпретация территорий (регионов, городов) как центров и периферии никак не может быть взята за основу как доминирующий критерий их оценки (с разных позиций и для разных целей) Во многом более значимые оценочные категории для регионов и особенно городов, чем «центр» и «периферия» — их жизнеспособность и комфортность (в самом широком смысле).

4) В случае резкого отрыва (по разным параметрам) центра от периферии центр как бы «утрачивает контроль» над (своей) периферией (или: утрачивает связь со своей периферией). Такая ситуация характерна для колониальных стран, но не только — примеры: Франция и Париж, Россия и Москва.

Пример неверного толкования центра и периферии дает советский и постсоветский опыт. В отечественной практике это — взаимодействие идей равномерного и концентрированного размещения производства, впоследствии — размещения производительных сил, социальных объектов, обсуждение проблем «оптимального города».

Первоначально в советское время был популярен догмат о «равномерном размещении производства», имевший скорее идеологическое, чем реальное экономическое значение (догмат был связан, как сейчас считается, с неправильным переводом текста Ф. Энгельса). Идея равномерности производства хорошо вписывалась в риторику «социального равенства», а борьба с гипертрофией «центра» как наиболее развитой территории — с подавлением бывших эксплуататорских классов и «подъемом» национальных окраин. Известный лозунг о ликвидации различий между городом и деревней по сути означал стремление к ликвидации различий между центром и периферией. Такое стремление означало *отказ от учета объективных закономерностей экономического, социального и культурного развития, связанных с их пространственной неравномерностью*. Хотя в принципе известные канонические тексты классиков не отрицали, а предполагали существование неравномерности как пространственно-временной категории (например, в теории империализма), именно идея равномерности, а также связанная с ней идея (территориальной) деконцентрации до 1960-х годов претендовала на монопольный статус в теории (хотя классики и признавали роль крупнейших промышленных центров и в индустриализации, и в классовой борьбе). Эта ситуация отражала и ориентацию на жесткий нормативный подход, и отказ от учета самоорганизации в обществе, что вообще было характерным признаком той эпохи.

Однако именно нормативный аспект проблемы здесь оказался наименее изученным (таковым он остается и до сих пор). Какова должна быть «в идеале» пространственно-территориальная организация общества? В общем виде такой вопрос слишком абстрактен, однако в 1970-е – 1980-е годы в СССР он вылился в дискуссию об оптимальной величине города, о прогрессивности «сверхурбанизма» и о пределах роста территориальной концентрации. Сторонники концентрации и урбанизма исходили из критики догмата о равномерности размещения производительных сил и о сдерживании роста крупнейших городов. Они отвергали сталинскую идеологию и считали себя носителями прогресса. Однако принимаемая ими идеология была не всегда верной, поскольку ошибочно полагалось, что ложь или ошибка, «вывернутая наизнанку», превращается в истину.

В дискуссиях 1970-х – 1980-х годов выдвигалась идея об однозначных преимуществах наиболее крупных городов как носителей разнообразных форм прогресса. При этом не учитывались удобства жизни в других городах, распространение самых различных «нестоличных» форм и проявлений образа жизни (сторонники суперурбанизма всерьез считают, что все жители нестоличных городов мечтают переселиться в Москву).

Если в советское время суперурбанизм мог восприниматься как своеобразная форма легального свободомыслия, то впоследствии эта идеология превратилась в достаточно устойчивый и воинственный официоз. В 1960-е – 1970-е годы на этой идеологии были основаны известные проекты ликвидации неперспективных сельских поселений; в настоящее время на

этой же идеологии основаны не менее авантюристические проекты ликвидации малых сельских школ, лишения значительной группы малых городов статуса райцентров, и, наконец, лишения многих крупных городов — статуса областных центров (в связи с укрупнением областей).

В публикации «Россия пустеет?» [2], где сказано, что тогдашняя глава Минэкономразвития Российской Федерации Э. Набиуллина заявила (в связи с публикацией итогов переписи населения), что, по ее мнению, большинство жителей малых и средних городов постепенно переедет в «мегаполисы». Поэтому она считает, что «бюджетная политика будет меняться в пользу городов-миллионников». Однако редакция газеты «АиФ» в своем резюме критикует министра: «Чтобы страна была защищена, она должна быть заселена... Даже в Белоруссии не отменяют автобусы, если в деревне живет хотя бы 10 человек. **Так, может, надо наоборот поступать — не сокращать финансирование, а наращивать его, чтобы в деревне и газ был, и школа, и дороги?** Тогда при следующей переписи мы, возможно, увидим другую картину...».

Неужели дело в формальной «людности», отождествляемой с «центральной», а не в реальных импульсах социокультурной активности?

Надо разобраться: в чем причина проблем: *в собственной, «имманентной» неполноценности периферии, или же в навязываемых им правилах игры* (О. С. Пчелинцев приводил в связи с этим пример Ярославля, которого «заставили» стать депрессивным [5]).

П. Г. Щедровицкий, в качестве примеров «недееспособных» городов приводил даже такие крупные города, как Пензу, Псков и Рыбинск, а также Псковскую область целиком. [1] Ряд других авторов указывали на «бесперспективность» Рыбинска, критикуя его жителей за излишний местный патриотизм и укорененность. [4] Налицо — серьезная теоретическая проблема, связанная с очень серьезными последствиями для страны.

Если либеральная модель исходит из того, что надо помогать только сильным (ориентироваться на сильных), а слабые отсеются в ходе конкурентной борьбы за существование в процессе т.н. «естественного отбора», то где уверенность в том, что мы помогаем именно сильным, а не слабым (ориентируемся на сильных, а не на слабых). — ведь **о «силе» и «слабости» можно говорить лишь применительно к одной и той же «весовой категории»**. В социокультурном отношении Ярославль, вне всякого сомнения, «сильнее» Тюмени или Ханты-Мансийска, но в рамках современных правил игры и сырьевой направленности экономики России Ярославль, конечно, становится слабее. В социокультурном отношении Борисоглебск «сильнее», чем Балашов, но с формальной точки зрения это в настоящее время также не очевидно. Поэтому часто ставится вопрос о ликвидации Борисоглебского пединститута, в то время, как Балашовский пединститут поднят до уровня филиала Саратовского университета име-

ни Н. Г. Чернышевского. *Кому в этой ситуации помогли и кого хотят «утопить» — «сильного» или «слабого»?*

Список литературы и источников

1. Аргументы и факты. 2005, № 6.
2. Аргументы и факты. 2011, № 51.
3. Крылов М. П. «Региональная идентичность в европейской России», М., Новый хронограф, 2010. — 240 с.
4. Мезенцева Е. Б., Космарская Н. П. Бег по замкнутому кругу: уровень жизни, ментальные установки и социальная мобильность жителей России // Мир России. 1998, №3. — С. 141–188.
5. Пчелинцев. О. С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. — М., Экономика, 2004. — 258 с.

ЦЕНТР — ПЕРИФЕРИЯ: ГОРОД

А. С. Бреславский

«ГОРОД ОКРАИН» ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СЕГРЕГАЦИЯ И ЕЕ
(ВОС)ПРОИЗВОДСТВО В ПОСТСОВЕТСКОМ УЛАН-УДЭ

Всем, кто регулярно ездит на улан-удэнских трамваях, хорошо знакома вымученная фраза кондуктора, ежедневно объясняющего пассажирам, куда именно идет, допустим, «двойка», пройдя остановку «Элеватор». Мы слышим: «Трамвай едет через *город* на Новый мост!». И вполне резонный вопрос неместного жителя: «А Элеватор, распложенный в пяти минутах ходьбы от общегородского центра Улан-Удэ, — это разве еще не город?», — скорее всего, вызовет у кондуктора недоумение. Вместе с тем, все, кто хорошо знает историю Улан-Удэ, в общем-то понимают, о чем здесь идет речь. Все дело в особенности восприятия исторического центра Улан-Удэ именно как *города*, а всей остальной его территории – как «негородской», что связано с особенностями советской застройки Улан-Удэ и организации жизни в его *окраинных* районах. Приведенный пример, связанный с отождествлением территории города с зоной его исторического центра, хорошо показывает, как пространственное восприятие Улан-Удэ укоренено в городской истории и как осознанно / или неосознанно оно воспроизводится в нашей повседневной жизни сегодня. Но утверждение стереотипов о пространственной сегрегации, как известно, происходит не только на повседневном, но и на официально-публичном уровне. Улан-Удэ, как будет показано в статье, в этой связи представляет хороший пример.

Как и во многих других российских городах с дореволюционной историей, решительно изменившихся в ходе социалистической застройки, связанной с форсированной модернизацией и урбанизацией, в Улан-Удэ мы можем зафиксировать множественные метаморфозы, связанные с пространственной сегрегацией, с движением и утверждением границ городского центра и его физических окраин.

В данной статье мне хотелось бы решить несколько взаимосвязанных задач. Во-первых, представить постсоветский Улан-Удэ с точки зрения его пространственной сегрегации, во-вторых, определить исторические основания существующих границ между «центром» города и его «периферией», и, наконец, в-третьих, продемонстрировать, как «исторически обусловленные» границы (вос)производятся и утверждаются сегодня в административном дискурсе. Иными словами, сфокусируем наше внимание на том, как в постсоветском Улан-Удэ были за-

фиксированы реалии его пространственной сегрегации — определены «центр» города и его «периферия», определим, какую политику «номинаций» [см.: 5, с. 125–166] (назначения) проводит местная власть в отношении территорий, образующих сегодня «единое» социальное и культурное пространство — городские окраины.

«Движение» центра и окраин: исторический контекст

Метафора «Город окраин», указанная в названии, по отношению к постсоветскому Улан-Удэ была применена местным историком Сергеем Галдановым, который в своей статье «Город без горожан?» обозначил противоречие между официальным статусом «города» Улан-Удэ и его слабоурбанизированным ландшафтом. Он отмечает: «Словосочетание “город Улан-Удэ” представляется внутренне противоречивым. Крупный административный, политический, экономический, культурный, научный центр, — и одновременно — это “город, состоящий из одних окраин” [...] это город, состоящий из поселков, а теперь уже из деревень и улусов» [7, с. 58-59]. Чтобы понять суть этого противоречия, нужно обратиться к истории города, к тем социально-экономическим и политическим проектам, продуктом которых он в итоге и стал.

Надо сказать, что за почти три с половиной столетия с момента своего основания (1666 г.) Улан-Удэ прошел длительный путь от острожного поселения до достаточно значительного по территории (377 кв.км.) и населению города (около 400 тыс. чел.). В XVII в. он — административный и военный центр Забайкалья. В XVIII-XIX вв. — один из его торговых центров. В 1920 г. — становится столицей Дальневосточной республики. В 1923 г. — объявлен столицей Бурят-Монгольской АССР. С 1958 г. — столицей Бурятской АССР, с 1992 г. — столицей Республики Бурятия.

Построенный казаками в качестве опорного пункта продвигающейся в Сибирь царской России, Верхнеудинский острог (впоследствии Верхнеудинск, а с 1934 г. — Улан-Удэ) расположился на возвышенности у места слияния двух рек — Уды и Селенги. Деревянная крепость острога была сооружена в 1680-е гг. на возвышенности правого берега р. Уда — «Батарейной горе» и просуществовала до конца XVIII в. [13, с. 29-30]. Вслед за сооружением острога ниже его, на плоской прибрежной террасе Уды, постепенно разрастается казачье поселение — Посад. Именно этой территории «большого города» [13, . 28] и предстояло стать общегородским

центром и пробить таковым в течение двух последующих столетий. Дальнейшая застройка города производилась стихийно в северном, западном и в южном направлении.

В качестве военно-опорного пункта Удинский острог быстро утратил свое значение. Укрепление добрососедских и взаимовыгодных отношений с Китаем и Монголией в XVIII в. привело к тому, что острожные функции города (в первую очередь — защита, оборона) окончательно отошли на второй план. Последующее развитие Удинска, исполнение им роли многофункционального центра Забайкалья оказалось возможным благодаря его выгодному транспортному положению и в связи с установлением в середине XVIII века Кяхтинской торговли. В XVIII-XIX вв. через город неизменно проходил большой поток товарного транспорта из Кяхты в Иркутск. Через Верхнеудинск проходил также путь в Восточную Даурию, официальный Московский почтовый тракт, а в конце XIX века была проложена и Великая Транссибирская магистраль. В этом смысле «особое значение для исторических судеб Верхнеудинска имело то обстоятельство, что, несмотря на изменение способов передвижения и направления торговых связей, свое значение узла транспортных путей он сохранял неизменно» [13, с. 84-88].

С 1768 года в Верхнеудинске стала проводиться ежегодная ярмарка [10, с. 32-33, 52-54]. По размерам торговых оборотов она занимала первое место в Забайкалье. Местом ее проведения постепенно стала центральная (Базарная, Гостинодворская) площадь «большого города» с расположенными на ней Гостинодворскими рядами, которые вначале были деревянными, а впоследствии были выстроены из камня.

Изменение исторической роли Верхнеудинска (от военной крепости — к торгово-перевалочному центру) повлекло существенные преобразования в его морфологии — центр города с «Батарейной горы» постепенно переместился на Гостинодворскую площадь (сегодня — площадь Революции). Ее пространство формировали новые места — каменный Гостиный двор (Гостиные ряды) и несколько купеческих домов, расположенных в непосредственной близости. Новый символический центр, архитектурно сложившийся к 30-м годам XIX века, зафиксировал и новую идентичность всего города — торговую. Вместе с тем, у той же Гостинодворской площади были выстроены и административные здания местной власти (Верхнеудинская городская управа, Верхнеудинское окружное управление, почта и пр.), образовательные и культурные учреждения. В связи с этим можно говорить о том, что в реструктуризации городского пространства значительную роль сыграл административный аппарат: формирование центра происходило по проекту городской власти, хотя и было инициировано «снизу» (в первую очередь — купцами, обладающими значительным финансовым капиталом). Представители административной и экономической элиты города свои личные дома также предпочитали строить в непосредственной близости к новому центру [10, с. 29-30]. В итоге, Гостинодворская площадь стала, используя язык П. Бурдые [см., например: 6, с. 33-52], местом, в котором сконцентрировались позитивные полюса всех полей социального пространст-

ва Верхнеудинска (административного, экономического, культурного и пр.). И большинство из тех, кто занимал лидирующие позиции в соответствующих сферах общественной жизни, также стремились «закрепиться» именно в этой его части.

При этом сам посад, возникший, как мы отмечали, в конце XVII века на плоской прибрежной террасе Уды, продолжал разрастаться. К 1810 году Верхнеудинск состоял из 19 улиц и был разделен на Заудинское предместье (левый берег Уды), собственно «город» (или Посад — «большой город» в излучине между Удой и Селенгой) и предместье за р. Селенга — слобода Поселье [23, с. 80–81]. Количество жилых зданий в течение XIX в. постоянно увеличивалось, причем не за счет расширения зоны строительства, а преимущественно за счет уплотнительной застройки Посада. По-видимому, территория в естественных границах нижней приречной террасы еще как-то удовлетворяла потребности города» [13, с. 52].

Вплоть до начала XX века границы Верхнеудинска практически не менялись. К концу XIX века нижние приречные территории по обе стороны Уды были застроены, причем достаточно уплотненно. В меньшей степени осваивались территории на севере города, включая левый берег Селенги. Ситуация изменилась, когда началось строительство верхнеудинского участка Транссибирской железнодорожной магистрали. Начиная с 1900 года, когда было открыто паровозное депо, город приобрел значение важного железнодорожного узла Западного Забайкалья. К «дороге» были направлены сотни рабочих и служащих из крупных городов европейской части России; началось освоение не только нагорной части города (ныне — территории вблизи пл. Советов —

доминирующий центр Улан-Удэ), но и северной, прилегающей к Иркутскому тракту и р. Селенга. С начала 1900-х гг. земли между городом и железной дорогой быстро застраиваются. Вместе с появлением по обе ее стороны ведомственных зданий расширяются кварталы частных жилых домов. Произошедшие изменения дифференцировали и укрепили торгово-экономические функции Улан-Удэ, благодаря чему он продолжал расти. При этом промышленность в городе была все еще слабо развитой, а сам город — относительно бедным.

С установлением советской власти в морфологии города происходят знаковые преобразования. Став в 1923 г. столицей Бурят-Монгольской АССР, Верхнеудинск, сохранив при этом свое «традиционное значение важнейшего пункта обмена и распространения товаров», превращается в «главный очаг новой национальной культуры» [13, с. 86–87]. С момента образования БМАССР на территории города начали работу республиканские политические, админист-

ративные, общественные и хозяйственные объединения. В результате в конце 1920-х — начале 1930-х гг. «жилые» границы города расширяются, в особенности на северо-востоке и в южной части, за Удой; производится застройка по линии железной дороги, заселяются сохранившиеся пустыри на «Батарейке».

Меняются границы общегородского центра. Значимым в этом смысле является 7 ноября 1926 года: в этот день в нагорной части был установлен «Памятник борцам за коммунизм». «Этим актом символического значения была сделана попытка перенесения Центра [...] из традиционной части города на возвышенность, расположенную над ней [...] Таким образом, центральная улица Ленина, соединяющая прежний [...] и вновь образованный центр, приобретает новый символический смысл [...] Хотя новый центр (площадь Советов — прим. авт.)

уже формировался, еще некоторое время местом проведения центральных общественно значимых ритуалов (митинги, демонстрации, советские праздники) оставалась Гостинодворская площадь» [19, с. 109–124; см. также: 20, с. 75; 13, с. 90]. Центральная зона дореволюционной застройки несмотря на то, что «генплан не ставил задачи сохранения исторического своеобразия архитектуры города» [13, с. 138], была сохранена в течение всего советского периода истории города.

В 1930-ые годы в городе развернулась крупная индустриальная стройка, в ходе которой было образовано несколько промышленных районов. В 1934 году начал свою работу паровозоремонтный завод (центральный район), вместо старого стекольного был построен механизированный стекольный завод (северо-западный район). В 1937 году были сданы в эксплуатацию основные производственные цеха мясоконсервного комбината (юго-восточный район), с 1938 года началось сооружение авиационного завода (восточный район) [13, с. 98–104]. Уже после Великой Отечественной войны были открыты суконная фабрика (1946), фабрика первичной обработки шерсти (1963), небольшие предприятия «Механлит», мотороремонтный завод превратились в крупные заводы «Электромашина» и «Теплоприбор».

В 1938 г. произошло, по сути, первое в истории Улан-Удэ административное разделение города. Постановлением Президиума ВЦИК образованы Городской, Железнодорожный и Пригородный районы. За счет разукрупнения Городского и Железнодорожного районов в 1945 году был образован еще и Заводской район, который ликвидировали уже в 1948 г., включив его территорию в состав Железнодорожного. В 1957 году Городской район переименовали в Советский, а Пригородный — в Октябрьский. С этого времени наименования трех городских районов (Железнодорожный, Октябрьский, Советский) не изменялись. К концу 1950-х гг. социальное пространство Улан-Удэ представляло собой совокупность рабочих поселков про-

мышленных предприятий (Стеклозавод, ЛВРЗ, Авиазавод) и «слободок» (Батарейка, Зауда, Шишковка, Аршан) [14, с. 95]. В город прибывало все больше новых жителей, уровень освоения пригородных территорий был крайне высок (в сравнении с доиндустриальным периодом). Расширение окраинных территорий происходило, таким образом, преимущественно за счет промышленного строительства, в том числе создания жилых поселков — заводских спутников. Границы городской черты расширялись дважды: в 1934 и 1939 году. В первый раз расширение произошло за счет включения территорий левобережья Уды, во второй — за счет территории правого берега с авиационным заводом и поселком Верхняя Березовка [13, с. 238]. При этом значительные территории между новыми перифериями и общегородским центром до начала 1960-х были слабо застроены, поскольку промышленные предприятия строили исключительно в своих поселках, а у городских властей средств было недостаточно [13, с. 150]. В связи с этим общая городская панорама долгое время оставалась крайне фрагментированной. Важно отметить, что возникновение крупных внутригородских точек промышленного роста не привело при этом к смещению символического центра города на территории заводских окраин.

При этом с началом индустриализации и массовым наплывом мигрантов из Центральной России и (в меньшей степени) сельских территорий республики в городе обозначился кризис жилья, с которым не удавалось справиться в течение всего советского периода. Приоритет промышленной застройки, недостаток строительных материалов на несколько десятилетий предопределили характер жилой архитектуры: основным способом разрешения жилищных проблем до 1960-х годов было одноэтажное строительство деревянных домов усадебного типа. Строительство осуществлялось как в соответствии с Генпланом, так и самовольно [13, с. 155]. Несмотря на то, что массовое индустриальное строительство сопровождалось все увеличивающимся плановым жилищным строительством, жилья, мест для размещения прибывающих рабочих и специалистов не хватало [26, с. 4]. Очереди на предоставляемое государством жилье не уменьшались даже в периоды массовых многоэтажныхстроек в 1960-х годы и в позднесоветский период. Реакцией на острый кризис жилья уже с 1930-х гг. становится массовое нерегулируемое возведение вблизи индустриальных предприятий, в рабочих поселках, на окраинах города одноэтажных индивидуальных деревянных домов, времянок, бараков и т.п. В них одни из горожан жили и надеялись получить от государства благоустроенное жилье, другие — старались обустроить быт на долгосрочную перспективу. В итоге к началу 1990-х годов не менее трети территории Улан-Удэ — республиканской столицы — имело «растрепанный», аморфный, бесструктурный, часто «сельский» облик.

Ко времени Перестройки также стало ясно: «поселковый», нацеленный на автономность, стиль застройки в 1990-ые годы станет «бедой» местных сообществ. Переход к рынку городские окраины переживали, как представляется, более болезненно, нежели центр. Кризис в сфере общественного потребления, деградация социальной, культурной и бытовой инфра-

структуры при Заводах в рабочих поселках — все это толкало местные сообщества к скорейшему поиску стратегий интеграции в Город (центр).

Городские окраины в административном дискурсе и дискурсе СМИ

Каким же образом городские окраины, а вместе с ними и центр Улан-Удэ, представлены в современном административном дискурсе? Каким образом пространственная сегрегация утверждается в официальных текстах города? Ответить на эти вопросы позволяет анализ административных источников, связанных с текущим и перспективным развитием Улан-Удэ (в статье использованы, в частности, устав, генплан, стратегия развития Улан-Удэ до 2027 года, материалы официального сайта города).

Итак, по Уставу город Улан-Удэ как муниципальное образование состоит из трех административных районов: Железнодорожного, Октябрьского и Советского (подобное разделение существует с 1957 года). Первый включает в себя северный берег реки Уда (136 тыс. жителей), второй — южный берег реки Уда (171,5 тыс. жителей), третий — левый берег реки Селенга, историческую часть и «периферийные» районы на северо-западе (48 тыс. жителей) [22].

Советский район с момента своего образования получил статус «центрального» (до 1957 г. — Городской). И сегодня его положение в качестве многофункционального центра города определяется преимущественно историческими предпосылками. Указание на это можно найти, к примеру, в недавно опубликованном проекте стратегии развития города до 2027 г. [22]. «Фрагментарность (территориального — прим. авт.) плана сочетается с доминированием одного общегородского центра — исторической части города с концентрацией в ней исторических и архитектурных памятников, музеев, административных и деловых функций. Помимо этих характеристик, этот район города обладает наибольшей связностью и удобной транспортной доступностью. Эти качества являются как следствием геометрически центрального размещения в городе (с учетом отдаленных районов), так и пересечения здесь общегородских магистралей» [12].

Утверждение «Советский район — праматерь столицы» сегодня натурализовано [9, с. 290–291] — выглядит естественным и не вызывает каких-либо возражений как в бытовом, так и в публичном дискурсе. Городская администрация характеризует его как «город внутри города»: «Это уникальный район – административный, деловой, исторический, культурный центр города, своеобразная модельная территория» [11, с. 5]. Особый статус района выводится при этом из истории его формирования и развития: «Не надо забывать, что именно с этого района и пошло развитие столицы республики» [2, с. 13]. Советский район СМИ называют «лицом столицы», «культурной и торговой Меккой города»: «Тысячи улан-удэнских семей выбирают своим местом проживания Советский район. Для многих поколений улан-удэнцев жить в цен-

тре, значит быть в центре всей жизни. С детства родные взору пейзажи Советского района сегодня заиграли современными красками. И это неудивительно, ведь быть “визитной карточкой” столицы обязывает ко многому» [1].

Сохранившиеся преимущественно в Советском районе «исторические кварталы обладают достаточно высоким качеством архитектурных решений, являются основной ценностью существующей сегодня застройки города» [22]. Здесь важно отметить, что именно Советский район является как в советские годы, так и в настоящее время главным «местом» в презентации всего города [17, с. 27–83]. Большая часть памятников архитектуры дореволюционного Верхнеудинска [18, с. 53–57], сохранившихся в Улан-Удэ, а также наиболее (символически) значимые памятники советской эпохи расположены именно в Советском районе, точнее, в его центре (историческом центре города).

Между тем, становление «рынка» в 1990-х годах теоретически могло привести к обесцениванию символического капитала «советского» центра города. В Улан-Удэ потенциально могли возникнуть новые центры притяжения экономического, культурного, социального и прочих капиталов. Однако этого не произошло: развитие города пошло по инерции – от прежнего центра к периферии. Очевидная причина этого — городские окраины в большей степени, нежели сложившийся в советские годы центр, утратили роль социального интегратора и стали «дичать». В этих условиях концентрация капиталов различного рода в центре Советского района (центре Улан-Удэ) не могла не усилиться. Возник так называемый эффект «сжатия города» [25, с. 295–307]. На фоне всеобщей социальной деградации символический капитал административного и исторического центра позволил Советскому району сохранить позицию лидера, что отразилось и на приоритетах развития внутригородских территорий: два других административных района города отошли на вторые позиции. Действительно, с символических позиций «центр — периферия», Железнодорожный и Октябрьский районы сегодня существенно проигрывают Советскому (что в целом было характерно и для советских лет). При этом в городском сообществе это обстоятельство принимается в основном как само собой разумеющееся.

Железнодорожный район в административном дискурсе более всего соотносится с образом «промышленной» территории. Это представление также опирается на исторические основания и реалии его ландшафта: район был сформирован во многом благодаря строительству паровозоремонтного (локомотивовагоноремонтного) завода (1932 г.) и окружающего его соцгородка. При этом он более, чем другие, воплощает в себе результаты «рыночно неэффективной» советской застройки, в частности, «характеризуется низкой плотностью самой застройки,

как жилой, так и производственной, гипертрофированной долей промышленных предприятий, фрагментарной и пространственно дисперсной освоенной территорией и пр.» [22]. Очевидный центр Железнодорожного района образуют, на «современный» взгляд, территории у крупного торгового центра «Саган Морин» и кинотеатра «Октябрь» с их развитой торгово-деловой инфраструктурой. Здесь же расположена администрация района. Особенность такого размещения районного центра проявляется в том, что он оказывается в смежном положении с общегородским административно-культурным центром (совсем рядом находится площадь Советов). При этом в «столкновении» центров «Железнодорожный» значительно проигрывает «Советскому», т.к. последний считается еще и «общегородским».

Октябрьский район города — «спальный» — преимущественно жилая территория с преобладанием многоэтажной застройки [8]. При реализации муниципальных планов по массовой застройке новых жилых микрорайонов доля населения города, сосредоточенная здесь, увеличится с 45 до 55-60% [8]. Однако здесь функционирует и несколько крупных промышленных предприятий. При этом территория и масштабы местных производств все-таки не соотносятся с соответствующими предприятиями Железнодорожного района. Октябрьский район также имеет явный центр — благоустроенная остановка «Саяны» с двумя значимыми объектами — новым зданием Государственного русского драматического театра им. Н. Бестужева и опять же районной администрацией. Здесь же неподалеку от остановки «недавно появилось самое высокое в городе жилое здание — шестнадцатизэтажная “Солнечная башня”. Центром культурного притяжения в районе, особенно в летний период, можно назвать и парк Юбилейный [4].

Официальная политика номинаций, то есть политика назначения (приписывания характеристики) окраин в трех городских районах Улан-Удэ выстраивается по единой схеме. В административном дискурсе ее результат имеет следующее наименование — «отдаленные микрорайоны». Так, Советский район города сформирован из следующих частей: Центральная часть, микрорайоны Заречный, Вагжанова, Батарейка, Левый берег, поселки Стеклозавод, Исток, Солдатский, Аэропорт, Сокол, Тулунжа и село Степное [15]. В состав Железнодорожного района входят микрорайоны Шишковка, Лысая гора, Аршан, Орешково, Загорск, Верхняя Березовка, 502 км., Зеленхоз, Матросово, Площадка, Гавань, Зеленый, Солнечный. На территории Октябрьского района расположено 12 отдаленных микрорайонов: п. Забайкальский, микрорайоны Новая Комушка, Горького, Южный, Тальцы, Таежный, Энергетик, Никольский, Светлый, Медведчиково, Сосновый бор, Звездный. Таким образом, в городе в постсоветский период было образовано 32 отдаленных микрорайона [16]. При этом, правда, до сих пор не определен правовой статус этих территорий, не определены их отличительные черты. Категория «отдаленные микрорайоны», очевидно, была выделена в рамках политико-административного дискурса, в речи политиков и чиновников. Сегодня она приобретает устойчивые институцио-

нальные формы — в районных администрациях созданы Управления по работе с отдаленными микрорайонами [см., напр.: 24]. Между тем, многие из этих территорий имеют названия, которые документально не зафиксированы, но узнаваемы в рамках повседневного дискурса: «... согласно акту 1997 года о застройке города, в котором сказано, что в Октябрьском районе официально числится только поселок Забайкальский, никаких других поселков — Силикатного, Жданова, Южного, Таежного — нет. Все эти названия считаются простонародными» [12].

Среди всех отдаленных микрорайонов города микрорайон Загорск и поселок Сокол являются «периферийными городскими поселениями, расположенными вне собственно города Улан-Удэ, но входящие в одноименное муниципальное образование» [22]. К слову, оба поселения стратегически важны для города, т.к. первое является спутником аэропорта (ключевого транспортного узла предполагающейся «Байкальской туристической зоны»), а второе функционирует в основном за счет улан-удэнского авиазавода, который существенно определяет наполнение городского и республиканского бюджета.

Границы социального пространства города помимо периферийных городских поселений формируют «периферийные сельские поселения» [22] — пригород, застроенный садоводческими участками, а также «самостроем» («нахаловками»). Здесь важно отметить, что сегодня и в исторической части города, в общегородском центре, можно встретить участки улиц из деревянных домов малоэтажной застройки, многие из которых находятся в аварийном состоянии. Рост города за счет обширных пригородных территорий осуществлялся в течение всего XX века без существенной и целенаправленной реконструкции старых кварталов. Наглядные результаты этого — повсюду. В подобных условиях «деревенскими» окраинами вполне можно назвать не только физические границы Улан-Удэ, но и территории в центре.

В целом, в административном дискурсе, что зафиксировано в официальных документах, городская пространственная структура включает: 1) доминирующую центральную часть; 2) «ядро» города (основная застроенная часть по обеим сторонам реки Уда); 3) «периферийные районы» (более удаленные от центра части — поселки, микрорайоны, входящие в МО «городской округ Улан-Удэ» — Солдатский, Сокол и пр.) Надо сказать, все в том же тексте «Стратегии социально-экономического развития города до 2027 г.» указывается, что и в «периферийных» районах — вне исторической части города — созданы некоторые предпосылки для формирования «новых центров городской активности» [22]. К ним отнесены территории вокруг возможных мест концентрации занятости (аэропорт, авиазавод, оптовый рынок по улице Борсоева), транспортные узлы (железнодорожный вокзал, автовокзал), религиозные центры (в первую очередь, буддийские и православные). В список включены крупные образовательные учреждения (ВУЗы) и зоны отдыха, расположенные в районах города, к примеру, парки «Юбилейный» в Октябрьском районе и им. Орешкова в Железнодорожном, которые обладают существенными территориальными и рекреационными ресурсами.

Появление в районах города новых центров, альтернативных историческому, вполне возможно и в известной мере необходимо. Это, во-первых, снизило бы «нагрузку» на исторический центр (особенно площадь Советов и «Арбат»), а во-вторых, предоставило бы жителям территорий, физически отдаленных от Центра, возможность организации культурно-досуговой деятельности в своем микрорайоне. В советское время такими «культурными центрами притяжения» были танцплощадка Русского театра драмы (1940-1950-ые гг.), танцплощадка Городского Сада («Горсада»), ДК «Строитель» (1960-1970-ые гг.) и пр. [14, с. 98].

Пока же в целом отмечается, что городские окраины («периферийные районы») не однородны по отношению друг к другу, особенно — в сравнении с центральной частью. Опросы общественного мнения, проведенные в начале 2000-х годов и использованные мэрией при разработке Стратегии развития города, зафиксировали следующие представления жителей Улан-Удэ о характеристиках социальной и культурной среды городских окраин [см.: 21, с. 172–173]. Наиболее безопасная, комфортная и гармоничная среда проживания сложилась в «Центре города» и некоторых микрорайонах Октябрьского района («Квартала», Саяны, Тонко-суконный комбинат, Энергетик), наименее благоприятная — в Железнодорожном (в особенности в микрорайоне ЛВРЗ (ПВЗ) и Шишковке). При этом дискомфортные «точки» проявились и на территории Советского района, причем не в столь удаленных (географически) территориях — «Батарейке» и «Стеколке». Все это свидетельствует о том, что «окраинность» как социальная и культурная характеристика не соотносится в городе только лишь с физической периферией. Она возникает там, где проявляется недостаточность «общественных благ» и концентрация маргиналов. В этом смысле искусственное заключение «отдаленных» микрорайонов в категорию «периферия» (при наличии «реальных окраин» в черте города) представляется излишним.

В сущности, практики номинации (определение части районов как удаленных, отдаленных), первоначально оформившиеся в разговорах чиновников, политиков, простых граждан, со временем стали «осадочными» в политико-административных институтах. Однако это подчеркнуло и зафиксировало не столько особое внимание к этим территориям, сколько их исключенное положение, которое с трудом преодолевается до сих пор. При этом важно отметить, что мэрия сегодня стала все более внимательно относиться к городским окраинам. В последние годы проблемы «отдаленных», а по сути нецентральных территорий, вошли «в повестку дня» и решались мэрией по возможности системно. Между тем, дистанция между Центром и «удаленными» микрорайонами оказывается все же символически длиннее физического расстояния между ними. Основания этого противоречия не в последнюю очередь заключены в

В сущности, практики номинации (определение части районов как удаленных, отдаленных), первоначально оформившиеся в разговорах чиновников, политиков, простых граждан, со временем стали «осадочными» в политико-административных институтах. Однако это подчеркнуло и зафиксировало не столько особое внимание к этим территориям, сколько их исключенное положение, которое с трудом преодолевается до сих пор. При этом важно отметить, что мэрия сегодня стала все более внимательно относиться к городским окраинам. В последние годы проблемы «отдаленных», а по сути нецентральных территорий, вошли «в повестку дня» и решались мэрией по возможности системно. Между тем, дистанция между Центром и «удаленными» микрорайонами оказывается все же символически длиннее физического расстояния между ними. Основания этого противоречия не в последнюю очередь заключены в

натурализации представлений местного сообщества о пространственной сегрегации города. В них одни из городских территорий «исторически» являются городом, а другие — нет. В отношении отдаленных микрорайонов хочется напоследок сказать: политика номинаций такого рода, возможно, и была оправданной в начале 1990-х гг., когда необходимо было целенаправленно работать с конкретными территориями на «периферии». Сегодня же представляется важным отказаться от такой сегрегации, начать «стирать границы» между «городскими» и «не-городскими» микрорайонами, по крайней мере, внутри административных районов, делая пространство Улан-Удэ более целостным. Это соответствует современным задачам комплексного развития внутригородских территорий. Это важно во многом и потому, что формирование в местных сообществах общегородской идентичности, чувства причастности к единому Городу позволит сделать жизнь в нем более гармоничной как в символическом, так и в утилитарном смысле.

Список литературы и источников

1. Административный, деловой и культурный — Советский район [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mou-ulan-ude.ru/> (11.05. 2009).
2. Айдаев Г. Советский район — праматерь столицы // Советский район: годы и люди. — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2003. — С. 13–16.
3. Амоголонова Д. Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурные практики / Д. Д. Амоголонова. — Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2008. — 292 с.
4. Борходоева Е. Центр отдыха переедет в кварталы // Информ полис. 10 апреля 2002 г.
5. Бурдье П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. — СПб.: Алетейя, 1999. — С. 125–166.
6. Бурдье П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение // Социология политики / Пер. с фр. Н.А. Шматко / Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1993. — С. 33–52.
7. Галданов С. Город без горожан? // Байкальская Сибирь: фрагменты социокультурной карты: альманах-исследование / Отв. ред. М.Я. Рожанский. — Иркутск, 2002. — С. 58–59.
8. Генеральный план [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/today/gradostr-politika/gen-plan/> (12.12.2009).
9. Йоргенсен М., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод / М. Йоргенсен, Л. Филипс. — Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. — С. 290–291.

10. Ким Н. В. Очерки истории Улан-Удэ (XVII – начало XX). — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1966. — 114 с.
11. Козлов А. Качество жизни как практическая задача // Советский район: годы и люди. — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2003. — С. 5–12.
12. Матвеева А. Готовьте деньги // Номер один. 6 апреля 2005 г.
13. Минерт Л. К. Архитектура Улан-Удэ. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. — 248 с.
14. Митупов К. Б.-М. Молодежные группы Улан-Удэ во второй половине XX века: истоки и причины активизации взаимодействия, смена функций, криминализация отношений // Город в системе этнокультурных взаимодействий Байкальской Азии: материалы международного семинара-совещания / Митупов К. Б.-М. [и др.] — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. — С. 94–105.
15. Паспорт Советского района [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/rayon/sovetsk/passport/> (12.05. 2011).
16. Постановление Администрации г. Улан-Удэ от 23 октября 2008 г. № 525 об утверждении муниципальной целевой программы «Развитие отдаленных микрорайонов, входящих в городской округ "город Улан-Удэ", на период 2008-2011 гг.» // СПС «Гарант».
17. Серебрякова Р. А. Улан-Удэ. Путеводитель. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. — 146 с.
18. Скопинцева Е. Верхнеудинск в Улан-Удэ // Байкальская Сибирь: фрагменты социокультурной карты. — Иркутск: Изд-во Ирк. гос. ун-та, 2002. — С. 53–57.
19. Скрынникова Т. Д. «Молодеет моя столица — процветает Улан-Удэ» / Т.Д. Скрынникова // Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период): Кол. моногр. / Сост. Т. Д. Скрынникова. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. — С. 109–124.
20. Скрынникова Т. Д. Улан-Удэ — советская столица национальной республики / Т.Д. Скрынникова // Город в системе этнокультурных взаимодействий Байкальской Азии: материалы международного семинара-совещания / Митупов К.Б.-М. [и др.]. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. — С. 71–84.
21. Стратегия развития города Улан-Удэ: Материалы научно-практической конференции. – Часть 1. — Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2005. — С. 172–173.
22. Стратегия социально-экономического развития города Улан-Удэ до 2027 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/tomorrow/razvit/> (12.12.2009).
23. Улан-Удэ: история и современность / Сост. А.Б. Иметхенов, Е.М. Егоров. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. — 480 с.

24. Управление по работе с отдаленными микрорайонами Советского района Улан-Удэ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ulan-ude-eg.ru/rayon/sovetsk/upr_otdal_mikro/ (12.05.2009).
25. Шманкевич Т. «Сжимающийся» город — новая сегрегация / Т. Шманкевич // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность / Под ред. В. И. Дятлова, С. А. Панарина, М. Я. Рожанского. — М. – Иркутск: Наталис, 2005. — С. 295–307.
26. Zhimbiev B. History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude / B. Zhimbiev. — London: The White Horse Press, 2000. — 121 p.

М. И. Найдорф

ОДЕССА. ГЛАВНАЯ УЛИЦА ГОРОДА

Осторожный автор любительской сетевой энциклопедии назвал Дерибасовскую «одной из центральных улиц Одессы» [3]. Формально он прав: не существует документа о присвоении этой улице на все времена особого статуса главной или центральной, хотя, традиция такая есть, и в отсутствие формальных оснований можно было бы апеллировать к общепринятому. Но, видимо, исторически сложившееся исключительное значение Дерибасовской для Одессы показалось автору не очевидным или, по крайней мере, не общеочевидным. Сомнение, следовательно, добралось до символа, в развенчании которого вроде бы никто не заинтересован.

В 1930-е годы Владимир (Зеев) Жаботинский в романе «Пятеро» восторженно назвал Дерибасовскую «королевой всех улиц мира сего», оговорившись, впрочем, что «такие вещи доводами не доказываются». Напомню этот отрывок: «Это произошло на Дерибасовской, года через два после начала нашего рассказа. Редакция наша находилась тогда в верхнем ее конце, в пассаже у Соборной площади; и, по дороге туда, ежедневно я проходил то всей длине этой улицы, королевы всех улиц мира сего. Почему королевы, доводами доказать невозможно: почти все дома с обеих сторон были, помнится, двухэтажные, архитектура по большей части среднего качества, ни одного памятника. Но такие вещи доводами не доказываются; *всякий титул есть мираж* (курсив мой — М.Н.), и раз он прилип и держится не отклеиваясь, значит — носитель достоин титула, и баста. Я, по крайней мере, никогда в те годы не мог бы просто так прошмыгнуть по Дерибасовской, как ни в чем не бывало, не отдавая себе отчета, где я: как только ступала нога на ту царственную почву, меня тотчас охватывало особое сознание, словно произошло событие, или выпала мне на долю привилегия, и я невольно подтягивался и пальцем пробовал, не развязался ли галстук; уверен, что не я один» [4].

В последний раз Жаботинский был в Одессе в 1915 году, его «Пятеро» питались воспоминаниями юности. Описание Дерibasовской Семеном Юшкевичем в повести «Улица» тоже относится к началу XX века. Юшкевич пишет о Дерibasовской так, как можно сказать только о главной улице, что она «таинственно властвует над городом»: «На Дерibasовской всегда много народа — днем, вечером, в праздник, в будни, весной, зимой... Всегда на ней густо, шумно, тесно, грубо, нежно, очаровательно и страшно. Изрезанная во всю длину переулками, улицами, замкнутая собором и морем, она своими прелестными старинными домами, своим садом, неожиданно появляющимся за зеленой решеткой, своими отелями, кофейнями, ресторанами, магазинами, своим простором, большим куполом радостного неба, суетой, движением таинственно властвует над городом» [11, с. 77].

«Таинственная власть миража» — так можно сказать о символе как знаке особого рода, который отсылает не к частичному знанию (знанию о чем-то), а к целостному пониманию, т.е. к системе представлений, в рамках которой рождаются значения [6, с. 100]. В приведенных выше описаниях Дерibasовская — не просто улица с известным набором свойств, но особое место в Одессе, чье символическое значение открывается вместе с пониманием устройства и духа города в целом. Это чувство городского пространства порождало ту властную силу, которая заставляла, вступая на Дерibasовскую, «пальцем пробовать, не развязался ли галстук», и которая влекла на Дерibasовскую «много народа — днем, вечером, в праздник, в будни, весной, зимой...» [4].

Интересно, что в «Одесских рассказах» Исаака Бабеля Дерibasовской нет. Если для персонажей «Улицы» Юшкевича Дерibasовская является смыслообразующим центром их жизни, то для персонажей Бабеля центр находится там, где они живут и работают. Бабелевская Одесса как бы целиком перемещена в один из ее районов, в рабочее предместье, где есть своя (бандитская) аристократия, свой Король и свое место, предназначенное для размышлений о смысле жизни — стена Второго еврейского кладбища.

Юшкевич противопоставляет их: окраину города и центр его, символизированный Дерibasовской. Он описывает, как в движении от окраины к центру «уже чувствовался город, его гулкий шум... Мчались сани, звенели бубенцы, мелькали меха, зимние шапки.

— Вот тут забываешь обо всём, — произнесла Соня, грустно улыбнувшись. — Ах, этот город, ах эти улицы!..

Чем ближе к Дерibasовской, тем веселее становилось обоим. Зачем думать о печальном? Сейчас они вступят в заколдованное царство любви» [11, с. 122].

Бабель совсем иначе понимает пространство, в котором живут его персонажи. Оно как бы и не городское, оно размечено вечными природными ориентирами — солнцем, морем, естественной размерностью человеческого существования. Оно предельно демократично, это пространство, потому что помещает каждого человека «посредине мира». Когда солнце «дошло

до середины блистающего неба» (рассказ «Любка Казак»), «дикие мужики из Нерубайска и Татарки, остановившиеся на Любкином постоялом дворе, полезли под телеги и заснули там диким залиvistым сном, пьяный мастеровой вышел к воротам и, разбросав рубанок и пилу, свалился на землю, свалился и захрапел посредине мира, весь в золотых мухах и голубых молниях июля. Неподалеку от него, в холодке, уселись морщинистые немцы-колонисты, привезшие Любке вино с бессарабской границы. Они закурили трубки, и дым от их изогнутых чубуков стал путаться в серебряной щетине небритых и старческих щек. Солнце свисало с неба, как розовый язык жаждущей собаки, исполинское море накатывалось вдали на Пересыпь, и мачты дальних кораблей колебались на изумрудной воде Одесского залива» [1, с. 185].

Создал ли Бабель альтернативное понимание Одессы, или только художественно зафиксировал его, но сторонники «Одессы без Дерибасовской» находят в его рассказах надежную опору. Весь минувший век шел этот подспудный спор о Дерибасовской, фактически же, спор об Одессе — о любви к ней, об обиде на неё, о желанном признании ею.

Повесть Ефима Ярошевского «Провинциальный роман-с» — лучшее из одесской прозы 1960-70-х [13]. В ней тоже нет ни слова о Дерибасовской. Пространство у Ярошевского устроено так, что в центре не нуждается и даже чурается его. Схватывание города происходит здесь из невозможной верхней точки, откуда город еще *кажется* живым: «Птицы покричали, посплетничали и успокоились. Внизу искрились трамваи, проносился с зажженным фонарем продавец мороженого с тачкой под разноцветным тентом. Покрикивали машины... Внизу был город. Там были обидчики. А тут птицы, друзья». Но читатели (ненапечатанная книга отрывочно была известна в Одессе с 1970-х) знали то, что знал и автор: «обидчики» эти оккупировали город, умертвили его, сделали жизнь в нем невыносимо бесцельной: «Гробом казалась ему его квартира. И он выбежал, с треском надевая плащ... Улицы были покрыты язвами. Большой, порочный тротуар, в лужах из мочевины и похабных трещинах. Боже! Куда идти? «Кому повем печаль свою?...» И тогда над ним плакало небо, осыпались акации. Покорно мок под ливнем Привоз. Все в слезах проходили кони» [13, с. 23].

Жизнь персонажей в этом оккупированном «ими» городе состояла из разговоров. И минимума действий. «Посещения, посещения. Вся жизнь состояла из посещений», — читаем у Ярошевского [13]. «Потом мы пошли к Степанычу. Он вел с собой изнурительные беседы:

— Болен я, вот что главное. Болен. Я болен так же, как они. Или болен мир? Это крайне важно выяснить. Может быть, мы оба больны? Я и мир? Нет. Мир прекрасен. Люди погубили его. И я тоже. Расплодился, толкаются. Живут, а жить не умеют...». Или так: «Напряженной жизнью жил подвальчик, выпархивали оттуда синие плазменные язычки: алкоголики опохмелялись теплой водкой... Серный дымок вился из преисподней, куда падали, спотыкаясь, ханыги квартала» [13, с. 35].

Писатель говорит: «Слабоумие витало в воздухе». Понятно, что жизнь переходила туда, где её не могло быть — в мечту, эстетическо-ироническую фантазию: «А ведь было время. Были времена... Когда распахивалась ночь. Когда ночь была, как писал поэт, «как пиршественный стол»... Мы шли с ним, пересекая дома и улицы, проходили сквозь здания, нарушая все правила видимого движения...» [13, с. 26]. При чем же тут Дерibasовская, если нет города, а есть лишь грёза, живущая ради себя самой?

Роман Вадима Ярмолинца «Свинцовый дирижабль “Иерихон 1986—1989”» [5] — вещь, написанная одесситом, живущим в США¹. Суровая пристальность авторского взгляда сохранилась, надо думать, отчасти благодаря эмиграции. Как и незамутненная память об оставленном месте. В сознании эмигранта навсегда замирает срез времени, оборванного в момент расставания.

Персонажи романа живут в Одессе. Но сказать, что роман — об Одессе, значит упростить дело. Ярмолинец описал обрушение СССР в опыте обычного человека, не предполагавшего даже, что государство, в котором он живет, скоро исчезнет. Как и большинство сограждан, герой чувствовал, что непредсказуемо изменчивая повседневность стала отторгать его, игнорируя любые усилия найти в ней своё место. В итоге он последовал за автором в эмиграцию. Не будем забывать, однако, что его соотечественники, те, кто никуда не уехали, в сущности, тоже эмигрировали: спустя недолгие годы они нашли себя в другом государстве и в непредвиденно другом, сильно переустроенном мире.

В распаде СССР не было никакого трагизма и величия. Это вам не гибель Помпеи по Брюллову. Ложь, лицемерие и цинизм вконец разрыхлили государственные институты, но они же до последнего прикрывали их немощь. Здравый смысл и любые формы общественной самоорганизации подвергались унижительной травле, оставляя частному человеку, обывателю выбирать между разочарованием и еще большим цинизмом. Не очень-то весёлый выбор. И роман Ярмолинца поэтому не веселый. Раздраженное недоумение не раз появляется на его страницах. Журналист, получивший кагэбэшное задание, досадует: «Где была моя страна? Где была та страна, в которой я мог бы заниматься любимым делом, а не выполнять поручения идиотов, преследующих свои идиотские цели? В то время, как пресса и телевидение только и трубили об обновлении общества, клещ из комитета поручил мне очернить покойника на том основании, что при жизни тот был буддистом. Чем этому козлу и его начальникам мог мешать этот безмолвно медитирующий отшельник?» [12].

Не нужно было далеко ходить, чтобы увидеть, что хаос в стране нарастает не только по вине «козлов» и «идиотов». Комсомольские вожди уже вцепились в возможность обогатиться. Под видом борьбы с идеологической опасностью из-за рубежа, они устроили облаву на сходку, где молодые люди обменивались записями рок-музыки. Овладев пластинками, комсомольцы обсуждали, как ими распорядиться. «Это был самый обыкновенный дележ награбленного.

Я не представлял, как это все вернется к своим хозяевам. Я хорошо представлял только, как оно могло разойтись по этим жадным рукам, как эти бойцы идеологического фронта будут слушать эту музыку сами, со своими телками и под свою водку, постепенно свыкаясь с мыслью, что это принадлежит им по праву сильных, в смысле — наделенных властью» [12].

В романе Ярмолинца два рода связей психологически помогают герою устоять: тепло человеческой близости и родство с городом — с его, доставшейся от прошлого, материальной неизменностью, ясной структурностью и функциональной осмысленностью. Одесса у Ярмолинца конкретна, неповторима, персонализирована. В романе по разным поводам приводится более двух десятков названий улиц, площадей и районов города. Вся топография подлинная. Подлинные имена означают предельную реалистичность романного пространства. Не условный «большой город», а именно Одесса. И не когда-нибудь, а в самом конце её советской истории — с тогдашними еще улицами имени Ленина, Карла Маркса и Карла Либкнехта, Советской Армии, Клары Цеткин, Франца Меринга, Бебеля и Проспектом Мираⁱⁱ. В некоторых случаях автор сопоставляет два названия одной улицы. Например, напоминает, что улица Баранова до революции называлась Княжеская, а улица Энгельса — так это в устах официального лица, а в частном общении она неизменно зовется по-старому Маразлиевской.

Это давний приём привязывать сочиненное действие к протокольно точной топографии, благодаря чему рассказанное кажется более достоверным. Но Ярмолинец не просто называет улицы. Пространство города у него надлежащим образом осмысленно. Например, исторический центр города (в романе прямо сказано, «с одной стороны — порт, с другой — ж/д вокзал») — это, преимущественно, пространство личных связей. А дела — редакция комсомольской газеты, новый бизнес («кооператив занимал подвал в пятиэтажке на улице Терешковой»), а также частные дома новых деловых людей — вынесены за пределы центра, в район, который раньше считался маргинальным во всех отношениях. Знаток старой Одессы, американский антрополог Стив Ципперштейн как-то заметил, что в историческом центре люди жили на расстоянии пешей доступности, что было существенно важным для поддержания дружеских контактов. Это наблюдение верно и для пространства романа «Свинцовый дирижабль»: дружили в советское время ещё по-старинке, без телефонов, с личной явкой.

Дерибасовская на карте романа может быть названа «одной из центральных улиц Одессы». Она в нем не «царствует». Случается, что по пути к цели герой пробегает её, сворачивая в ближайший переулок, однако, у него не возникает известного Жаботинскому чувства, «словно произошло событие, или выпала мне на долю привилегия» [4]. Позднесоветская Дерибасовская уже успешно десакрализована. Наиболее значимое её место в романе — неоднократно упоминаемый Первый гастроном, расположенный в самом её конце, в здании исторического Пассажаⁱⁱⁱ. Герой заходит туда купить банку болгарских огурцов — ради маринада, чтобы справиться с похмельем. Вот и всё.

Между тем, Пассаж — это тот край Дерибасовской, где она переходит в Соборную площадь^{iv}. Именно Соборка (без снесенного большевиками собора) оказывается в пространстве романа смысловым центром города. Ярмолинец пишет: «Странное дело — куда бы я ни шел, непременно оказывался на Соборной площади. Она была главным перекрестком города. И сейчас я снова оказался в сквере возле школы, которую когда-то окончил. Школы, которую построили из камней того самого взорванного собора, из-за чего, говорят, над зданием этим висело проклятье. Это было, конечно, натуральное суеверие, тем не менее, здание постоянно давало трещины. Его камни как будто были недовольны нынешним местоположением и стремились порвать навязанные им связи, чтобы вернуться на свои старые места» [12]^v.

Мы видим, что автор не только чувствует неожиданно возросшую важность Соборной площади как нового центра города, он ищет священный источник её значения. Смещение центра — следствие смещения его основной функции. При советской власти личное богатство таили, государственная власть репрезентировала себя на площади парадов с памятником Ленину (площадь Октябрьской революции), а Соборка с памятником графу М. С. Воронцову [2]^{vi} стала символизировать преобладающие интересы частной жизни: скамейки, девушки, цветочницы, свидания, пони, катающие детей, бабушки, читающие внукам книжки («На детской площадке шумела детвора. На соседней скамейке перекуривали две подружки. Обе были в очень коротких кожаных юбках и туфельках на каблуках» [12] и т.д.). Одесситы захотели чувствовать себя общиной частных лиц — вне интересов государства, вне политики и, пока еще, вне бизнеса, — и они нашли в Соборке место, символизировавшее эти ценности. На траурный митинг на смерть А. Д. Сахарова в декабре 1989 года одесситы сошлись на Соборке. Тогда это был, в их понимании, смысловой центр города.

Между тем, в народном сознании Дерибасовская оставалась центральной улицей и символом Одессы. В романе приводится текст песни, которую поёт местная рок-группа:

По Дерибасовской родной гуляю я степенно,
Смотрю я в лица и грущу, признаюсь, откровенно.
Зачем, скажите, нам нужны Ямайки и Гавайи,
Когда у нас в Одессе есть не хуже попугаи!

Впрочем, фольклор всегда обращен к прошлому.

В последнее лето XX века автор этой статьи провел со своими студентами семинар на тему «Дерибасовская 2000-го года». Участники констатировали, что функция центральной улицы к ней частично возвратилась. Прилегающая к Дерибасовской Греческая площадь стала тогда транспортным узлом, куда сходились автобусные маршруты, связывающие центр со спальными районами города. Поездка «в город», поэтому, почти всегда означала выход на Дерибасов-

скую. Городской сад стал по моде тех лет центром продажи изделий сувенирного ремесла. Улица покрылась сплошной линией кафе и стала полностью прогулочной. Пестро украшались витрины. Появились фотографии с мелкими животными, уличные художники и музыканты, и аттракционы для детей. Улице вернулась, пусть провинциальная, развлекательность. На Дерибасовской вновь стали вероятны случайные встречи, невозможные в других местах города. «Если вы ищете необычный интересный подарок, то вам стоит заглянуть в Горсад», — говорили студенты. К 2000 году Дерибасовская вновь стала «улицей радостных встреч и подарков», — констатировали участники семинара.

В последующие годы власти города предприняли ряд мер, которые отразились на положении главной улицы Одессы. Теперь и Греческая площадь стала пешеходной. Таким образом, центральная улица была исключена из «большого» транспортного обмена. Сувенирная торговля была перенесена из Городского сада на Соборную площадь. Преимущественное размещение на Дерибасовской вновь получили респектабельные магазины и рестораны. Отчасти изменились способы демонстрации статуса и богатства: шикарную одежду заменил шикарный автомобиль у дорогого ресторана. Поэтому более важным, «центральным» стал перекресток Дерибасовской с Екатерининской улицей и прилегающими кварталами, где можно припарковать автомобиль. Всё это частично изменило состав и плотность гуляющей на Дерибасовской публики.

И всё же Дерибасовская традиционно остаётся своего рода витринно-демонстративной улицей города. Через сто лет после возведения одного из лучших торговых центров тогдашней России — «Пассажа Менделевича» на Дерибасовской построили торговый центр «Европа» (2005), появление которого символизировало вновь возникшую на грани XX-XXI веков моду на торговые центры. Немного ранее на Дерибасовскую «вступил» один из первых в Одессе ресторанов «Макдональдс». По той же «фасадной» логике на Дерибасовской в начале 1920-х был учрежден первый в городе советский ЗАГС^{vii}, в 1960-х появился первый магазин современного тогда быта «Синтетика», а десятилетием раньше (1956) — жилой дом работников знаменитой китобойной флотилии «Слава» (Это о ней оперетта И. Дунаевского «Белая акция», 1955)^{viii}. Праздники, фестивали, народные гуляния и по сей час, чтобы получить признание общегородских, должны явиться на Дерибасовскую. Например, первоапрельская Юморина включает шествие по Дерибасовской. На центральную улицу выносят всё, что может считаться важным для города: от фестиваля клезмерских оркестров и ежегодной книжной ярмарки до массовых гуляний в День города, креативных флэш-мобов, торговых и политических рекламных акций.

Дерибасовская является центральной или «одной из центральных улиц» в Одессе по ряду причин. Прежде всего, топографически. Она расположена в центре исторически «ядерной»

части города. И сегодня старый центр остаётся территориально равноудалённым от обоих краёв города, далеко растянувшегося вдоль берегов Одесской бухты.

Во-вторых, институционально. Историки Одессы отмечают, что первоначальный, так называемый, деволановский, план застройки Одессы [10] не предусматривал единого общественного центра города^{ix}. Центральная улица, следовательно, исторически возникла в ответ на общественную потребность сосредоточить в одном месте учреждения, обслуживающие общепонятные нужды горожан. Тут был заложен первый городской сад (1803) [10]^x, открыта первая городская коммерческая гимназия (Вольсея, 1804) и первое высшее учебное заведение в Одессе (Ришельевский лицей, 1817). В разное время на Дерибасовской размещали то, что считалось общественно ценным, например, первую одесскую типографию, знаменитый кинотеатр (кино «Уточкино»), в советское время — крупнейший книжный и нотный магазин, одесское отделение Госбанка (1953), в досоветское и постсоветское время — торговлю с вывесками знаменитых иностранных фирм. К Дерибасовской улице примыкают три площади, одна из которых, Театральная, где в 1810 году (в 15-летней Одессе!) был открыт Городской театр, другая — Греческая со старейшим, давно уже не существующим Греческим рынком и Соборная.

В-третьих, символически. Концентрация общественно важных институций помещает главную улицу в центр общественного внимания, делает её как бы основной сценой города. Появление на этой сцене значимо и определено условностями оформления и поведения (как известно, на Дерибасовской не спешат, «по Дерибасовской гуляют постепенно»). Повышенная семиотичность [9] на этой сцене означает, кроме того, что некоторые события, происшедшие на главной улице, приобретают общественную значимость только по этой причине. Газетный заголовок «Водитель, устроивший голливудскую погоню на Дерибасовской, будет наказан» намекает на то, что преследование нарушителя воспринимается как кинотрюк потому, что оно произошло на Дерибасовской [7].

Эволюция культуры, породившая на протяжении минувшего столетия массовое общество, породила и новые условия функционирования центра городского пространства. Для населения большого города масштаб улицы уже мал. Прогулка по Дерибасовской теперь лишь часть прогулки по центру города, образованного системой прогулочных улиц. Отнесение транспортных узлов за пределы центра освобождает его от случайных посетителей. Зато основным фактором привлечения прогуливающихся становятся кафе и магазины, а разглядывание витрин само по себе стало привлекательным занятием. Наконец, центр города должен теперь иметь площадку для массовых шоу и митингов (включая рок-концерты, которые можно понимать как особого рода омузыкаленные митинги). А Дерибасовская изначально для митингов не годится.

Центр города, однако, остаётся площадкой саморепрезентации городской общины. Обычные покупки, прогулки, развлечения теперь доступны в микрорайонах поблизости места жи-

тельства. За необычным — в театры, музеи, выставки — едут «в город», в центр его исторической части, которая остаётся основным носителем одесской идентичности.

Примечания

ⁱ Первая публикация была в журнале «Волга» в 2008 году. Полагаю, что это лучшее из прозы, написанной об Одессе в недавние десятилетия.

ⁱⁱ Ни одного из этих названий сейчас нет, восстановленные образуют, конечно, иной семиозис.

ⁱⁱⁱ Первый гастроном был самый благополучный продовольственный магазин в Одессе, напомилавший по своей демонстративной функции «Елисейский» гастроном на улице Горького в Москве.

^{iv} Одесситы так и не признали за ней официального названия — площадь Советской Армии.

^v На месте разрушенного в 2000 г. был возведен новый Свято-Преображенский собор, повторявший, в основном, облик старого.

^{vi} Граф М. С. Воронцов был в 1823–1844 годах генерал-губернатором новороссийским и бессарабским.

^{vii} «Читателю все это может показаться невероятным, но таково было время. Паспортов не существовало, и браки легко заключались и расторгались в отделе актов гражданского состояния на Дерибасовской в бывшем табачном магазине Стамболи, где еще не выветрился запах турецкого табака. Браки заключались по взаимному согласию, а разводы в одностороннем порядке» [5].

^{viii} Официальным гимном города является «Песня об Одессе» из оперетты И. О. Дунаевского «Белая акация».

^{ix} «Что до единого общественного центра города, он действительно не был предусмотрен. Однако при сопоставлении деволановского плана Одессы и его модификаций 1803, 1809 и 1811 гг. сразу же бросается в глаза не столько отсутствие такого центра, сколько несоразмерно большое число крупных площадей, рассредоточенных в пределах намеченных границ города. Всего их восемь, расположены они примерно на равных дистанциях друг от друга и за исключением будущей Соборной площади — прямоугольны. Невольно возникает предположение, что отсутствие общегородского центра связано с "региональными" функциями этих площадей» [10].

^x Адмирал де Рибас, первый начальник и «собиратель» Одессы, сделавший столь огромный вклад в это оживление и обогащение причерноморских земель, кроме всего прочего оставил городу его самую знаменитую улицу — Дерибасовскую и двухэтажный дом с садом на этой улице, идущей от Соборной площади на Ришельевскую. В 1801 году, когда де Рибас жил

уже в Петербурге, в доме его помещалась канцелярия и квартира следующего градоначальника, герцога де Ришелье. Герцог, продолжая начатое де Рибасом, усердно занимался садом, развел там белую акацию и посадил собственноручно целые ряды диких каштанов. Это был первый сад на степной, раскаленной одесском земле. Сегодня сад можно назвать зеленым музеем Одессы. В нем сохранилось немало столетних деревьев [8].

Список литературы и источников

1. Бабель И. Одесские рассказы // Избранное. М.: Художественная литература, 1966.
2. Граф Воронцов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.odessitka.net/content/view/99/138/> (дата обращения 20.06.2012)
3. Дерибасовская. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C4%E5%F0%E8%E1%E0%F1%EE%E2%F1%EA%E0%FF> (дата обращения 20.06.2012)
4. Жаботинский В. Пятеро. — М.: Независимая газета, 2002. — 333 с.
5. Катаев В. Алмазный мой венец. — М.: Советский писатель, 1979. — 224 с.
6. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/mamapg02/txt07.htm> (дата обращения 20.06.2012)
7. Милиция: Водитель, устроивший голливудскую погоню на Дерибасовской, будет наказан. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.odessa-daily.com.ua/lenta-od-novostey/45392-voditelya-porsche.html> (дата обращения 20.06.2012)
8. Одесса. История. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://live.od.ua/history/history/> (дата обращения 20.06.2012)
9. Фрумкина Р. «Единственное место, где молодой мечтает стать старым» // Отечественные записки. 2003. № 2. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/oz/2003/2/frumkina-pr.html>
10. Чарнецкий В. Загадка Деволана // Одесса. 1997. № 11-12. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://odessaglobe.com/russian/people/devolan.php> (дата обращения 20.06.2012)
11. Юшкевич С. С. Улица (из жизни одесских проституток). — Одесса: Оптимум, 2002. — 180 с.
12. Ярмолинец В. А. Свинцовый дирижабль «Иерихон 86—89». — М.: Олимп: Астрель, 2010. — 349, [2] с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/volga/2008/4/ia2.html> (дата обращения 20.06.2012)
13. Ярошевский Е. Провинциальный роман-с. — Нью-Йорк: Lifebelt, 1998.

ЦЕНТР — ПЕРИФЕРИЯ: СТРАНА

Е. Г. Милюгина, М.В. Строганов**ТЕКСТ ПРОСТРАНСТВА****Фрагменты словаря «Русская провинция»*****Часть вторая¹**

Словарь «Русская провинция» — первый в отечественной науке опыт комплексного осмысления и междисциплинарного описания пространства как носителя культуры. Необходимость его создания вызвана тем, что большинство современных разысканий в области культурного пространствоведения ограничиваются постановкой частных задач и потому оказываются односторонними: эти исследования касаются либо социологии пространства (провинциаловедение), либо мифологии пространства (локальные тексты), либо политологии пространства (областничество). Практически все из них отличаются произвольным выбором объектов для анализа, порой идеологизированностью используемых схем, а главное — отсутствием системного видения предмета. При таком подходе к проблеме невозможно, на наш взгляд, осмыслить и понять исторически сложившийся образ России как совокупности местных культурных сообществ и традиций.

Впервые идея создания словаря терминов, связанных с изучением провинциального текста, сформировалась в 2005 году. Словник этого словаря, составленный М. В. Строгановым и А. Ф. Белоусовым, был обсужден на Круглом столе «Современное провинциаловедение: задачи и методы изучения» в Курске; важные замечания и дополнения по содержанию и структуре словника сделали П. А. Клубков, В. Ш. Кривонос, Д. К. Равинский и Е. Н. Строганова [1]. С тех пор словник неоднократно перерабатывался, но общая структура его оставалась прежней.

Структура подготовленного нами Словаря включает следующие тематические разделы: Провинция как геополитическое понятие и административная единица; Провинция в системе децентрализованных исследований; Провинция в системе социальных иерархий; Пространство как текст; Типы общественного самосознания и социальной психологии; Литературные образы провинции. Основу Словаря составили исследования феномена русской провинции в системе самых разнообразных измерений и координат. В их числе — сопоставление геополитических и административных характеристик, анализ социальных иерархий столицы / провинции, мейнстрима / маргинальности, уяснение причин и форм текстуализации пространства, факто-

ров возникновения естественных и создания искусственных локальных текстов, описание типов общественного самосознания и социальной психологии, а также литературных образов провинции.

В качестве источников словарных статей в Словаре используются исторические, геополитические и социально-экономические сведения о включенных в словник регионах, рассматриваемых как локальные тексты; фольклорные и литературные произведения, отражающие провинциальную психологию, топику, феноменологию и сюжетику; градостроительные описания, архитектурные, скульптурные, живописные и графические произведения, запечатлевшие топику и феноменологию провинции; научные исследования провинции в системе децентрализованных и социальных измерений, запечатлевшие типы общественного самосознания и социальной иерархии.

Главные цели создания Словаря мы видим в обобщении результатов научных исследований пространства как носителя культуры, полученных отечественными и зарубежными учеными за полтора века развития этой отрасли знаний. В процессе работы над Словарем выработана и апробирована специальная комплексная методология исследования пространства провинции как носителя культуры, основанная на смысловом разграничении принципов провинциаловедения, областничества, исследования локальных текстов, краеведения (регионоведения) и органическом соединении их отдельных элементов. Методологию отличает междисциплинарный характер и семиотический подход.

Гарантом фундаментальности проведенных исследований стала аналитическая систематизация существующей на сегодня отечественной и зарубежной научной литературы о пространстве как носителе культуры; эта работа отражена в составленной в соответствии со сформированным словником тематической библиографии к статьям.

Список литературы и источников

1. Материалы Круглого стола «Современное провинциаловедение: задачи и методы изучения» // Пространство культуры и стратегии исследования: статьи и материалы о русской провинции. XX Фетовские чтения. — Курск: Курский гос. ун-т, 2006. — С. 249—255.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта по подготовке научно-популярного издания «Русская провинция: словарь», проект № 11-44-93009к. В подготовке материалов приняли участие студенты филологического факультета Тверского государственного университета Л. С. Быша, Е. М. Карпова, Е. А. Чистякова (см. подписи к статьям Словаря).

ⁱ Первая часть словаря опубликована в журнале «Лабиринт» №2, 2012.

Провинциал/-ка в столице. В России, как ни в какой другой стране, остро чувствуется разделение жизни на столичную и провинциальную. Русскую провинцию можно назвать государством в государстве, живущим по своим законам, со своими порядками и нормами поведения. «Между центром и провинцией сложились отношения, содержащие элементы конфликтов и противоречий, вызванные тем, что гипертрофия центра объективно ведет к упадку провинции. Дихотомия "центр — провинция" на протяжении вот уже нескольких веков российской истории воспроизводит расщепленный тип общественного развития: с одной стороны, модернизирующий центр, с другой — противостоящий ему мир провинции, подвергающийся модернизации» (Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград. М., 1992. С. 34).

Отсталость и затхлость русской глубинки постепенно сформировали представление о том, что «все губернские города похожи друг на друга. Посмотри на один — все будешь знать» (*Соллогуб В.А.* Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 218). Провинциалы и жители столицы находятся словно в разных пространствах, поэтому особенно интересной является ситуация, когда, например, жители глубинки попадают в столичный мир, чужой и неприветливый для них, но очень заманчивый и соблазнительный.

Сюжет «П. в. с.» появляется в литературе примерно с конца 1810-х гг. и является одним из признаков формирования оппозиции провинция / столица и дифференциации героев по локальному признаку. Одним из первых этот сюжет развивает М.Н. Загоскин в комедии «Г-н Богатонов, или Провинциал в столице» (1817). «Загоскин выводит на авансцену наивного провинциала, который становится смешной жертвой увлечения внешней стороной столичной жизни и мнимыми достоинствами титулованной петербургской знати. Автор как будто не дает явных оснований предполагать, что поведение Богатонова типично для всех поголовно провинциальных выходцев: главного героя избавляет от заблуждений его приятель, также провинциальный житель, однако упоминание внесценических персонажей, подобных Богатонову, закрепляет за типом провинциала качества, присущие этому герою» (*Строганова Е. Н.* «Миньятурный мир» провинции в русской прозе 1830-х — первой половины 1840-х годов // Русская провинция: миф — текст — реальность. С. 198). Продолжает эту тему А.Ф. Вельтман в повести «Приезжий из уезда, или Суматоха в столице» (1841). Начинаящий поэт Ордынин приезжает в столицу вместо того, чтобы поступать в Харьковский университет, куда его отправили заботливые родители, снабдив необходимой суммой денег. Обманом он получает еще тысячу рублей на расходы от тех же доверчивых родителей. Герой нанимает лучший номер в дорогой гостинице «Лондон», шьет платье по последней моде и ни в чем себе не отказывает. Благодаря своему товарищу Айголову юный поэт попадает в высший свет. Ордынин наивен и неопытен, верит всем лестным словам, сказанным в его адрес. Но публика все же замечает сходство стихов молодого гения со стихами Державина и других поэтов прошлого

времени. Позже Ордынин узнает, что был лишь временной забавой на вечере: «Дело вот в чем: для восхищений хозяина этого дома нужен был сегодня не ты, а вот этот человек с звездочкой на фраке. Необходимо было, во-первых, окружить его обществом, во-вторых, приятно занять. Дать бал — некстати; просто званый вечер — нет причины; и, следовательно, ему нужна была приманка и, если можно, подешевле, потому что он скряга. <...> Вот, тебя привезли сюда как фокусника, а нас приманили на гения. Удивительно ли, что все в восторге от твоих творений?» (*Вельтман А.Ф. Повести и рассказы. М., 1979. С. 256–257*). Выясняется, что стихи Ордынина были скучными, как проповедь, мужчины в это время лорнировали дам, а те «произносили ничего не значащее в свете *charmant!*» (с. 257). Новоиспеченного гения воспринимают как забаву, которой хозяин вечера угощает общество, как предмет, с которого можно начать разговор с нужным человеком. «Вот, мой милый, на каком подножии твоя слава» (с. 257) — эти слова открывают Ордынину глаза на его место в свете.

С самого начала описания жизни провинциалов в столице в разных произведениях встречается одинаковая мораль: напрасно «провинциальная интеллигенция, в настоящее время валом валит в Петербург. Все думается: не полегче ли будет? не совершится ли чудо какое-нибудь? не удастся ли примазаться хоть к краешку какой-нибудь концессии, потом сбывать свое учредительское право, и в сторону» (*Салтыков-Щедрин М.Е. Дневник провинциала в Петербурге // Собр. соч.: в 20 т. М., 1970. Т. 10. С. 542*). Поступки провинциалов понятны, они бегут от тоски, от бездействия у себя дома, но и в столице не находят для себя места.

Русская литература развивает образ провинциала в столице, но оставляет без внимания провинциалку. Это вполне оправдано: женщины XIX в. приезжали в столицу только для поиска выгодной партии или после замужества, в редком случае для учебы. Женщина ограничена в свободе действий, да и авантюризм не в ее характере. Зато в XX в. ситуация меняется, разные коллизии в столице происходят не только с провинциалами, но и с провинциалками. Например, в повести Т. Жариковой «Провинциалка» сразу две героини-провинциалки, в разное время и с разными целями приехавшие в Москву. Наташа и Валя когда-то были влюблены в одного молодого человека, потом их судьбы разошлись. Валя делает аборт, приезжает в столицу, удачно выходит замуж, ведет безбедное существование. Наташа же остается в провинции, рождает ребенка для себя, но потом также приезжает в Москву, чтобы найти отца своего сына, Джанкина, который уже давно проживает в столице. Наташа останавливается у Вали, но подруга не испытывает особой радости, ей кажется, что муж будет против нежданной гостии, да еще и с ребенком. Обстоятельства сводят давно любивших друг друга Валью и Джанкина, но у Джанкина есть и новая возлюбленная, Машенька, дочка богатых родителей, жениться на которой герою очень выгодно. История Наташи вполне предсказуема: муж Вали, Евгений Палыч, оказывается, уже давно мечтает о детях, и неожиданно появившаяся Наташа оказывается очень кстати, герои проникаются взаимной симпатией, финал их отношений вполне прозра-

чен. История Вали и Джанкина кончается менее благополучно: неожиданно пришедшая Машенька застаёт Джанкина вместе с Валей, любовный треугольник рушится. Таким образом, писательница даёт два финала сюжета «провинциалка в столице»: обе героини остаются в Москве, однако Наташа обретает счастье, а Валя рушит его собственными руками, отказываясь родить ребенка мужу и вернувшись к своему давнему возлюбленному, который, в свою очередь, оставил Наташу одну с их сыном.

В кинематографе сюжет П. в. с. положен в основу многих фильмов и сериалов, например: «Москва слезам не верит» (реж. В. Меньшов, 1979), «Провинциалы» (реж. В. Краснопольский, В. Усков, 2002), «Главные роли» (реж. В. Плоткин, 2002), «Линии судьбы» (реж. Д. Месхиев, 2003), «Нулевой километр» (реж. П. Санаев, 2007) и др.

Бывший вице-премьер России, а теперь один из лидеров оппозиции Б. Немцов активно использует имидж провинциала: «Немцов постоянно подчеркивает свое провинциальное происхождение и свою любовь к Нижнему Новгороду. Самое наглядное выражение этой любви — сборник автобиографических размышлений под названием “Провинциал”, работа над которым была закончена еще во время губернаторства в Нижегородской губернии». Название книги Немцова имеет иронический характер, намекая на важную роль «провинциального» Нижнего Новгорода для всей России. Политическая судьба Немцова развивалась по сюжету «из провинции в Кремль». Немцов играет на характерных приметах поведения провинциала. «Обыгрывая двойственный статус Нижнего Новгорода как провинциального города и как третьей столицы государства <см. с т о л и ч н о с т ь п р о в и н ц и и >, Немцов одновременно вкладывает положительный смысл в слово “провинциал”» (*Отто Буле*. Борис Немцов — провинциал. К вопросу о политическом имиджмейкерстве в постперестроечной России // Русская провинция: миф — текст — реальность. С. 118, 126—127). Таким образом, Немцов является доказательством того, что приезжий может не только обосноваться в столице, но и успешно помогать своему родному городу, не забывать о своих корнях и удачно пользоваться имиджем провинциала.

Е.М. Карпова, М.В. Строганов

Провинциализм, провинциальность. Обычно употребляются как полные синонимы. П-м определяется как «признаки, изобличающие в ком-нибудь провинциала (пренебр.)» либо как «слово или оборот речи областного происхождения, необычные в литературном языке (линг., лит.)» (Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2000. Т. III. С. 902). Более поздние словари дают более разветвленную систему значений: 1) «привычки и взгляды присущие жителям провинции»; 2) «пренебр. Ограниченность интересов, узость кругозора»; 3) «слово или выражение, свойственное областному, а не литературному языку»

(Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 1998. С. 1001; Булыко А.Н. Большой словарь иноязычных слов. М., 2004. С. 467).

На фоне оппозиции *п р о в и н ц и я / с т о л и ц а* ясно осознаются отличия в поведении, привычках, мировоззрении провинциалов и жителей столицы. Незыблемым примером для образца является столица. Провинция же хранит исконные традиции, порядки и обычаи, но в настоящее время все это считается затхлым и не пользуется популярностью, ибо моду диктует столица. Переносное значение термина *П-м* 'нечто устаревшее, ненужное и немодное' формируется стереотипами восприятия провинции. Представление о том, что время в провинции остановилось, что там господствует скука, однообразие, все больше проникает в сознание (Белюсов А.Ф. «А у нас в провинции...»: Стихотворение Ани Ярцевой «Посвящается Кондопоге» // Русская провинция: миф — текст — реальность). Хронотоп большинства текстов о провинции М. М. Бахтин называет «провинциальным городком»: «Здесь нет событий, а есть только повторяющиеся “бывания”. Время лишено здесь поступательного исторического хода, оно движется по узким кругам: круг дня, круг недели, месяца, круг всей жизни. День никогда не день, год не год, жизнь не жизнь. Изю дня в день повторяются те же бытовые действия, те же темы разговоров, те же слова и т. д. Люди в этом времени едят, пьют, спят, имеют жен, любовниц (безроманных), мелко интригуют, сидят в своих лавочках или конторах, играют в карты, сплетничают» (Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 396).

Столичная мода перенимается в провинции с отпечатком *П-ма*. Провинциалы в пьесе А.Н. Островского «Бесприданница» пьют шампанское не из бокалов, как в столице, а из чайников, наливая в стаканы. «"Столичность" безусловна и безусловно хороша. *П-ть*, ассоциируемая с мещанством, подвергается оценке и всегда проверяется. *П-ть* безусловно не хороша и всегда относительна: она зависит от того, с какой "столичностью" она соотносится» (Строганов М.В. А была ли провинция? Может, провинции-то и не было? // Отечественные записки. 2006, № 5. С. 234). Н.А. Добролюбов в статье «Луч света в темном царстве» (1859) дает типизированное представление о провинциальной жизни: «И жители, точно, гуляют иногда по бульвару над рекой, хотя уж и пригляделись к красотам волжских видов; вечером сидят на завалинках у ворот и занимаются благочестивыми разговорами; но больше проводят время у себя дома, занимаются хозяйством, кушают, спят, — спать ложатся очень рано, так что непривычному человеку трудно и выдержать такую сонную ночь, какую они задают себе. Но что же им делать, как не спать, когда они сыты? Их жизнь течет ровно и мирно, никакие интересы мира их не тревожат, потому что не доходят до них; царства могут рушиться, новые страны открываться, лицо земли может изменяться как ему угодно, мир может начать новую жизнь на новых началах, — обитатели города Калинова будут себе существовать по-прежнему в полнейшем неведении об остальном мире» (Добролюбов Н.А. Собр. соч.: в 9 т. М.; Л., 1963. Т. 6.

С. 322—323). Эти слова синтезируют прямое и переносное понятия о П-ме: нравы и привычки до того заостенели, что стали синонимом отсталости и ограниченности.

В современной лингвистической литературе используется ряд понятий, обозначающих явления за пределами литературной нормы: диалектизм, варваризм, вульгаризм; термин *П-м* употребляется реже других. Однако в понятии *П-ма* сочетаются все значения, которые содержатся в понятиях *диалектизма* и *варваризма* по отдельности. П-мы противопоставляются нормам современного русского литературного языка как несовременные, нерусские, нелитературные. Модные в провинции, но вышедшие из употребления в столице слова рассматриваются в качестве провинциальных: «...одно странное свойство гостя и предприятие, или, как говорят в провинциях, пассаж...» (*Гоголь Н. В. Мертвые души // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 18*). П-мом может быть названо иноязычное слово, употребляемое в регионах со смешанным населением; почти то же, что и региональный варваризм; под провинцией в этом случае понимается территория, населенная варварами, говорящими на искаженном имперском языке. *П-м* как 'местное слово' существует в двух разных значениях. Во-первых, это диалектное слово или выражение в недиалектной, литературной речи. Можно даже противопоставить диалектизмы и П-мы, однако это было бы очень субъективно: П-мы встречаются даже у крупных писателей, например у И.С. Тургенева («Записки охотника»), однако Тургенев часто использовал такие выражения вполне сознательно. Во-вторых, термин *П-м* может быть дублетом понятия локализм (слово или выражение, употребляемое только в определенной области или городе, которое неизвестно в литературном языке, но отличается от диалектизмов «некрестьянским» происхождением). Однако в роли какого-то города может выступать и столица, следовательно, значение термина не очень точно. Так, Ф.М. Достоевский несколько раз употребил слово *стриюцкий* и получил вопросы: что значит это слово? (*Клубкова Т.В., Клубков П.А. Провинциализмы и провинциальный словарь // Русская провинция: миф — текст — реальность. С. 138—139*).

П-ть — это признаки, избличающие в ком-либо провинциала (Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. Т. III. С. 902). Однако П-ть присуща не только провинции: «...нельзя думать, что то, что мы привыкли называть П-тью, отсутствует в столицах; следовательно, то, что мы видим в провинции, не обязательно есть порождение места. Например, мещанству как социальному типу присущи: отсутствие интеллектуальных запросов, агрессивность по отношению к новому и интеллектуальному, застойность и довольство своим состоянием. Если такой социальный тип мы встретим в столице, мы сразу определим его как мещанство; но если этот социальный тип мы встретим вне столицы, то само собой придет на ум иная характеристика: П-ть. Таким образом, одно и то же явление мы различно идентифицируем в различных социальных локусах» (*Строганов М. В. А была ли провинция? Может, провинции-то и не было? С. 234*).

П-ть, неразрывно связанная с «сельской жизнью», в сентиментализме воспринимается как патриархальная идиллия. Н.М. Карамзин в «Рыцаре нашего времени» патриархальный быт провинциальных дворян рисует в идеализированных тонах, «братское общество провинциальных дворян», «матадоры провинции» имеют обостренное чувство чести и справедливости, прилежно исполняют законы и служебные обязанности. Пушкин продолжит традицию идеализации провинциальности в описаниях семей Ларины и Мироновых. Однако уже у Гоголя мы видим совершенно другой подход, например, в «Мертвых душах» провинциалы не столь бескорыстны и наивны, они проявляют свои отрицательные качества: жадность, отсталость, стремление к наживе, пренебрежение своими обязанностями. Преувеличивая глупость городской молвы, Гоголь формирует миф провинциального города: «...пронесли было, что Иван Никифорович родился с хвостом назад» (*Гоголь Н. В. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 226*). Данная сплетня повышает веру в то, что в акте сотворения Миргорода участвовали демонические силы.

Типологическое описание П-ма и П-ти приводит к следующим выводам. П-м — это явление, которое очевидно только со стороны и никак не может быть манифестировано самим носителем его. К «знаковым» признакам П-ма могла бы быть отнесена подражательность, — но это свойство не только жителя провинции, но и вообще всего вторичного в культуре. Так по отношению к Франции ощущала себя русская культура XVIII в., и это ощущение очень точно охарактеризовал Грибоедов в монологе Чацкого о французике из Бордо, который почитал Москву «своей провинцией». Подражательность как означающее *П-ма* обуславливается, таким образом, стремлением низшего подражать высшему. В социуме такое стремление к подражанию естественно и неискоренимо: дети подражают взрослым, молодые народы — зрелым, ученики — учителям, подчиненные — начальникам. Там, где есть социальная иерархия (а в социуме она пронизывает собой все), там есть стремление низшего к подражанию высшему. Это стремление к подражанию можно назвать словами Гоголя о Хлестакове: «стремление быть чином повыше». Но Хлестаков — мелкий столичный чиновник, а Сквозник-Дмухановский более крупный провинциальный чиновник. Значит, тот комплекс, который свойственен всем социальным иерархиям, организует и отношения столицы/провинции как социально иерархичные. П-м, таким образом, — это не какое-то особое явление, отличное от других, это обычная низшая ступень социальной иерархии, развернутая из вертикали в горизонталь. В отличие от описанных выше социальных иерархий, предполагающих сонаходимость, П-м обуславливается географически: в рамках одного государства это сонаходимость, но для конкретных людей — это разделенность пространством.

П-м, как и другие низшие ступени социальных иерархий, осознает себя таковым лишь при столкновении с высшими. Дети в своем коллективе создают свои иерархии (наподобие взрослых и взрослые/дети), учащиеся — свои. Но все эти низшие слои, в том числе и П-м, не

осознают своей недостаточности до столкновения с высшими слоями. Подражательность всех низших слоев социальных иерархий есть стремление восполнить сознаваемую недостаточность. Поэтому П-м и не имеет собственного языка и пользуется языком, общим для всех низших слоев социальных иерархий. Механизм его действия общ с другими, иная — лишь обусловленность его работы.

Иное дело — П-ть, которую нужно и должно отличать от П-ма; неразличение их и вносит существенную путаницу в понимание явления. В повести И.И. Панаева «Провинциальный хлыщ» (1856) описан человек, который родился, сформировался и прожил значительную часть жизни в столице, здесь-то он и стал хлыщом. И только крайне расстроенное материальное состояние этого человека и домогательства кредиторов заставило его бежать из столицы и скрываться в провинции, где он провел остаток своей жизни. В столице он — столичный хлыщ, в провинции он называется провинциальным, но по Панаеву, хлыщ в столице и провинции остается хлыщом. Его страсть блефовать в жизни обусловлена не П-тью, но стремлением жить на широкую ногу, рассчитывая на бесконечный кредит родственных связей и положения, выдавать минутные увлечения за глубокие страсти. Он не ощущает своей социальной недостаточности и поэтому совершенно лишен П-мом, ибо, приезжая в столицу и поступая там в несоответствии с требуемыми нормами, он не замечает этого, будучи вполне доволен собой. Посторонние же люди замечают в нем тщеславие, хвастовство, блеф, но не провинциальное начало. Только в деревенском уединении хлыща рассказчик замечает на стенах «старинные граведоновские раскрашенные женские головки, некогда украшавшие все столичные кабинеты и потом перешедшие в провинцию» (*Панаев И.И. Повести. Очерки. М., 1986. С. 265*). Итак, по соответствию или несоответствию условиям модной жизни — виден житель провинции. Молодые дворянки в Москве «сначала молча озирают / Татьяну с ног до головы; / Ее находят что-то странной, / Провинциальной и жеманной, / И что-то бледной и худой». Но потом «взбивают кудри ей по моде» (*Пушкин. Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. VI. С. 159*), и от провинциальности Татьяны не остается уже ничего. В этом отношении интересен рассказ Н.А. Некрасова «Опытная женщина» (1841) с подзаголовком «Повесть из провинциального быта». Здесь кокетка, сама попадающая в любовную ловушку, ничем не отличается от кокетки столичной. И хотя побеждает эту «провинциальную неприступность» (*Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л., 1983. Т. 7. С. 255*) мужчина из столицы, оппозиция столицы и провинции в повести неактуальна. На провинциальной кокетке может быть не модная в нынешнем сезоне шляпка, но само кокетство, приемы его (шляпки, взгляд и проч.) неизменны в провинции и в столице.

Итак, П-м — это осознанное стремление жителя провинции возместить недостатки своего местожительства (весьма, между прочим, ощутимые и в прошлом, и в наше время) некоей амбициозностью, родственной амбициозности «маленького человека». Житель областного центра ощущает свою недостаточность перед столичным и вламывается в амбицию перед жи-

телем районного центра (и так — по цепочке — до бесконечности). *П-ть* — это не ощущаемое и не осознаваемое самим жителем провинции отставание от жизни. Например, в то время, когда в столицах началась мода на культурологию, провинция все еще жила поэтикой, за которую с еще большей степенью устарелости выдаются «художественные особенности». Но не агрессивная *П-ть* все-таки гораздо симпатичнее и поправимее, чем агрессивный *П-м*. *П-м* — это, таким образом, точка зрения самого жителя провинции; *П-ть* заметна только «со стороны» столицы. *П-м* вызывает резко негативную оценку (сатира, гротеск — обличение), *П-ть* же (если носителем оценки является не сам бывший житель провинции) вызывает то, что можно было бы назвать снисходительной иронией, по аналогии с позицией автора по отношению к социально низшему герою физиологического очерка натуральной школы (В.И. Даль, Е.П. Гребенка и др.; ср.: *Строганов М.В.* Человек в русской литературе первой половины XIX века. Тверь, 1996. С. 104).

Лит.: Провинция как реальность и объект осмысления: материалы научной конференции. Тверь, 2001. Статьи: *Коковина Н.З.* Провинциальный быт в структуре художественного произведения XIX века; *Кривонос В.Ш.* Гоголь: миф провинциального города.

Е.М. Карпова, М.В. Строганов

Провинциалка. Жительница провинции; *перен.* женщина провинциальных взглядов. Точной даты вхождения этого понятия в литературный язык нет, однако если слово *провинциал* («провинциальный житель») входит в употребление в конце 1810-х гг., то *П.* появляется чуть позднее, примерно в середине 1830-х гг. Повесть «*П.*» М.С. Жуковой стала первым произведением, в заглавие которого было вынесено данное понятие.

Впервые провинциальные барышни появляются в творчестве А.С. Пушкина, и хотя писатель еще не называет их *П.*, но в «Евгении Онегине» к описанию Татьяны Лариной применяет эпитет *провинциальная*; когда Татьяна впервые выходит в свет, московское общество находит ее «провинциальной и жеманной». Провинциальность выражается в нарядах, мода на которые уже прошла, и «запоздалом складе речей». Однако *П.* привлекают Пушкина самобытностью, отличающей их от однообразных столичных дам. В «Евгении Онегине» провинциальная Татьяна Ларина противопоставлена столичной Нине Воронской, названной «Клеопатрою Невы» (*Фаустов А.А.* Провинциальные барышни А. С. Пушкина // Русская провинция: миф — текст — реальность. С. 207).

К любой пушкинской *П.* (кроме Маши Мироновой) можно отнести слова: «Ей рано нравились романы; / Они ей заменяли все» (*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 19 т. М., 1994–1997. Т. 6. С. 44). Героини стремились перенести в жизнь схемы поведения, предложенные во французских романах: «Мария Гавриловна была воспитана на французских романах, и следо-

вательно была влюблена» (там же. Т. 8. С. 77). Но, «увлекая провинциальных героинь в мечтательный мир, пристрастие это еще больше увеличивает ту дистанцию, которая отделяет их от реальности. <...> Но это же несовпадение с реальностью — знак глубинной принадлежности судьбе. Провинциальные героини — не от мира сего; они живут в ожидании спасителя, того, кто послан судьбой и способен ввести их в мир подлинного бытия» (*Фаустов А.А.* Провинциальные барышни А.С. Пушкина. С. 209—210).

Описание П. продолжает М.С. Жукова в повести «П.» (1837–1838), где внешняя простота героини компенсируется насыщенностью внутренней жизни, которая скрыта от посторонних: «...в этих домиках с маленькими окнами, с горшками розанели и широкими ставнями живут люди весело, и часто очень счастливо», «в этой однообразной и тихой жизни есть и любовь, и поэзия» (*Жукова М.С.* Вечера на Карповке. М., 1986. С. 206, 207). Героиня Жуковой является старой девой, но нисколько не стесняется своего положения, а, наоборот, отстаивает право быть самой собой. В других произведениях Жуковой также встречаются П. Главная героиня повести «Ошибка» (1841) Полина, пережив в молодости историю «бедной Лизы», вышла замуж за пожилого человека, который стал ее спасителем и другом и от которого она родила ребенка. Полина, по замыслу Жуковой, должна пройти испытание взаимной любовью к блестящему молодому человеку Александру Цминскому. Александр воспринимает Полину как неземное существо, идеальную, безгрешную женщину. Однако слухи о ее прошлом он воспринимает как поругание святыни. В конце Цминский понимает свою ошибку, но Полина уже уходит в монастырь, совершая подвиг самопожертвования: «Но теперь я оставляю Александру дар бесценный, — любовь чистую, не помраченную ни одним черным воспоминанием, невинную как в первые минуты ее рождения» (Библиотека для чтения, 1841. Т. 48. Отд. I. С. 245). В «Двух сестрах» (1843) мотив самопожертвования приобретает другие оттенки. Сестры Ольга и Маша влюблены в Алесьева. Но Ольга замужем за нелюбимым мужчиной, единственное спасение для нее — жить жизнью Маши, быть счастливою счастьем сестры. Ольга уговаривает Алесьева жениться на Маше, и хотя после смерти мужа она может соединиться с Алесьевым, но предпочитает уступить любимого мужчину сестре. Внутренний мир Маши скрыт от читателя, но подвиг самоотвержения совершает именно она, отказываясь от Алесьева. В «Наденьке» (1853) заглавная героиня помогает своему возлюбленному, столичному гостю, добиться любви светской красавицы. В Наденьке все видят только «ненаходчивую», «несметливую» П., у которой нет шансов сделать хорошую партию. С точки зрения общества, основной задачей девушки является замужество и рождение детей. Если же она выбрала другой путь, она оценивается как кандидатка в старые девы. Самоотвержение для Наденьки — это возможность сделать свободный выбор, принять свою судьбу и не зависеть от мнения общества.

П. были не только героини художественных произведений, но и сами писательницы, изображавшие провинциалок. В 1830-е гг. заявляют о себе провинциальные писательницы, далекие от столичной и мужской литературы: Е. Ган, Н. Дурова, А. Марченко, С. Закревская. Их особенный статус определяется тем, что они вдвойне другие: и как пишущие женщины, и как П. Все они стремились к статусу профессионального литератора, так как творчество было для них средством к существованию (*Савкина И.* Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х годов XIX века). *Wilhelmshorst*, 1998).

Инверсию этого образа П. дает И.С. Тургенев в комедии «П.» (1850). Жительница уездного города Дарья Ивановна мечтает о том, чтобы перебраться в столицу: «Неужели же я вечно должна остаться здесь, здесь?» (*Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М., 1979. Т. 2. С. 411). Дарья Ивановна воспитывалась в столице, в доме графини Любиной, привыкла к роскоши и комфорту, но замуж ей пришлось выйти за провинциального чиновника и серьезно сократить свои запросы. С приездом графа Любина Дарья Ивановна предпринимает все, чтобы понравиться Любину, от которого зависит карьера ее мужа. Разыгрывая простодушную, искреннюю П., Дарья Ивановна проявляет незаурядную ловкость в достижении своей цели. До Тургенева в русской литературе были только мужские образы деятельных и пронырливых провинциалов (Молчалин, Чичиков).

В современном массовом искусстве образ П. стереотипен. На картине И. Лубенникова «П.» (1985) рыжеволосая девушка с ярким макияжем, в ажурных чулочках и мини-юбке стремится подражать роскошной блондинке, изображение которой висит перед ней. В зеркальце, в которое смотрится П., отражаются мужские усы: предпочтения П. формирует мужчина. Автор подчеркивает комичность этого копирования. Но такое копирование не является принадлежностью П.; именно так вела себя и москвичка Эллочка Людоедка в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (1928).

Современная песня сохраняет верность литературному типу наивной П. XIX в.: В. Малезик в песне «П.» изображает робкую девушку, впервые попавшую в столицу и растерявшуюся в многолюдном метро (Вячеслав Малезик // *Moskva.fm* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.moskva.fm/artist/вячеслав_малезик/song_2373177. Дата обращения: 11.11.2011). Герой песни М. Щербакова «Вместо того, чтоб гнить в глуши...», которого обвиняют во всех катаклизмах мира, признается: «Я же про этот шторм и шквал / Ведать не ведал, знать не знал, / Я в это время по Фонтанке / В белой рубашечке гулял. // В левой руке моей была / Провинциалка из села, / В правой руке моей фиалка / Благоухала и цвела» (Песни М. Щербакова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vdit.ru/mvd/songs/song19.htm>. Дата обращения: 11.11.2011). Авторская ирония не лишает образ П. обаяния и привлекательности: она и благоухающая фиалка здесь равноценны, тождественны.

Провинциальный комплекс столичности. Стремление крупных и средних провинциальных городов преодолеть свою *провинциальность* и приблизиться к *столичности*. Попытки реализовать это желание можно наблюдать как в самоидентификации территориального сообщества, так и в самоидентификации отдельных его представителей — *п р о в и н ц и а л о в*. П. к. с. — понятие, обратное *комплексу провинциала* и вместе с тем неразрывно с ним связанное. В основе комплекса провинциала лежит предвзято негативное отношение к месту, где родился и вырос, основанное на зависти к жителям мегаполисов и любых других населенных пунктов, превышающих по масштабу его родной *г о р о д* (село, *п о с е л о к*). Носитель этого комплекса считает, что родина его «неизлечима» и что реализовать себя он сможет только в том случае, если переберется на постоянное место жительства в столицу или хотя бы в более крупный город: «Мало быть гением, надо еще и жить в столице (*Аркадий Давидович*)» (Афоризмы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aphorism.ru/456.shtml>. Дата обращения: 11.11.2011). В основе П. к. с. лежит убеждение в социокультурной ущербности и экономической недостаточности, по сравнению с мегаполисом, места, где родился и вынужден жить. Однако носитель этого комплекса не рвется покинуть родину, так как, по его мнению, она не только «излечима», но и потенциально богаче мегаполиса (*с р. м а л а я р о д и н а*).

Наиболее эффективное решение проблемы П. к. с. для крупного провинциального города, которому тем не менее не суждено стать официальной столицей (*с м. с т о л и ч н ы й г о р о д с п р о в и н ц и а л ь н о й с у д ь б о й*), — это добиться статуса *третьей столицы* (*с р. с т о л и ч н о с т ь п р о в и н ц и и*). В этом случае конкретными носителями П. к. с. выступают провинциальные властные структуры, озабоченные внедрением своих социально-экономических планов и удовлетворением своих политических амбиций. Так, в 2009 г. борьба за звание *третьей столицы России* развернулась между властями Казани и Нижнего Новгорода. Победу в ней одержала столица Татарии, зарегистрировавшая в Роспатенте товарные знаки «Третья столица России», «Третий город России», а также «Russia's third capital». Использовать слоган «Третья столица России» Казань начала еще в марте 2007 г., что привело к конфликту между столицей Татарии и Нижним Новгородом. Свое право на бренд власти Нижегородской области обосновывали историческим фактом: во второй половине XIV в. Нижний Новгород был столицей Нижегородско-Суздальского княжества. Татарские власти, в свою очередь, обращали внимание на то, что третьей столицей России Казань назвал во время празднования ее тысячелетия (2005) прежний президент страны В.В. Путин. Казань победила в этом споре не потому, что она лучше Нижнего Новгорода, а потому, что она подала заявку в Роспатент на несколько дней раньше конкурентов. Нижегородская область зарегистрировала товарный знак «Столица Поволжья» (*Кряжев Р., Бегимбетова И. Казань стала столичной штучкой // Коммерсантъ. 2009. №59 (4114). 3 апр.*).

В средних провинциальных городах причиной формирования *сценария столичности* может выступать неоправданное ожидание провинциальным сообществом инициатив центральной власти или инвестиций независимых олигархов. По мнению провинциалов, склонных к этому варианту развития событий, их родной город должен быть избран властными структурами или состоятельными спонсорами для внедрения глобальных проектов, проведения масштабных акций или организации престижных рекреационных объектов, которые привлекут к городу внимание всероссийского, а еще лучше мирового сообщества и позволят ему в глазах соперников сравняться с мегаполисом. Такой сценарий столичности в его предельном, доведенном до абсурда варианте иронически описан И. Ильфом и Е. Петровым в романе «Двенадцать стульев». Его герой Остап Бендер попадает в город Васюки, уровень урбанизации которого исчисляется 8000 жителей, наличием картонной фабрики, чугунолитейного, пивоваренного и кожевенного заводов и лесного техникума. Остап предлагает жителям организовать междупланетный шахматный конгресс. Его проведение не будет стоить васюкинцам ни копейки, но принесет баснословную прибыль и радикально изменит статус города, в котором возникнут дворцы, светящиеся рекламы, сверхмощная радиостанция, в который со всех концов света устремятся океанские корабли, железнодорожные составы, почтовые самолеты и дирижабли. Завершением сценария столичности явится перенос столицы: «Столица автоматически переходит в Васюки. Сюда переезжает правительство. Васюки переименовываются в Нью-Москву, Москва — в Старые Васюки». Примечательно, что при таком развитии событий с карты исчезают названия Москва и Васюки, что в корне изменяет историю страны. Внешние инвестиции позволяют Васюкам в короткое время оставить далеко позади вторую и третью столицы: «Ленинградцы и харьковчане скрежещут зубами, но ничего не могут поделать. Нью-Москва становится элегантнейшим центром Европы, а скоро всего мира» (Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. М., 1988. С. 239, 245). Абсурдный литературный проект Ильфа — Петрова сегодня как никогда актуален. С легкой руки сатириков подобные сценарии получили в народе название Нью-Васюков.

Нью-Васюки — предельное выражение П. к. с. Понятно, что этот сценарий исключителен и едва ли исполним. Более реальным и частотным вариантом сценария столичности выступает желание провинциальных городов показать свою причастность к столичной культуре присвоением статуса «младшего брата» столицы (см. М о с к в ы у г о л о к).

Поскольку провинциальные города имеют разную историческую судьбу, их отношение к борьбе за тот или иной столичный или околостоличный статус может быть разным. Эта разница выявляется в сравнении екатеринбургского и пермского провинциальных текстов: «Жители Екатеринбурга охотно полагают свой город центром, третьей столицей. Для Перми же привычно амплу провинции и мифология „избранного“, особо энергетичного места, прежде всего как природного ландшафта. Екатеринбургцы акцентируют в рассказах о себе и городе

культурное, историческое, пермяки — природное и мифологическое. Первым важен город, вторым — имеющая вполне неопределенные очертания „земля“» (Абашева М.П. Писатель «здесь и сейчас»: территориальная идентичность современных уральских литераторов: пермяки и екатеринбуржцы // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М., 2004. С. 347).

В приведенном примере сценарию столичности противопоставляется *сценарий исключительности*. К сценарию исключительности можно отнести и самоидентификации провинциальных городов, тяготеющие к мифопоэтическому дискурсу. В чистом виде — это формула «Русская Атлантида», относящаяся к городам Мологе и Калязину, затопленным в 1930-е гг. в связи с организацией Рыбинского водохранилища (Владимиров Д. Русская Атлантида: Люди отказались покинуть родной город, приковав себя // Аргументы и факты. 2011. № 44. 2 нояб.). В самоидентификации Вышнего Волочка сценарий исключительности «Русская Венеция» соседствует со сценарием «младшего брата» столицы — «маленький Ленинград» (Город на Древнем Волоке / сост. И. В. Петров. М., 1967. С. 5). В самоидентификации города Конаково сценарий исключительности: «Конаково, Конаково! / Соловьиная весна» — перерастает в сценарий столичности: «Конаково, Конаково! / О тебе узнает вся страна!» (муз. О.Б. Фельцмана, слова М.С. Лисянского // Стихи и песни с именами [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.namepоеm.ru/text/1839.html>. Дата обращения: 11.11.2011).

Такие сочетания сценариев исключительности и столичности в самоидентификации провинциальных городов встречаются нередко. Симптомом формирования П. к. с. является их азартное желание получить столичный или околостоличный статус. Города, которые по уровню урбанизации не могут претендовать на звание третьей столицы, присваивают себе звание *столицы исключительного сценария*. Так на карте России возникли неформальные столицы: военно-морские (Кронштадт), церковные (Сергиев Посад), промышленные (Иваново, Кемерово, Магнитогорск, Норильск, Тольятти, Тула, Тюмень, Сургут и др.), продовольственные (Астрахань, Вологда, Краснодар, Ставрополь, Углич и др), торговые (Нижний Новгород), курортные (Сочи), лагерные (Магадан), и др. К слову *столица* здесь добавляется определение, характеризующее город согласно его географии, истории, расположению в нем крупнейших объектов какой-либо отрасли экономики, культуры, науки и прочих сфер жизнедеятельности. Многие из этих определений являются устойчиво употребляемыми на общероссийском уровне клише, некоторые известны только в самом городе (регионе) или отрасли, некоторые «столичные» прозвища оспариваются более чем одним городом. Такие города обычно называют *неформальными столицами*, однако точнее их называть *корпоративными* или *профессиональными столицами*: как правило, эти города — центр того или иного производства или тех или иных ремесел.

Тот факт, что претендентам на звание *столицы исключительного сценария* несть числа, ставит под сомнение фактор их исключительности, да и само понятие столичности в этом случае лишается смысла. Ср. русскую поговорку: «Есть в России три столицы — Рязань, Калуга, Луховицы», где обыгрывается идея *третьей столицы*, причем ни одна из исторических столиц в построенную иерархию *трех столиц* не входит.

Претензии на высокий статус и реальное положение конкретного города убеждает в двойственности его локального текста, в котором можно выделить тексты официально-презентативный и маргинальный: «Первый характеризуется позитивной установкой и использует негативные моменты для самоутверждения. „Дурное“ здесь — внешнее и временное по отношению к „хорошему“ — исходному и постоянному. Второй тип текста актуализирует частные оценки с преобладанием негативных. „Хорошее“ здесь может противопоставляться официальному „хорошему“ или находиться в относительном согласии с ним. Официально-презентативный текст апеллирует к прошлому, маргинальный фундируется в настоящем» (Литягин А.А., Тарабукина А.В. Конфликт в бесконфликтном пространстве: старорусский текст в повседневном быту // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. С. 179–180). Оппозиция официально-презентативного и маргинального текстов оказывается своеобразной конкретизацией антитезы *столичность / провинциальность* на локальном уровне.

В официально-презентативном тексте представлены меры, предпринимаемые провинциальным сообществом для решения проблемы П. к. с. В нем можно выявить соответствующие инициативы местных властных структур; ср. в «Ревизоре» Н.В. Гоголя попытки городничего и чиновников перед приездом ревизора создать иллюзию бурной модернизации города. Не меньшую роль в этом процессе играют и частные инициативы. Свою причастность к столичной культуре провинциалы выказывают в подражании ей: они возводят здания в столичном вкусе и оформляют их с претензией на изыск, имитируют костюмы, манеры, речь столичных жителей и т. д. (с м. п р о в и н ц и а л ь н ы й т е к с т).

Примером первого служит описание гостиницы Пожарских в Торжке, сделанное А.И. Ишимовой в 1840-х гг.: «В богатом Торжке и гостиницы богаты: и особенно одна, которую содержит вдова Пожарского. Мы удивлены были, вошедши в ее комнаты. Вообрази, милая сестрица, высокие и огромные залы, с окнами и зеркалами такого же размера, с самою роскошною мебелью; все диваны и кресла эластически мягки, как в одной из лучших гостиниц петербургских, столы покрыты цельными досками из цветного стекла, занавесы у окон кисейные с позолоченными украшениями. Но хозяйка не выдержала до конца характера изысканной роскоши, какой хотела придать своим комнатам: все это великолепие окружено стенами, не только необитыми никакими обоями, но даже довольно негладко вытесанными. Такая беспечность имеет в себе что-то оригинально русское» (ср. еще один новоторжский феномен —

«Малый Гранд-отель», созданный в эксцентрической комедии «Закройщик из Торжка» реж. Я. Протазанов, 1925). Начав со сценария столичности, А.И. Ишимова переходит к сценарию исключительности: «...главная слава этой гостиницы заключается не в убранстве ее; нет, ты, верно, не угадаешь в чем, любезная сестрица. В котлетках, которые известны здесь под именем пожарских. Быть в Торжке и не съесть пожарской котлетки кажется делом невозможным для многих путешественников» (*Ишимова А.И.* Каникулы 1844 года, или Поездка в Москву // ВИКА: Вышневолоцкий историко-краеведческий альманах. Вышний Волочек, 2001. № 4. С. 86). Пожарские котлеты с пушкинских времен и поныне являются брендом Торжка, что отмечает каждый проезжающий через Торжок путешественник: «На досуге отобедай / У Пожарского в Торжке, / Жареных котлет отведай / И отправься налегке» (*Пушкин А.С.* Письмо С.А. Соболевскому, 9 ноября 1826 г. // Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 13. С. 303); «..предметами / Лакомства барского — / Кормит котлетами / Дочка Пожарского» (*Бакунин А.М.* Поэмы и проза. Тверь, 2006. С. 57).

Такая же двойственность — маргинальность под маской столичной презентативности, по сути *ложная столичность* — характерна для костюмов, манер и речи провинциалов. П. к. с. точно отражен в русской комедии: «Советница. Ах! сколь счастлива дочь наша! Она идет за того, который был в Париже. Ах! радость моя! Я довольно знаю, каково жить с тем мужем, который в Париже не был» (*Фонвизин Д.И.* Бригадир // Собр. соч.: в 2 т. М.; Л., 1959. С. 48). Опыт парижской жизни и французский язык — вещи совершенно излишние для русской г л у ш и . Да и в столице они, судя по характеристикам гоголевских героев, не знающих французского, не очень востребованы. Тем не менее они выступают критериями оценки личности, что можно квалифицировать как П. к. с.: «*Подколесин.* Да так, как-то не того: и нос длинный, и по-французски не знает. — *Кочкарев.* Это еще что? тебе на что по-французски? — *Подколесин.* Ну, все-таки невеста должна знать по-французски. — *Кочкарев.* Почему ж? — *Подколесин.* Да потому, что... уж я не знаю почему, а все уж будет у ней не то» (*Гоголь Н.В.* Женитьба // Полн. собр. соч. Т. 5. С. 35—36).

Говоря о П. к. с., необходимо также различать столичность духовную и материальную: «Провинция, ты тем и хороша, / что сохраняешь от распада личность, / а если в нас духовная столичность, / провинциальность, право, не грешна...» (*Евтушенко Е.* Казанский университет // Русская газета: Стихи о Казани [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/stihi6/>. Дата обращения: 11.11.2011. Цитируемая строфа входила в главу 1 «Мост» после слов: «а дочь наивных террористских бомб» — и была исключена автором в позднейших редакциях поэмы; ср.: *Евтушенко Е.* Стихотворения и поэмы: в 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 318). П. к. с. — это стремление провинциальных городов и отдельных провинциалов достичь столичности в материальной сфере.

Лит.: Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М., 2004; *Гогин С.* О провинциальном комплексе столичности // Ежедневный журнал. 1 мар. 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ej.ru/?a=note&id=10841>. Дата обращения: 11.11.2011; *Ильяева И.А.* Провинциальный город в поиске столичной идентичности // Регионоведение. 2008. №2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://regionsar.ru/node/104>. Дата обращения: 11.11.2011; *Рябов О.* Столичность и провинция: эссе поэта и антиквара о вечной антитезе // Новая газета в Нижнем Новгороде. 2011. № 129. 18 нояб. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://novayagazeta-nn.ru/2010/158/stolichnost-i-provintsiya.html>. Дата обращения: 11.11.2011.

Е.Г. Милюгина

Провинциальный текст. Выделенная для изучения часть культурного пространства, границы которой определяются ее противопоставленностью столичному локусу (ср. московский текст, петербургский текст). Знаковое оформление П. т., как и локального текста, связано с особенностями географического, исторического и социокультурного пространства определенной провинции (губернии, области, региона и т. п.), однако процессы метафоризации П. т. и локального текста различны. Семиотика П. т. формируется в системе бинарных оппозиций *провинция / столица, центр / периферия, мейнстрим / маргинальность* (*Строганов М.В.* Провинциализм / провинциальность: опыт дефиниции // Русская провинция: миф — текст — реальность. С. 30—37). В своей противопоставленности столичному локусу разные по географическим и историко-культурным характеристикам провинции могут в известной мере уравниваться, а их локальная специфика — нивелироваться или смягчаться. В результате из частных П. т. и на их основе образуется целостный образ провинции — П. т. в широком смысле слова, «безымянная провинция» (термин А.Ф. Белоусова).

Идея П. т. как антитезы культурному локусу столицы сформировалась в основных своих чертах в работах русских культурологов 1910—1920-х гг., опубликованных в журналах «Столица и усадьба», «Мир искусства», «Старые годы». Как справедливо замечает Л. О. Зайонц, «в эту эпоху взгляд на „глухие провинциальные уголки“ из нарративной области перемещается в сферу научной историко-культурной рефлексии. Проявилось это не только в обилии „провинциального“ материала, хлынувшего на страницы крупных столичных периодических изданий, но и в новом взгляде на него. Вся нестоличная культура была объявлена чем-то вроде „национального заповедника“, где любой объект становился экспонатом» (*Зайонц Л.О.* Русский провинциальный «миф»: к проблеме культурной типологии // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. С. 427—428). Наиболее близким П. т. явилось понятие *областных культурных гнезд*, введенное в 1913—1923 гг. Н. К. Пиксановым. Понятие П. т. в его современном понимании возникло позже, в контексте семиотических теорий 1970—1980-х гг. Оно было сформулировано по аналогии с понятием

петербургского текста русской литературы, введенным В.Н. Топоровым (1973). П. т. был осмыслен как определенная топонимическая данность, которую можно исследовать в рамках семиотического подхода в качестве одной из метафор культуры (культурной целостности).

В результате активного использования в разных научных средах понятие П. т., не получившее поначалу четкой дефиниции и развернутой научной разработки, начало утрачивать свою определенность, включаясь в самые разные филологические трактовки. Так, к расширительно толкуемому П. т. стали относить любое произведение, действие которого происходит в провинции, произведения провинциальных авторов и произведения о провинции. В ряде исследований произошло смешение понятий П. т. и локальный текст, вплоть до их фактического отождествления. Вследствие этого актуальной проблемой пространствоведения рубежа XX—XXI вв. стало уяснение специфики П. т. и выработка методологии его анализа. Решению этих проблем посвящен ряд специальных изданий.

Книга «Русская провинция: миф — текст — реальность» (М.; СПб., 2000), собранная по материалам четырех «провинциальных» конференций (Тверь, 1997—1998; Елец, 1999), с полным основанием может быть названа первой коллективной монографией по проблемам русской провинциальной культуры. Сборник состоит из шести разделов, демонстрирующих различные подходы к культурному явлению, которое получило название П. т. русской культуры: историческая семантика понятия *провинция* и его производных; реалии провинциальной жизни (в прошлом и настоящем); литературный образ русской провинции; провинциальный фольклор и мифология; Тверь и ее культурный ареал; мемуарные источники о жизни в провинции. Само понятие П. т. в сборнике не определено, однако структура книги сама по себе создает представление о возможных составляющих этого понятия. Работа по уточнению понятий и выработке дефиниций была продолжена в сборнике «Провинция как реальность и объект осмысления» (Тверь, 2001).

Следующим фундаментальным тематическим изданием стала «Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты» (М., 2004). Во вступительной статье уточняется состав текстов, которые могут быть отнесены к П. т.: во-первых, это представление самой провинции как некоего текста, основанное на анализе лексемы *п р о в и н ц и я*, концепта 'провинция' и образа провинции; во-вторых, словесные и несловесные тексты о провинции — от романа XIX в. до лубка и современного провинциального шансона (От составителей // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. С. 9—12).

Взаимосвязи между провинциальным пространством и П. т. могут быть описаны следующим образом: «Полисемантичность топонимов-знаков и их взаимоотношений в провинциальном пространстве обычно „считывается“ обывателем на интуитивном, герменевтическом уровне. Но такую латентную информацию возможно перевести в пространственно-знаковую

модель. Информация о внутренней семиотике культурного ландшафта обычно концентрируется в различных художественных и документальных текстах, являющихся выражением ментальности локальной и национальной культуры» (*Лавренова О.А.* Образ места и его значение в культуре провинции // Там же. С. 418). Задачи описания П. т. связаны с выявлением специфики коммуникативной ситуации конкретного локуса в топографическом, топонимическом, социальном и индивидуально-психологическом планах. Цель такого описания — уяснение основной тексто-порождающей модели, которая обуславливает диапазон нарративных практик.

Признаками П. т. могут быть признаны типичность и вместе с тем исключительность изображаемого российского провинциального г о р о д а , «нестоличность» живущих в нем людей, происходящих в нем событий, особый хронотоп, отличающийся не только удаленностью от всех «столиц», но и пространственной и культурной изолированностью от них, характерные для провинциалов «живое чувство истории» и посмертная память, противопоставленные «столичному, официозному и сухому восприятию прошлого» (*Веселова А.Ю.* «Скромная слава»: из истории возрождения Богородицкого архитектурного ансамбля // Там же. С. 123—144).

Параметры описания П. т. — провинциальная топка (*пристань / вокзал, градообразующее предприятие, городской сад, собор, биржа / торговые ряды / рынок, театр, городская тюрьма, городское кладбище*); провинциальные типы (*п р о в и н ц и а л / - к а , уездный лекарь, уездный учитель, уездная барышня, уездный фронт, земский деятель, помещик, провинциальный священник, доярка, пастух, тракторист, секретарь партячейки, председатель колхоза*); провинциальные сюжеты (*будни, праздники, культы, п р о в и н ц и а л в с т о л и ц е / столичный житель в провинции*); сценарии самоидентификации (*Строганов М.В.* Литературное краеведение. Тверь, 2009. С. 193—195).

Топика включает в себя ряд понятий, которые могут быть отнесены как к провинции, так и к столице (театр, вокзал / пристань, собор, торговые ряды / рынок и др.). Ср. полотно Ф.Я. Алексеева «Вид на Стрелку Васильевского острова от Петропавловской крепости» (1810), воссоздающее часть столичного города, и картину М.В. Добужинского «Провинция 1830-х годов» (1907—1908), представляющую окраину захолустного городка. Детали, из которых складываются оба мира, функционально схожи: гранитной набережной, очерчивающей водную границу столицы, соответствует сторожевая будка — знак городской окраины; правильной полукруглой площади, раскрытой к Неве, с подпорной стенкой и пологими пандусами (архитектор А. Захаров) — нерегулярно обстроенная площадка с неизменной для захолустья лужей в центре; строгой классицистической Бирже (архитектор Ж.Ф. Тома де Томон) — типичные для провинции приземистые торговые ряды; Ростральной колонне, служащей маяком, — покосившийся фонарь; двухэтажным каменным палатам — деревянный домишко и т. д. Параметрами различения столичных и провинциальных деталей служат здесь оппозиции

современность / патриархальность, уникальность / типичность, регулярность / хаотичность застройки.

Провинциальные и столичные типы различимы не только по наличию / отсутствию черт патриархальности, но и по степени выраженности этнографических признаков. Этнографизм провинциальных типов выражается на самых разных уровнях: в костюмах и говорах, жилищах и занятиях, нравах, обычаях и обрядах (*Глушков И.Ф.* Ручной дорожник для употребления на пути между императорскими всероссийскими столицами. СПб., 1801; *Дмитриев И.А.* Путеводитель от Москвы до Санкт-Петербурга и обратно. М., 1839 и др.). Так, описывая Тверской край 1840-х гг., А.И. Ишимова приводит довольно много занимательных этнографических деталей. Среди них — описание народных костюмов и обычаев, в частности гостыбы — тверского девичьего гулянья: «...около двадцати молодых женщин и девушек, в богатых платьях, замечательных по самой странной смеси старых и новых мод, шли весело, разговаривая между собою и не обращая никакого внимания на встречавшихся им» — и празднества тверитян в честь славянского языческого бога Ярила: «Праздник состоял в том, что выбирали одного человека, украшали его разными цветами, лентами и колокольчиками, надевали ему на голову высокой колпак, также обвитый лентами, и возили с плясками по саду Тресвятскому и по берегам маленькой протекающей в нем речки Лазури». Провинциальная культура представлена Ишимовой и через предметы местного промысла, в частности пряники, которыми славится Тверь: «Сколько вкусов, столько и разнообразие форм этих пряников стоят своей славой: в иных и не разберешь, что за фигурки они представляют; в других можно видеть разных рыбок, рыжики, какие-то коронки городские, горох, крупу и наконец, просто коврижки». По этим приметам можно было бы квалифицировать приведенные фрагменты книги Ишимовой как тверской локальный текст, но тверские реалии оцениваются в книге с точки зрения столичного жителя. Особенно категорично и безапелляционно столичный «приговор» провинциалам выражен во фрагменте, посвященном диалектным особенностям речи жителей Вышневолочка: «Нас очень смешила молоденькая девушка, дочь хозяина той гостиницы, в которой мы обедали. Мы слышали, как она пела, и так уморительно выговаривала иные слова, что Валериан записал их и хочет позабавить ими Анюту, когда воротится в Петербург. Везде, где только у нас “ять”, они ставят “и”, а где “е” — так у них “я”. И вот оттого и выходят такие слова: “бясида” вместо “беседа”; “дивушка” вместо “девушка”; “лито” вместо “лето”, а иные слова трудно понять, так она коверкает их» (*Ишимова А.И.* Каникулы 1844 года, или Поездка в Москву. С. 84, 94, 95). Современные же Ишимовой описания Петербурга подчеркивают, что столичные жители лишены этнографической окрашенности, их одежда, речь, нравы и обычаи унифицированы. Таков Петербург в описании Гоголя: «Все, что вы ни встретите на Невском проспекте, все исполнено приличия: мужчины в длинных сюртуках, с заложенными в карманы руками, мамы в розовых, белых и бледно-голубых атласных рединготах и шляпках. <...> Ты-

сячи сортов шляпок, платьев, платков, — пестрых, легких, к которым иногда в течение целых двух дней сохраняется привязанность их владельниц, ослепят хоть кого на Невском проспекте» (*Гоголь Н.В.* Невский проспект // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 12). Оппозиция этнографически окрашенной провинции и лишенной этнографических черт столицы сохраняется и в русской культуре начала XX в.: ср. картины Б.М. Кустодиева «Купчихи в Кинешме» (1912) и М.В. Добужинского «Городские типы (Гримасы города)» (1908). В контексте установок на этнографизм и традицию бытописания окраин признаки, свойственные локальному тексту, обретают модальность П. т., например: «В представлении современных соотечественников „Карелия“ означает: „русская старина, культура, живопись“; „народ, сохранивший национальные праздники, обряды, гадания, песни, сказки, былины и язык“; „многочисленные деревушки“, которые „дышат стариной, ведь там прожило не одно поколение“; „большой карельский деревенский дом, где все под одной крышей“; „древность“; „дом, сделанный без единого гвоздя, баня“; „церквушки, часовни, соборы“. А еще у наших информантов она ассоциируется с национальной карельской едой — калитками, рыбником, ряпушкой; собиранием грибов и ягод, рыбалкой и лыжными прогулками» (*Разумова И.А.* «Под вечным шумом Кивача...»: Образ Карелии в литературных и устных текстах // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. С. 118). Система этнографических и патриархальных деталей, свойственных карельскому П. т., позволяет противопоставить его столичному локусу как современному и унифицированному в этнографическом отношении.

Провинциальные и столичные сюжеты могут быть параллельными: будни, праздники, культуры — или пересекающимися: провинциал в столице / столичный житель в провинции (*Строганова Е.Н.* «Приезжий из столицы» и «спящая красавица»: провинциалы и провинциалки в русской литературе XIX века // *Vater Rhein und Mutter Wolga. Diskurs um Nation und Gender in Deutschland und Russland.* Würzburg: ERGON Verlag, 2005. P. 387–395). Параллельные сюжеты функционально схожи, но различаются атрибутикой и наличием / отсутствием этнографических признаков. Так, «Деревенский праздник» Б.М. Кустодиева (1910) представляет традиционное русское гулянье с катанием молодых на телеге, стариковскими посиделками на завалинке и детскими незамысловатыми играми в бабки или свайку. Современное ему полотно А.Н. Бенуа «Карнавал на Фонтанке» (1900-е) изображает столичный праздник с катанием на гондолах, в сопровождении музыкантов и гондольеров в традиционных итальянских костюмах. Имитация венецианского карнавала в Петербурге — Северной Венеции — не противоречит топике этого города: рекам, каналам, мостам, гранитным парапетам — и его феноменологии: праздно шатающимся по набережной типам, космополитическому городскому духу («Все флаги в гости будут к нам», по словам Пушкина). Игра в чужую культуру своеобразна и занята; чуждая провинции, она легко исполнима именно в унифицированном мире столичного города — и при этом остается лишь маской, за которой скрывается отсутствие этно-

графически окрашенной культуры. С точки зрения исполнения культа ср. картину Н.П. Богданова-Бельского «В церкви» (1939), воссоздающую одухотворенные лица молящихся детей, и полотно А.И. Корзухина «Перед исповедью» (1877), запечатлевшее не лишенный лицемерия быт прихожан Никольского военно-морского собора в Санкт-Петербурге в пестрых контрастах сакрального и мирского. Особую роль в П. т. играет категория исключительного, описанная на материале весьегонских рассказов о местночтимом отце Сергии Успенском: «Сергиевский текст» выстраивается «как вполне стандартный текст христианского почитания харизматической личности (святого, праведника, прозорливца, юродивого) с соблюдением всех основных позиций соответствующей схемы... но обладает, тем не менее, и рядом специфических черт, отличающих его от других прагматически и структурно сходных текстов» (Зубарева В.С., Лурье М.Л. Весьегонские рассказы об отце Сергии Успенском как провинциальный текст // Там же. С. 203).

Система патриархальных и этнографических деталей, свойственных П. т., позволяет противопоставить его столичному культурному локусу как современному и унифицированному в этнографическом отношении. Столичные жители оценивают патриархальность провинции как отставание от цивилизации, этнографические особенности жителей — как отклонение от принятой в столице нормы. Провинциалы, воспринимающие эту оценку всерьез, ищут способов оправдаться перед столицей, компенсировать *культурную инаковость*, которая воспринимается как «ущербность». Здесь выявляются три стратегии поведения. Первая — попытка провинциального города оправдать свою сегодняшнюю культурную инаковость собственным славным историческим прошлым; эта стратегия порождает сценарий жертвенности (см. с т о л и ч н ы й г о р о д с п р о в и н ц и а л ь н о й с у д ь б о й). Вторая — объяснение провинциальным городом собственной культурной инаковости как особой миссии остаться мифом, тайной (см. п р о в и н ц и я к а к с а к р а л ь н о е п р о с т р а н с т в о). Третья — намерение провинциального города ликвидировать свою культурную инаковость и стать тождественным столице (см. п р о в и н ц и а л ь н ы й к о м п л е к с с т о л и ч н о с т и).

Существуют и попытки построить методологию анализа П. т. на принципах, аналогичных методологии анализа петербургского текста. В соответствии с работами В.Н. Топорова, опирающимися на наиболее общие типы петербургских мифов: миф творения, исторические мифологизированные предания, связанные с императорами и видными историческими деятелями, эсхатологические мифы о гибели города, литературные мифы, а также «урочищные» и «культовые» мифы, привязанные к «узким» локусам города (Топоров В.Н. Петербург и петербургский текст русской литературы: Введение в тему // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М., 1995. С. 348), Н.В. Осипова выделяет провинциальные городские мифы, характерные для вятского П. т. Самобытность вятского П. т. исследовательница усматривает «в контексте имени, фольклора, истории (исто-

рических преданий и праздников и ссылки) и места, включающего в себя антитезу „столица — провинция“«. Важнейшей реализацией антитетических взаимоотношений столицы и провинции в П. т. считается оппозиция код власти / код спасения: «Российская провинция, начиная со времени объединения русских земель под Московским князем, не обнаруживала своей самостоятельности, она нуждалась в столичном контексте как главной смысловой доминанте. Взаимоотношения этих двух локусов всегда были центростремительными и до сего времени не являлись диалогом равных: столица выслушивала, утверждала, давала директивы — провинция просила, рапортовала. Проницаемой эту коммуникативную ситуацию делал код власти. Именно власть диктует данный тип отношений, и они разрушаются, как только властная вертикаль ослабевает (период революций 1917 и 1991 годов). И в эти периоды, так же, как в периоды войн, вступает в силу другая схема отношений, которую можно условно обозначить как код спасения. В переходные эпохи провинция становится зоной стабильности и для столицы выступает как место спасения, откуда черпаются материальные и человеческие ресурсы» (*Осипова Н.В.* Вятский провинциальный текст в культурном контексте // Вятский государственный гуманитарный университет: Филологический факультет: Публикации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://studnauka.narod.ru/nvo.html#_ednref3. Дата обращения: 11.11.2011).

В контексте уяснения взаимосвязи между смежными понятиями П. т. и л о к а л ь н ы й т е к с т продуктивна мысль о том, что «любой локальный текст есть в известном смысле „провинциальный“, и любой провинциальный текст может приобрести столичный статус при простом переносе столицы из города в город» (*Строганов М.В.* Две заметки о локальных текстах // *Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты.* С. 485). В связи с этим переосмыслиется и специфика П. т. в контексте антитезы п р о в и н ц и я / с т о л и ц а . Анализ образа места и его значения в культуре провинции приводит к выводу, что неповторимость каждого частного П. т. заведомо составляет антитезу как столице, так и любому другому П. т.: «Образ места необычайно значим как явление, так как неповторимый узор смыслов, имеющих свои координаты в географическом пространстве, создает в конечном итоге структуру культурного ландшафта страны. В результате пространство провинции, представляющее собой антитезу и смысловой фон для столичных городов, при внимательном рассмотрении оказывается уникальным в каждой своей единице и не требующим противопоставления столице для его культурной идентификации» (*Лавренова О.А.* Образ места и его значение в культуре провинции // Там же. С. 414—415).

Лит.: Русская провинция: миф — текст — реальность. М., СПб., 2000; Провинция как реальность и объект осмысления. Тверь, 2001; Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М., 2004; Жизнь провинции как феномен духовности. Нижний Новгород, 2006.

Е. Г. Милюгина

Провинция как сакральное пространство. Сакральное пространство — среда общения человека с высшим миром, Божественным и потусторонним, поскольку сакральное (от англ. *sacral* и лат. *sacrum* — священное, посвященное богам) связано с Божественным, религиозным, потусторонним, иррациональным, мистическим. Вот типичные рассуждения непрофессионального мыслителя К. Дудкинскогo в очерке «Малые Мочилы», опубликованные под шапкой «Малая родина» (сохраняем орфографию и пунктуацию автора): «Россия — великая, общая родина. Включает в себя бессчетное количество Малых родин. / Каждая из них, мистична, состоит из множества легенд и сказаний. Настолько пропитана духом предков, наполняющим такой силой земли, эту родную местность где родился и сформировал человек свое сознание. Именно это сознание, определяет весь дальнейший жизненный путь человека. Конечно при условии, что он не порывает в себе этой загадочной связи со своей Малой родиной / Обратите внимание, — все, долгожители, заканчивают свой жизненный путь на Малой родине <...> / А какие здесь места! Трудно представить себе, места более удобные для рыбалки и охоты. С правой стороны пойма реки Мокша, с левой стороны пойма реки Пет. На север обе реки впадают в реку Ока. Где то, под Пителинской землей, в бесконечных старинных катакомбах, прячется легендарный город Арта (ключ). Тысячелетиями о нем слышали, сражались с воинами его, но увидеть, ни кому, не удавалось. А вот бунтующим крестьянам, окруженным карательными войсками, удалось бесследно исчезнуть, в этих старинных катакомбах. / Все помнят о загадочном взрыве возле города Сасово. Несколько научных экспедиций оказались бессильны объяснить причину явления, а вот озеро Сегма, отреагировало потерей уровня воды, который раньше, круглогодично, был постоянным» (Дудкинский К. Малая родина // Проза.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2009/12/10/1186>. Дата обращения: 11.11.2011). Автор не употребляет понятия *провинция*, но рассуждает именно о ней, и ход его мысли весьма характерен для большинства провинциального населения.

Провинциальный город может быть рассмотрен как маргинальный феномен, так как он находится на границе, между городом и деревней: и в пространственном, и в онтологическом, и в семантическом смыслах. Сама провинция также находится на краю: страны, земли. В этом смысле провинция располагается на границе живого и неживого, жизни и смерти, нашего и потустороннего мира. Специфика провинции как антропологического феномена — в ее метафизическом значении: провинции приписываются свойства источника, основы, фундамента жизни страны и народа.

Со столицей связаны представления о политических, социальных и культурных границах государства и этноса, с провинцией связаны представления о метафизических границах человеческого бытия. В провинции «небытие превращается в бытие, неживое в живое, смерть в жизнь. Провинция — это место жизни и рождения», это начало плодоносящее, рождающее. С этим связана, например, вера А.И. Солженицына в то, что провинция спасет Россию, выра-

женная им в утопии «Как нам обустроить Россию» (1990). Столица в этом противопоставлении бездуховна, в ней развиты материальные, меркантильные интересы, своим ускоренным темпом жизни она «превращает жизнь в смерть, живое в неживое, бытие в небытие» (Гурин С.П. Маргинальные прогулки. № 13. Провинция: потаенность и сокровенность [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russned.ru/filosofiya/marginalnye-progulki-no13.-provinciya-potaennost-i>. Дата обращения: 11.11.2011). См. об этом: Белоусов А.Ф. «А у нас в провинции...»: Стихотворение Ани Ярцевой «Посвящается Кондопоге».

Одна из главных черт провинции — близость к земле, к почве — может восприниматься также и как близость к подземному миру, к смерти. Провинция в большей степени связана с традиционной культурой, и в ней в большей степени сохраняется память об умерших предках и почитание их могил, забота о кладбищах. С другой стороны, в провинции, в монастырях хранится память о священном, соблюдается завет Неба. Так, провинция находится в определенном смысле между землей и небом, она расположена и на земле и на небе одновременно. «Провинция выражает имманентное присутствие сакрального в мире, боговоплощение» (Гурин С.П. Маргинальные прогулки. № 13). Вместо внешнего блеска столицы — в провинции присутствует «внутренний» свет, здесь, вдали от мирской суеты, Бог ближе простой, неиспорченной соблазнами света христианской душе. В провинции, как правило, множество храмов и монастырей, она словно являет собой «невидимый» град Китеж.

Сакральный характер провинциального пространства отчетливо выражен и в представлении о заповеднике, заповедном месте. Заповедник может располагаться только за пределами столицы и даже вдали от нее, следовательно в провинции. Кроме того, заповедник — это специально выделенное, огороженное, защищенное от внешних влияний пространство, заповедный к р а й .

Устойчивость представлений о провинции как глухом, малопривлекательном месте, отождествление провинциальной жизни с болотом, жители которого в пьянстве и сплетнях теряют нормальный человеческий облик (Ишкин Б.С. Динамика представлений о провинциальном городе в российской культуре Нового времени [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/p-2/Provinces-3.html>. Дата обращения: 11.11.2011) связана с другой скрытой особенностью провинции: она приоткрывает таинственное, мистическое начало в человеке. Закрепленность за провинциальным пространством представления о средоточии нечистой силы и наиболее активной ее деятельности, нередко является основой для сюжета многих литературных произведений («Сильфида» В.Ф. Одоевского, «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Вий» Н.В. Гоголя, «Черный монах» А.П. Чехова, «Упырь» А.К. Толстого).

Ярче всего представление о П. как С. п. выразилось в «Сказании о невидимом граде Китеже». По-видимому, оно восходит к устным преданиям эпохи золотоордынского ига. Впервые один из его вариантов «Китеж на озере Светлояр» был напечатан С. Мелединым в

журнале «Москвитянин» (Москвитянин. 1843. № 12. С. 507—511). О существовании Китежа свидетельствует также «Книга, называемая летописец», иначе именуемая «Китежским летописцем» (Китежский летописец; Повесть и взыскание о граде сокровенном Китеже // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981; Легенда о граде Китеже: Книга глаголемая летописец; Повесть и взыскание о граде сокровенном Китеже // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5: XIII век. СПб., 1997). Легенда о Китеже дошла до нас в литературной обработке старообрядцев. «Книга глаголемая летописец» сложилась во второй половине XVIII в. (1794?) на основе двух самостоятельных памятников XVII в., при этом в первой части, повествующей о князе Георгии Всеволодовиче, убиении его Батыем и разорении Китежа, отразились предания, восходящие ко временам Батыева нашествия. Согласно легенде, град Китеж основан в конце XII в. великим князем владимирским Георгием Всеволодовичем. Возвращаясь из путешествия в Новгород, он остановился возле озера Светлояр. Очарованный красотой тех мест, князь повелел построить на берегу озера град Большой Китеж. В XIII в. в день нашествия золотоордынских войск город охраняли три богатыря; они первыми увидели врагов. Перед битвой один из воинов послал сына в Китеж предупредить горожан. Мальчик кинулся к городским воротам, но стрела татарина догнала его. Со стрелой в спине добежал он до ворот, крикнул: «Враги!» — и упал замертво. Богатыри тем временем пытались сдержать врагов; на месте их гибели появился святой ключ Кибелек, который бьет до сих пор. Китеж при приближении войск Батыя опустился на дно озера Светлояр.

В основу легенды легли действительные события: великий князь владимирский и суздальский Георгий II Всеволодович сражался с войском Батыя и погиб в неравной битве на р. Сити. Связь Малого Китежа (Городца) с именем Георгия Всеволодовича имеет вполне историческую подоплеку: с 1216 по 1219 г. (до занятия Владимирского стола) князь отъезжал туда на удел; в 1237 г., когда полчища Батыя подступили ко Владимиру, Георгий Всеволодович ушел в Ярославскую землю, в пределах которой и находились оба города — Большой и Малый Китежи и где состоялась проигранная русскими битва. Генеалогия князя, возводимая к святому князю Владимиру, вымышлена, она усиливает мотив святости — ведущий мотив легенды. Вторая часть «Книги глаголемой летописец» — «Повесть и взыскание о граде сокровенном Китеже» — принадлежит к типу легендарно-апокрифических памятников, трактующих о земном рае. Образ «сокровенного» града Китежа стоит где-то посередине между «земным раем» древнейших русских апокрифов и Беловодьем, легендарным счастливым краем, ставшим столь популярным среди русских крестьян в XVIII в.

Чаще всего Китеж атрибутируют в районе жигулевского изгиба Волги, где над рекой иногда виден мираж — встающий из-под воды большой древнерусский город. Озеро Светлояр находится в Нижегородской области близ села Владимирского Воскресенского района, в бассейне Люнды, притока реки Ветлуги. Длина озера — 210 метров, ширина — 175 метров, а об-

щая площадь водного зеркала — около 12 гектаров. Позднее Китеж осмыслялся как убежище последователей старой веры. В XVIII—XIX вв. Китеж представляли как город праведников и социальной справедливости, куда мог отправиться каждый честный россиянин. Аналогичными свойствами народ наделял и некоторые другие фантастические общества: царство пресвитера Иоанна, Острова блаженных, Земной рай, Беловодье, город Игната. В России XIX в. бытовали рассказы о людях, которые дали обед уйти в Китеж и впоследствии присылали оттуда письма. Очевидцы описывали колокольный звон, который был слышен из-под воды, и пытались разглядеть под водой очертания города.

Легенда о граде Китеже взволновала умы литераторов, музыкантов и художников. П.И. Мельников-Печерский рассказал легенду повести «Гриша» (1861), романе «В лесах» (1871—1874) и официальном «Отчете о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии» (1854). Озеро посещали М. Горький (очерк «Бугров», 1919), В.Г. Короленко (очерковый цикл «В пустынных местах», 1890), М.М. Пришвин (очерк «Светлое озеро», 1909). В поэзии Н.А. Клюева (Песнь о Великой Матери, 1930—1931) Китеж осмысляется как воплощение истинной культуры, символ старой дониконовской веры, ценностей старообрядчества; в одном контексте с этим топонимом упоминаются имена старообрядческих святых, названия святых реликвий, символы древнерусской культуры (Сирин, Китоврас, Рублев), имена деятелей Раскола (Аввакум, первые учителя поморцев-беспоповцев братья Андрей и Симеон Денисовы и др.). Н.А. Римский-Корсаков написал оперу «Сказание о невидимом граде Китеже» (1905). Озеро рисовали художники Н. Рерих, Н. Ромадин и И. Глазунов. А. Ахматова и М. Цветаева упоминают град Китеж в своих стихах. В наши дни легендой о Китеже заинтересовались авторы фэнтези: «Молоты Китежа» (1997) Н. Перумова и «Красное смещение» (1996) Е. Гуляковского.

Л.С. Быша, Е.Г. Милюгина, М.В. Строганов

Провинция / столица. Пространство существования человека в мире можно описать в таких понятиях, как столица и провинция. Эти категории представляют собой антропологические феномены, которые имеют определенные онтологические структуры и ценностные смыслы (Гурин С.П. Маргинальные прогулки №13. Провинция: потаенность и сокровенность). Первый исторический смысл слова *провинция* в Древнем Риме содержал в себе противопоставление центра и некоторой покоренной земли, а затем центра и управляемой территории страны. «Отношения между этими частями одного государственного целого были различны по правовой и экономической тональности». В Новое время решающую роль приобретают столицы и возникает дистанция между ними и провинцией. Возникает возможность существования специфических, особых феноменов — *столичное* и *провинциальное*, фиксируемых как очевидные

и реально отделяемые друг от друга. В то же время это не исключает их постоянного взаимодействия, перетекания, сосуществования. При сопоставлении с креативным столичным началом провинция начинает выполнять «притормаживающую» функцию, консервативную роль хранительницы традиционного, но выполняет ее в рамках большой системы. Это определяет статус провинции как особого феномена, «особой характеристики культурного ландшафта страны-системы». «Провинция видится как зона определенной гармонизации, балансировки центробежного и центростремительного в большой системе» (Инюшкин Н.М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. Пенза, 2004. С. 17, 20).

В. Г. Короленко выделяет ментальные черты психологии и поведения жителя провинции на основе осознаваемой разницы между *столичным* и *провинциальным*. Для жителей столицы характерно приобщение к власти, новациям, моде, развитым коммуникациям, что объективно и естественно. «Провинциальное бытие, с его отдаленностью от органов управления нацией, страной, государством, культурной жизнью, со скромным в сравнении со столичным управленческим аппаратом и более бедными интеллектуальными ресурсами, обуславливает иные формы повседневного существования — несравненно более спокойного, замкнутого в частных семейных интересах, лишеного претензий на решающее соучастие в главных процессах, протекающих в масштабе всей страны и в силу этого наделяющего особой формой амбивалентной психологии — ощущением относительной независимости от центральной власти и одновременно покорностью исходящим от нее решениям, известным “комплексом неполноценности” и вместе с тем “комплексом духовного самодовольства”» (Каган М.С. Москва — Петербург — провинция: «двустоличность» России — ее историческая судьба и уникальный шанс // Российская провинция. 1993. № 1. С. 18). Для провинциального жителя характерна склонность к подражательности: приезд столичного франта становится общественным событием, а то, что на нем одето, воспринимается как новый модный эталон (что может не иметь оснований в столице). Люди провинции пытаются перенимать стиль, наивно и ошибочно воспринимая его за новые модные веяния, что нередко приводит к курьезам (см. *п р о в и н ц и а л ь н ы й к о м п л е к с с т о л и ч н о с т и*).

В отношениях *столичная культура / провинциальная культура* первая может рассматриваться как некий *сакральный центр* (место формирования высших ценностей), а вторая — как *профаническая периферия*. Для провинциальной культуры характерна определенная замкнутость, меньшая восприимчивость к инородным культурным влияниям по сравнению со столичной культурой, и «отсюда большая открытость вовнутрь, способная формировать феномен “духовной оседлости”, почву действенного патриотизма». В данной оппозиции культур роль инноватора не всегда связана с культурой столичной. Этот статус определяется жизнью и творчеством ярких носителей культуры. Например, во времена Гете и Вагнера местом притяжения и духовной столицей Европы был маленький Веймар, при жизни Л.Н. Толстого магиче-

ской силой обладала крошечная Ясная Поляна (*Инюшкин Н.М.* Провинциальная культура: взгляд изнутри. С. 44–46) (ср. провинция как сакральное пространство).

Можно рассматривать образы столицы и провинции в контексте мифопоэтического мышления, тогда «если столица выражает политические, социальные и культурные границы государства и этноса, то провинция неявно, но твердо удерживает некие метафизические границы человеческого бытия». Если провинции свойственны протяженность и пространственность, то столица всегда единственна, единична. Образ провинции можно представить в таких понятиях, как горизонталь и горизонт, плоскость и поверхность. Столица же «выстраивает вертикаль, социальную и сакральную, задает ось мироздания, всегда находится в центре мира» (*Гурин С.П.* Маргинальные прогулки №13. Провинция: потаенность и сокровенность).

Современная мифология повседневности приписывает столице качество «оплота культуры, силы, укрывающей и защищающей культурный космос, на который давит со всех сторон дикая степь, энтропия бескультурных пространств. И стоит столица гордо и величаво, но нет покоя ее душе: сомневается она сама в своей столичности, смотрит она вечерами по телевизору, как обсуждают в Думе, что вот перенести бы ее, столицу, в Новосибирск или Екатеринбург». Провинция же в современных мифах выступает «территорией истинности и сокровенности; лоном плодоносящим и рождающим; таким местом, ближе которого нет к Земле; тем местом, где не перестает свершаться нечто промыслительное, где хранятся вечные ценности и абсолютные смыслы» (*Богомяков В.* Мифы столицы и мифы провинции // *Топос: литературно-философский журнал.* 2004. 18 мая [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.topos.ru/article/2339>. Дата обращения: 11.11.2011)

Оппозиция П. / с. нередко находит отражение в текстах художественной литературы (*А.С. Пушкин.* «Капитанская дочка»; *Л.Н. Толстой.* «Хаджи-Мурат»; *А.П. Чехов.* «Дама с собачкой»; *А.Н. Толстой.* «Граф Калиостро»). Часто она становится поводом для создания афоризмов: «В большом городе можно больше увидеть, зато в маленьком — больше услышать» (*Ж. Кокто*); «В провинции есть культурные люди, но нет культурной среды; есть интеллигенты, но нет интеллигенции. Потому-то гении, рождаясь в провинции, умирают в столице» (*В. Грудев*); «Для провинции характерно отсутствие вкуса и собственного мнения; для столичной публики — верхоглядство и самомнение» (*В. Грудев*). При этом афоризмы с их любовью к парадоксальности выявляют не только конфронтацию между полюсами оппозиции П. / с., но и диалектические связи между ними. По выражению *Х. Ворцелля*, «культура рождается в провинции, вырождается в столицах и в этой форме возвращается в провинцию» (Афоризмы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aphorism.ru/456.shtml>. Дата обращения: 11.11.2011).

Очевидная амбивалентность понятий *столица* и *провинция* свидетельствует о том, что дуальная схема П. / с. сегодня уже не работает: «и столица уже не столь столична, и провин-

ция не столь провинциальна; к тому же столиц оказывается несколько, а присущая им столичность — различной; на наше понимание столичности и провинциальности существенным образом влияет, допустим, социальная неоднородность (15% населения могут сегодня топить печь в таежной глуши, а завтра оказаться на Канарах; поэтому и для этих 15%, и для остальных 75% в понятиях “столица” и “провинция” появляется некий важный смысловой оттенок); столица может проявлять себя в качестве смещающейся точки и т. п.» (*Богомяков В.* Мифы столицы и мифы провинции) (см. *столичность провинции, столичный город с провинциальной судьбой*).

Лит.: *Гурин С. П.* Маргинальные прогулки №13. Провинция: потаенность и сокровенность // Русская неделя [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russned.ru/filosofiya/marginalnye-progulki-no13.-provinciya-potaennost-i>. Дата обращения: 11.11.2011; *Инюшкин Н. М.* Провинциальная культура: взгляд изнутри. Пенза, 2004; *Каган М. С.* Москва — Петербург — провинция: «двустоличность» России — ее историческая судьба и уникальный шанс // *Российская провинция*. 1993. № 1.

Л.С. Быша, Е.Г. Милюгина

Столичность провинции. Под *столичностью* современные политологи и регионоведы понимают «сочетание в крупнейшем политическом и культурно-историческом центре страны территориальной сверхконцентрации производительных сил, сверхспециализации функций управления и определяемого им специфического образа жизни населения, обладающего мультипликатным эффектом и оказывающим интенсивное воздействие не только на собственно столичный центр, но и его территориальное окружение» (*Жирякова С. Н.* Столичность и провинциальность как показатели территориального сообщества // *Регионология*. 2008. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://regionsar.ru/node/103>. Дата обращения: 11.11.2011). В эпохи социально-политической и экономической стабильности столицей государства является тот город, которому присуща столичность. В кризисной политической ситуации столичность может проецироваться на провинциальный город, что позволяет рассматривать его при альтернативном развитии исторических событий в качестве претендента на статус столицы. Вероятность превращения провинциального города в столицу зависит от индекса его урбанизации: этот индекс принимает значение от 0,125, если все представители территориального сообщества живут в сельской местности, рабочих поселках и поселках городского типа, и до 1, присваиваемой столицам, соответственно 0,5 крупным и 0,25 средним и малым городам (там же). Аргументами в пользу выбора города, который должен заместить столицу, выступают внешние (территориально-географические) факторы и внутренние (социально-психологические и философские) установки.

Формирование представлений о столичности как сочетании качеств, носителем которых может выступить провинциальный город, привело к практике *переноса столиц*, что выражается в передаче столичных функций от одного города к другому, часто специально построенному с этой целью (см. *столичный город с провинциальной судьбой*). Необходимость переноса столицы обычно возникает из-за перенаселенности и гипертрофированного доминирования существующей столицы над остальной страной; ср. современные предложения о переносе столицы из Москвы в другой крупный город России (*Россман В. Перенос столицы России: Схема анализа // IV Rome: Четвертый Рим: Сетевой альманах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ivrome.ru/2010/04/perenos-stolicy-rossii-sхема-анализа/>. Дата обращения: 11.11.2011*); эти предложения, по данным выборочного социологического опроса, поддерживают 25% москвичей и 45,8% жителей провинции (Взгляд: деловая газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vz.ru/vote/result/828/>. Дата обращения: 11.11.2011). Другими причинами переноса могут быть прямая военная угроза существующей столице (ср. дискуссии о выборе временной столицы в годы Гражданской и Великой Отечественной войн), либо неудачное географическое и геополитическое положение столицы (ср. аргументацию переноса столицы из Петербурга в Москву в 1918 г.), либо желание власти освободиться от старых традиций государственного управления и общественной жизни (ср. решение Петра I перенести столицу в только что построенный Петербург в 1712 г.).

В связи с формированием концепта С. п. возникло понятие *третьей столицы*. В российском национальном и региональном политическом дискурсе оно означает город, который при альтернативном развитии исторических событий претендовал на то, чтобы стать столицей России — третьей, потому что исторически в этой роли сменяли друг друга две столицы — Москва и Петербург. Третьей столицей называют также города, которые избирали своими временными столицами силы, проигравшие в гражданских войнах и восстаниях, либо города, являющиеся претендентами на столичную роль в случае принятия решения о переносе столицы, либо города, претендующие на третье место по значимости в России. Города, исполнявшие роль третьей столицы, точнее называть *временной столицей*; города, претендовавшие (претендующие) на эту роль, но ее не исполнявшие (не исполняющие), — *потенциальной столицей*: так, Иван Грозный хотел сделать Вологду столицей России вместо Москвы. Конкретный город в разные моменты своей истории мог выполнять ту или иную функцию.

Так, Екатеринбург — «столица Урала»; лидер рейтинга перспективных мегаполисов России, один из лучших городов для ведения бизнеса (Екатеринбург — лучший город. Мировые рейтинги: Екатеринбург возглавил рейтинг перспективных мегаполисов России // Официальный портал Екатеринбурга [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ekburg.ru/best_city/560/. Дата обращения: 11.11.2011); занимает третье место в стране по большинству экономических и политических показателей (Регионы России. Основ-

ные социально-экономические показатели городов. 2008: стат. сб. / Росстат. М., 2008); часто именовался местными властями «третьей столицей России» до 2009 г.; трижды рассматривался как потенциальное временное местопребывание правительства: первого Советского — в случае неудачи с заключением Брестского мира и поражения от Германии или Антанты на западных фронтах Первой мировой войны, Советского в десятилетия холодной войны — как резервный пункт управления страной при кризисных ситуациях, Российского — в случае неудачи отражения попытки переворота ГКЧП в 1991 г. Является административным центром Свердловской области и Уральского федерального округа, также в городе размещен штаб Объединенного стратегического командования «Центр».

Казань — один из городов России, имеющий официальный статус столицы республики Татарстан; город обладает огромным культурным и историческим потенциалом, занимает второе место по количеству вторых и третьих показателей в стране, уступая лишь Екатеринбург. В последнее время наблюдается заметный рост развития города, Казань — столица летней универсиады 2013 г., обладатель бренда «третьей столицы России» (см. п р о в и н ц и а л ь н ы й к о м п л е к с с т о л и ч н о с т и).

Нижний Новгород — негласная «столица Поволжья»; предполагался на роль столицы в государстве декабристов; в конце XX в. получил титул российской «столицы реформ»; оспаривал у Казани бренд «третья столица России» в Роспатенте (см. т а м ж е).

Новосибирск — негласная «столица Сибири»; третий город России по численности населения; предлагался на роль столицы значительной частью функционеров правящей партии (Единая Россия) (Громов ответил Лужкову: столицу России надо перенести в Санкт-Петербург или еще дальше // NEWS.ru. 30 мая 2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.newsru.com/russia/29may2006/capital.html>. Дата обращения: 11.11.2011); рассматривался как потенциальное временное местопребывание Российского правительства в случае принятия решения о дальнейшем противодействии антиконституционному роспуску Верховного Совета в 1993 г. Самый близкий из крупнейших городов к географическому центру России.

Омск во время Гражданской войны был столицей объединенного всероссийского антибольшевистского правительства — Омской Директории (затем Белого Верховного) А.В. Колчака.

Самара — город, фактически дважды выступавший в роли временной столицы: в начале Гражданской войны в России он был первым местопребыванием всероссийского антибольшевистского правительства — Комитета членов Учредительного собрания (Комуч), в годы Великой Отечественной войны — местопребыванием правительства СССР и дипломатических миссий иностранных государств; центр третьей по величине агломерации Самара-Тольятти.

Уфа во время Гражданской войны была вторым местопребыванием всероссийского антибольшевистского правительства — Уфимской Директории, преобразованной из Комуча.

В логике С. п. возникло полуофициальное название *межрегиональная столица*, которое получили центры Федеральных округов: Санкт-Петербург — северная столица, Екатеринбург — уральская столица, Нижний Новгород — приволжская столица, Ростов-на-Дону — южная столица, Пятигорск — северокавказская столица, Новосибирск — сибирская столица, Хабаровск — дальневосточная столица (Википедия: свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Столицы_России. Дата обращения: 11.11.2011).

Таким образом, категория С. п. является инструментом, с помощью которого столичные властные структуры управляют провинцией, устанавливая в ней ситуационно выгодные социально-экономические режимы и удовлетворяя свои политические амбиции. Методы управления провинцией могут быть различными — от либерально-демократического до тоталитарного, в зависимости от масштаба задачи. Так, чтобы воплотить в жизнь лозунг: «Коммунизм — это советская власть плюс электрификация всей страны», был создан ленинский план ГОЭЛРО (1920). Его внедрение началось со строительства Днепровской гидроэлектростанции (ДнепроГЭС), превратившего провинциальный город Александровск в энергетическую столицу Донецко-Криворожского промышленного района. Образно эти события отражены С. Я. Маршаком в «Войне с Днепром»: «Человек сказал Днепру: / — Я стеной тебя запру. / Ты / С вершины / Будешь / Прыгать, / Ты / Машины / Будешь / Двигать! / — Нет, — ответила вода, — / Ни за что и никогда!» (*Маршак С.Я.* Сказки, песни, Загадки. Стихотворения. В начале жизни. М., 1981. С. 148). Слово *война* в заглавии текста не случайно: за картиной столкновения воли человека и стихии воды нетрудно разгадать ситуацию борьбы тоталитарной столицы и патриархальной провинции. Пафос победы столицы над провинцией выражает и картина К.Ф. Богаевского «Днепрострой» (1930-е).

О реакции провинции на эти преобразования и поэт, и художник умалчивают. Эту реакцию можно восстановить по параллельным сюжетам. Один из них — судьба городов Мологи и Калязина, затопленных в 1930-е гг. в ходе ударной комсомольской стройки в связи с организацией Рыбинского водохранилища (*Владимиров Д.* Русская Атлантида: Люди отказались покинуть родной город, приковав себя // Аргументы и факты. 2011. № 44. 2 нояб.); о другом повествует В.Г. Распутин в повести «Прощание с Матерой» (1976).

Реакция провинции на то или иное решение, касающееся переноса столицы или образования новых, *младших столиц*, может быть неоднозначной. В азарте получить столичный или околостоличный статус целый ряд городов провозглашает себя *неформальными столицами*, что является симптомом формирования у них провинциального комплекса *столичности*. Однако конкретными носителями этого комплекса выступают провинци-

альные властные структуры, которые, так же как и столичные, озабочены внедрением своих социально-экономических планов и удовлетворением своих политических амбиций. Мнение же населения потенциальной столицы может быть совершенно противоположным: «Испокон века в свои столицы, стольные города, русские князья возвращались из походов с награбленной добычей и данью, собранной с подвластных земель, селений. Сколько князей с дружинами было, столько и столиц. И в столицах делилось награбленное (собранное): столько-то наемникам (дружинникам) за работу и верную службу, столько-то на покупку оружия, столько-то на постройку дворцов и церквей, столько-то лазутчикам и шпионам за полезную информацию о соседях и так далее. Престол решал все финансовые вопросы. Города оставались на месте — переносились столицы, менялись князья. Поэтому, когда заговорили о “столице Поволжья”, стало и страшненько, но и любопытно: как же это устроят? Что, Казань с Самарой Нижнему деньги будут платить? Мы, что ли, их пароходы не будем по Волге пропускать? Или сделаем одну таможенную на все Поволжье? А можно всем жителям Поволжья загранпаспорта выдавать в Нижнем, и будут сюда на поклон ездить и преемник Минтимера Шаймиева, и Константин Титов, и Дмитрий Аяцков. Ну, были такие деятели, когда разговоры о третьей столице стали возникать. Ведь — столица, значит сюда со всей Волги должны деньги за что-то сдавать, а то — ух...» (*Рябов О.* Столичность и провинция: эссе поэта и антиквара о вечной антитезе // Новая газета в Нижнем Новгороде. 2011. № 129. 18 нояб. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://novayagazeta-nn.ru/2010/158/stolichnost-i-provintsiya.html>. Дата обращения: 11.11.2011).

Очевидно, проблема С. п. в мирное время может быть решена лишь в том случае, если будет найдено соответствие между властными решениями центра и желанием провинции исполнять ту роль, которая ей навязывается сверху. Современный поэт сказал об этом так: «И я люблю свою Россию, / и я люблю свой отчий дом, / но я хочу, чтоб нас спросили, / а сделали уже потом» (*Бережков В.* Русская (1985) // Bards.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.bards.ru/archives/part.php?id=1415. Дата обращения: 11.11.2011)

Е. Г. Милюгина

Столичный город с провинциальной судьбой. Выражение С.Д. Довлатова, запечатлевшее кардинальные изменения в судьбе Петербурга — Ленинграда после октябрьского переворота 1917 г. Вслед за частным определением, непосредственно касающимся Ленинграда, писатель сделал важную оговорку: «Такие города есть в любой приличной стране. (В Италии — Милан. Во Франции — Лион. В Соединенных Штатах — Бостон)» (*Довлатов С.* Ремесло // *Собрание прозы: в 3 т. СПб., 1993. Т. 2. С. 87*). Это уточнение позволяет применить понятие С. г. п. с. не только к реалиям российской культуры, но и к любой столице мира, утратившей в силу каких-либо обстоятельств статус государственного центра.

Ключевым для уяснения сути феномена С. г. п. с. является понятие *соперничества столиц*. В мире существует несколько стран с двумя или более столицами, одна из которых является официальной, другие — неформальными (см. *с т о л и ч н о с т ь п р о в и н ц и и*). Так, в США юридически зафиксированной столицей является политизированный Вашингтон, однако в сознании не только американцев, но и всего мирового сообщества с этим статусом скорее ассоциируется Нью-Йорк — деловая столица, город, где принимаются важные финансовые решения. Научной и культурной столицей США считается Бостон — город музеев и университетов. Другой пример — Израиль, где на роль столицы претендуют два города: Иерусалим — официальная столица государства, где находятся все правительственные учреждения, и Тель-Авив — экономическая и культурная столица Израиля (*Ярмаркова А. Сравнительный анализ столичных городов: Петроград, Ленинград, Санкт-Петербург и Москва // Ваал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vaal.ru/show.php?id=173>. Дата обращения: 11.11.2011*).

Проблема соперничества столиц возникает в случае разделения политической, экономической и культурной функций между двумя и более городами. Поскольку ситуация такого разделения всегда связана с событиями национальной истории, возникло понятие *исторической столицы* — города, выполнявшего функции столицы на определенном этапе развития государства, а затем лишенного властных полномочий. Именно утрата власти и превращает его в С. г. п. с. Материалы русской истории, насчитывающей несколько исторических столиц, свидетельствуют о том, что конкретные судьбы таких городов различны.

Первой столицей Руси считается Ладога (862—864), названная резиденцией Рюрика в Ипатьевском списке «Повести временных лет» (Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. 2. Стлб. 14). По этой версии, Рюрик сидел в Ладоге до 864 г. и лишь после этого основал Великий Новгород (*Кирпичников А.Н. К вопросу о первой столице Руси // Украинський історичний журнал. 2008. № 3. С. 10—13*). Когда столицей Руси стал Великий Новгород, Ладога оказалась С. г. п. с. С 1703 г. она получила название Старой Ладоги; в XIX в., расположенная сравнительно недалеко от Петербурга, в бассейне рек Волхова и Елены, она стала местом паломничества русских художников и своеобразным культурным центром. Сюда, в усадьбу Успенское, принадлежавшую известному меценату и коллекционеру А.Р. Томилову, приезжали О.А. Кипренский, И.К. Айвазовский, И.А. Иванов, П.Е. Заболотский, запечатлевшие ладожские места на своих полотнах. Старая Ладога сегодня — это село в Волховском муниципальном районе Ленинградской области, административный центр Староладожского сельского поселения. Популяризация Старой Ладоги как первой столицы Руси получила сильный толчок во время празднования ее 1250-летия в 2003 г. (Президент распорядился... // *Стройка. 2002. №49 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stroit.ru/news/view/text/id/1752.html>. Дата обращения: 11.11.2011*).

После перенесения в 882 г. столицы в Киев участь быть С. г. п. с. постигла Великий Новгород, однако он долго сохранял роль второго по значимости центра страны и получил наименование «Отца городов русских». Этот исторический статус и по сей день выделяет его в ряду других городов русской провинции. В Новгороде обычно правил старший сын великого князя киевского. Киев получил наименование «Матери городов русских», что уподобляло его Константинополю (*Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. М., 2009. С.107—108, 112). Соперничество двух столиц — северной и южной — стало характерной чертой русской истории и в последующие исторические эпохи, когда возникла конкуренция Москвы и Петербурга. Оно отражено в русских пословицах: «Новгород — отец, Киев — мать, Москва — сердце, Петербург — голова»; «Питер — кормило, Москва — корм. Питер — голова, Москва — сердце» (*Журавлева О.М.* «Голова» и «сердце» России // Родина. 2003. № 1).

В 1240 г. Киев стал С. г. п. с.: он был разрушен монголо-татарами и надолго пришел в упадок. С 1243 г. столицей Руси был Владимир-на-Клязьме; в XIII в. владимирским столом владели князья Твери, Костромы, Переяславля и Городца, в XIV — Твери, Москвы и Суздаля. Поскольку с 1363 г. его занимали только московские князья, Владимирское и Московское княжества фактически слились, и Москва стала столицей, а Владимир, лишенный права быть местом коронации, постигла судьба провинциального города — С. г. п. с. Показательна в этом смысле и судьба Твери, которая во время монголо-татарского ига стала одним из центров сопротивления и соперничала с Москвой за роль центра русских земель; в 1304 г. князь Михаил получил ярлык на великое княжение, и с этого момента вплоть до 1327 г. Тверь являлась столицей русских земель.

Однако главным образом проблема С. г. п. с. касается взаимоотношений Москвы и Петербурга / Ленинграда. Их судьбы отличны от судеб исторических столиц, смирившихся со своим провинциальным статусом, потому что, говоря современным языком, их индекс урбанизации был слишком низким (см. с т о л и ч н о с т ь п р о в и н ц и и). Москва получила статус столицы в 1389 г., но уже в XVII в. созданное Москвой молодое государство заметно одряхлело: его поражают бесконечные бунты, церковный раскол, закрепощение народа. Иностранцы путешественники и собственные инакомыслящие распространяют легенду о поголовном пьянстве, безделье и никчемности русских. Общий приговор Москве: «дикость и варварство» — по сути вывел ее в разряд С. г. п. с. задолго до того, как она была лишена статуса столицы. В 1712 г. по воле Петра I столица России была перенесена в Санкт-Петербург, специально основанный как столичный город. В 1728 г. столица была перенесена обратно в Москву в связи с переездом туда Петра II, но после его смерти в 1730 г. Петербургу был возвращен столичный статус. Таким образом, Москва пребывала С. г. п. с. с 1712 по 1918 г., когда решением Советского правительства ей был возвращен статус столицы.

Снижение статуса Москвы до С. г. п. с. в Петровскую эпоху образно сформулировал Пушкин: «И перед младшею столицей / Померкла старая Москва, / Как перед новою царицей / Порфироносная вдова» (*Пушкин А. С. Медный всадник // Полн. собр. соч.: в 10 т. М., 1960. Т. 3. С. 286*). В послепетровское время неоднократно предпринимались попытки вернуть Москве былую стать или придать ей вид европейской столицы. Именно с этой целью Екатерина II в 1770-е гг. задумала проект «Кремлевской перестройки», мечтая превратить Москву, вкупе с Кремлем, в *идеальный город*. В соответствии с планом В.И. Баженова императрица дала приказание снести некоторые древние кремлевские здания и часть южной стены, чтобы освободить территории под новый царский дворец. Свидетелем разрушения Кремля стал Державин, что отражено им в стихах «На случай разломки Московского Кремля для построения нового дворца в 1770 году архитектором Баженовым» (1770). При подготовке к коронации Павла I (1797) Н.А. Львовым был разработан проект перестройки Кремлевского дворца в императорскую резиденцию. Параллельно с этим Львов создал для А.А. Безбородко и А.Р. Разумовского масштабные проекты городских усадеб на берегу Яузы (конец 1790-х), планируя создать вокруг исторического центра Москвы усадебное кольцо и превратить Москву в *город-сад, город-цветник* (*Милюгина Е.Г. Обгоняющий время: Николай Александрович Львов — поэт, архитектор, искусствовед, историк Москвы. М., 2009. С. 44—49*).

Однако почти все эти проекты остались лишь на бумаге, и в итоге в XIX в. Москва продолжала восприниматься как символ провинциальной России. Оценивая современное ему положение Москвы, К.Н. Батюшков в 1811 г. писал: «Москва есть большой провинциальный город, единственный, несравненный: ибо что значит имя столицы без двора» (*Батюшков К.Н. Прогулка по Москве // Соч. в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 294*). Пушкин в «Путешествии из Москвы в Петербург» (1833—1834) заметил: «Некогда соперничество между Москвой и Петербургом действительно существовало. <...> Ныне в присмирившей Москве огромные боярские дома стоят печально между широким двором, заросшим травой, и садом, запущенным и одичалым» (*Пушкин А. С. Путешествие из Москвы в Петербург // Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 6. С. 378*). Поэт считал, что процветание обеих столиц в одном государстве невозможно, как существование двух сердец в теле человека. Его вывод, однако, не отражал действительности. Москву продолжали считать столицей, и чтобы оправдать сложившуюся двойственность, возникла потребность определить, какова роль этих городов. Иносказательно это выражено в очерке Ф.Н. Глинки «Город и Деревня», где, по мнению В.Н. Топорова, в символическом образе Деревни легко увидеть душевно-сердечную Москву, а в образе Города — холодно-рассудочный Петербург: «...в Городе каждый есть нота, приписанная к своей линейке, цифра, гаснущая в своем итоге, математический знак, втиснутый в свою формулу. <...> В Деревне многие считаются сами единицами, в Городе могут быть они только при единицах! <...> В Городе никто не дома! В Деревне — всякий у себя!.. <...> В Городе нужна голова, в Деревне — сердце, в Горо-

де гражданственность, в Деревне — семья! И в этой семье вас любили по-семейному!» (цит. по: *Карпец В.* Федор Глинка. Историко-литературный очерк. М., 1983. С. 84—85.) Иронически то же сформулировал Гоголь: «А какая разница, какая разница между ими двумя <Москвой и Петербургом>! Она еще до сих пор русская борода, а он уже аккуратный немец. Как раскинулась, как расширилась старая Москва! Какая она нечесаная! Как сдвинулся, как вытянулся в струнку щеголь Петербург!» (*Гоголь Н.В.* Петербургские записки 1836 года // Собр. соч.: в 6 т. М., 1959. Т. 6. С. 109). И.И. Панаев в 1840 г. писал: «Москва — сердце России, в полном и высоком значении этих слов» — и тут же добавлял: «Москва, патриархальная и ленивая, никогда не достигнет этого блестящего развития практической стороны жизни, до которой изволил возвыситься Петербург» (*Панаев И.И.* Повести. Очерки. М., 1986. С. 48, 51). Сравнивая значение обеих столиц в истории России, А.И. Герцен писал: «Петербург — воплощение общего, отвлеченного понятия столичного города; Петербург тем и отличается от всех городов европейских, что он на всех похож; Москва тем, что она вовсе не похожа ни на какой европейский город, а есть гигантское развитие русского богатого села» (*Герцен А.И.* Москва и Петербург // Собр. соч.: в 30 т. М., 1954. Т. 2. С. 36).

Таким образом, размежевание столиц постепенно выстроилось по двум схемам: «По одной из них бездушный, казенный, казарменный, официальный, неестественно-регулярный, абстрактный, неуютный, выморочный, нерусский Петербург противопоставлялся душевной, семейственно-интимной, патриархальной, уютной, “почвенно-реальной”, естественной, русской Москве. По другой схеме Петербург как цивилизованный, культурный, планомерно организованный, логично-правильный, гармоничный, европейский город противопоставлялся Москве как хаотичной, беспорядочной, противоречащей логике, полуазиатской деревне» (*Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 268). В XX в. Москва вошла огромным провинциальным городом, «большой деревней», «Москвой златоглавой», «Москвой кабацкой».

В 1918 г. Москва стала столицей РСФСР, с 1922 г. — одновременно и столицей Советского Союза. Перенос столицы в Москву отчасти пошел на пользу Петербургу. Это позволило сберечь высокий процент старой застройки: на шедевры социалистического зодчества денег не хватало, жилищное строительство велось на окраинах. В результате здесь сохранилось множество жилых каменных домов предреволюционного периода — примерно 8000 зданий. От Обводного канала до Большой Невки и от Александрово-Невской лавры до торгового порта город остался почти таким, каким он был в 1917 г. Более острыми были проблемы идеологического самоопределения. Москва должна была стать символом коммунистического *завтра*, ей был определен статус «образцового коммунистического города». В общий процесс социалистического строительства были вовлечены все провинциальные города, которым отводилась роль ресурсов столицы. И если для Пскова, Новгорода, Твери такая ситуация не была деструктив-

ной, потому что они, несмотря на свое далекое *столичное прошлое*, были в Российской империи городами провинциальными, то приравнивание к ним Ленинграда означало навязывание ему совершенно несвойственной роли — роли филиала Москвы. В процессе созидания *новой империи* СССР вместо Российской империи Ленинград оказался лишним для советской державы и ее правителей.

Лишенный статуса официальной столицы, Ленинград оказался неформальной столицей сопротивления советской власти, что вызвало массовые репрессии. Были сфабрикованы «дело Лицеистов», «дела» офицеров лейб-гвардии Финляндского полка (1927; В.В. де Жерве и др.), офицеров Балтфлота (1926; Б.Л. Адлард, С.А. Ловцов, А.Н. Бахтин и др.), «Ордена мартинистов» (1926; Г.О. Мебес, А.М. Нестерова, В.Ф. Гредингер, Г.С. Габаев и др.), «Ордена Св. Грааля» (1927; А.Г. Гошерон-Делафос, М.А. Пуаре-Пургольд и др.), кружка «Воскресенье» (1928—1929; А.А. Мейер, А.В. Карташев, А.П. Федотов, А.П. Смирнов, Н.П. Анциферов), «Космической академии наук» (1928; П.П. Мошков, Д.С. Лихачев) и др. Крупнейшими процессами начала 1930-х гг. стали «Академическое дело», «дело краеведов», «Гвардейское дело», «дело» Русского общества мироведения (1931; С.В. Муратов, Д.О. Святский, В.А. Казизын и др.), «дело славистов» (1933—1934; среди репрессированных — 35 сотрудников Русского музея, Эрмитажа и Этнографического музея: А.А. Автономов, П.И. Нерадовский, Р.Ф. Куллэ, Г.А. Бонч-Осмоловский и др.). С середины 1930-х гг. — «Кировский поток», операция «Бывшие люди», «Большой террор», в конце 1940-х гг. — «кампании по борьбе с космополитизмом» (литературовед Г.А. Гуковский, умер в тюрьме в 1950; историк-медиевист М.А. Гуковский, театровед С.Д. Дрейден и др.), в 1949—1950 гг. — «Ленинградское дело», антиеврейские кампании.

В ситуации кризиса идентичности в Ленинграде неизбежно должен был возникнуть дискурс, враждебный господствующему дискурсу культуры: «Если господствующий идеологический знак культуры был пролетарскость и он исходил из Москвы, то Ленинград стал культивировать ленинградскость, обозначая этим интеллигентность как оппозицию пролетарскости» (*Дамберг С.В., Семенков В.Е.* Провинциальный город С-Петербург // *Сентенция: историко-философский альманах* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mnemosyne.ru/homo/speterburg.html>. Дата обращения: 11.11.2011). В противоположность пролетарской гегемонии большого стиля соцреализма Ленинград как *С. г. п. с.* сформировал диссидентскую интеллигентность. Проявлениями диссидентского движения явились протестные действия: обращение к съезду КПСС (1967, В.И. Гомельский); распространение материалов московской Инициативной группы по правам человека в СССР (1968, группа Ю.Л. Гендлера — Л.Б. Квачевского); протесты против ввода войск стран Варшавского договора в Чехословакию, надпись «вон из Праги, Брежнев» на Аничковом мосту (1968, И.И. Бугославский); «Союз борьбы за свободу личности» (1971, группа В.А. Дзибалова); распространение листовок

в защиту А.И. Солженицына (1974, Л.Л. Верди); протесты против ввода советских войск в Афганистан (1981, Б.С. Миркин); демонстрации: памяти декабристов у Медного всадника (1975), художников и литераторов у Петропавловской крепости (1976), в защиту прав человека (1977, 1978, 1979); надпись на стене Государева бастиона Петропавловской крепости: «Вы распинаете свободу, но душа человеческая не имеет оков» (1976, Ю.А. Рыбаков, О.А. Волков); надпись на стене Трубецкого бастиона Петропавловской крепости: «Свободу Сахарову!» (1986, В.С. Хроменков).

Для диссидентского движения характерно появление литературы, не ориентированной на советскую цензуру. Среди ее создателей — писатель К.В. Успенский (арестован в 1960), поэт И.А. Бродский (арестован в 1964), М.А. Нарича (автор романа «Неспетая песня»; арестован в 1961), М.Р. Хейфец (автор предисловия к сборнику стихов Бродского; арестован в 1974), Д.Е. Аксельрод (автор романа «Братья Красовские»; арестован в 1982), поэт К.М. Азадовский (арестован в 1982). За изготовление и распространение «самиздата» и «тамиздата» были арестованы: группа Г.В. Давыдова — В.В. Петрова (1973), М.М. Климова (1982), М.Б. Мейлах (1983), Г.А. Донской (1983), М.В. Поляков (1983), Б.О. Митяшин (1984); вынуждены эмигрировать Е.Г. Эткинд (1976), Л.С. Друскин (1980), С.В. Дедюлин (1981) и др. (*Косинова Т.Ф., Флиге И.А. и др.* История террора в городе // НИЦ «Мемориал». Санкт-Петербург [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://memorial-nic.org/history.html>. Дата обращения: 11.11.2011).

Оппозиция Ленинграда Москве была тождественна оппозиции официальной политике и официальной эстетике. Эту особенность города отметил С.Д. Довлатов: «Без труда и усилий далась Ленинграду осанка столицы. Вода и камень определили его горизонтальную помпезную стилистику. Благородство здесь так же обычно, как нездоровый цвет лица, долги и вечная самоирония. Ленинград обладает мучительным комплексом духовного центра, несколько ущемленного в своих административных правах. Сочетание неполноценности и превосходства делает его весьма язвительным господином» (*Довлатов С.* Ремесло. С. 87).

В настоящее время с изменением политической ситуации в России ленинградское диссидентство утратило смысл, и перед современным Петербургом встала проблема свободного выбора идеологии. Семиотики считают, что сегодня городу предложено две альтернативных идеологемы: московская — «Санкт-Петербург — культурная столица России» и европейская — «Санкт-Петербург — окно в Европу». Первая идеология предполагает развивать город в прежних, квазиимперских реалиях, возвращая его в то культурное пространство, в котором он вновь становится филиалом. Европейская идеологема, в свою очередь, может прочитываться и в обратном порядке: «Санкт-Петербург — это окно Европы в Россию», место европейской экспансии в азиатскую страну (*Дамберг С.В., Семенов В.Е.* Провинциальный город С.-Петербург). В этом случае идентичность С. г. п. с. артикулирована предельно четко: город обретает независимость от политических катаклизмов и социальной нестабильности, перемеще-

ния столиц и изменения их функций в системе государства. Иначе говоря, при таком самоопределении Петербург, как и любой другой С. г. п. с., не претендуя на возвращение ему столичности ни в полном объеме, ни частично (ср. бренд Петербурга — «духовная столица России»), освобождается от инерции навязанной ему провинциальности (филиальности) и сам определяет свою судьбу.

Лит.: *Вендина О.И.* Отражение преемственности и соперничества российских столиц в национальном сознании // География. 1998. № 36 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://geo.1september.ru/1998/geo36.htm>. Дата обращения: 11.11.2011; *Косинова Т.Ф., Флиге И.А. и др.* История террора в городе // НИЦ «Мемориал». Санкт-Петербург [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://memorial-nic.org/history.html>. Дата обращения: 11.11.2011.

Е.Г. Милюгина

Т. О. Санникова

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ПРОЦЕССАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТОЛИЦЫ И ПРОВИНЦИИ

Взаимодействие между столицей и провинцией очень часто определяют как диалог. Однако если не ставить знак равенства между коммуникацией и диалогом в культуре, то насколько возможна применимость последнего термина? Среди исходных позиций диалога, равенство субъектов, причем соравность во всех смыслах, взаимный интерес, взаимонаправленность и уважение. Всегда ли столица и провинция как два противоположных начала в политической, социальной структуре и культурных формах взаимодействуют диалогически? Каково соотношение в этих процессах взаимодействия стабилизирующих начал и динамики, новаций и традиций?

Для ответов на данные вопросы необходимо выделить два уровня анализа: «во-первых, общий для культурной жизни всех стран и всех эпох с тех пор, как развитие государственности породило различия между столичными центрами и провинциальными окраинами, и, во-вторых, специфически национальный, поскольку в разных странах — в частности, в России последние три столетия — отношение "столица — провинция" наполнялось особым смыслом, уяснить который необходимо и в интересах науки, и для ориентации практической деятельности» [9, с.16].

Появление государственных образований, начиная с истории древнего мира, если это не были города-государства, означало формирование центра — столицы, и окружающей территории, занимавшей подчиненное положение. При этом, чем более имперский характер но-

сило государственное образование, тем более моноцентричным становилось государственное пространство — у столицы не могло быть соперников ни в каком плане («лучший город Земли» мог быть только один). Подобная монополия всегда вызывала в провинциях пусть неявное, но негодование, смешанное, однако с желанием оказаться в этом месте (известна римская поговорка — «все Рим ненавидят и все хотят в нем жить»).

В подобных имперских образованиях столица становилась не просто средоточием административного аппарата, но и культурным центром. Именно подобная история явилась определяющей и для России, начиная со становления Московского царства и до сегодняшнего дня. Данная имперская структура перекочевала и на саму провинцию, где в той или иной области, республике есть столица, являющая собой пример центра опять же не просто с органами власти, а с лучшими условиями жизни, развитой инфраструктурой, богатством культурного выбора. Подобный «областной центр» является генератором социокультурных инициатив по отношению к своему региону, одновременно по отношению к Москве — средоточию основных культурных форм, выступает уже по большому счету как их ретранслятор и медиатор.

Руководитель Центра постсоветских исследований, заведующий сектором Института экономики РАН Л. Б. Вардомский, так определяет преимущества Москвы как столичного города: «Главное из них — интеллектуальный потенциал. Культурный, научный, инновационный — так исторически сложилось. Здесь всегда собирали лучших ученых, управленцев, артистов, футболистов, хоккеистов и т.д. Здесь в советское время располагались внешнеторговые объединения, банки, ведущие НИИ. И эти преимущества в рыночных условиях, к сожалению, усилились» [15]. Он также отмечает, что распухание мегаполиса является мировой тенденцией: «В условиях глобализации мегаполисы растут быстрее. Это объективная тенденция. Если начинаешь противостоять тенденции к концентрации экономической жизни, то неизбежно понижается конкурентоспособность национальной экономики, а это еще хуже. Лучше это нивелировать социальными программами, чем вмешиваться в естественный ход событий».

Есть примеры, когда некоторые страны (Бразилия, Казахстан) переносили столицу. Как признает Л. Б. Вардомский, «конечно, казахи, построив Астану, многие проблемы решили для себя. Но мы не могли в 90-е годы: власть была слаба, денег не было. А сейчас уже это теряет смысл, новая столица — это слишком дорого, да и где ее размещать? Но вот какой-то центр-противовес на востоке или где-то в Сибири — по влиянию, по экономическому воздействию, очень нужен. Вот, как Нью-Йорк и Лос-Анджелес — они примерно одинаковые, и таких городов в США с десяток. В Китае: Пекин, Шанхай — есть конкуренция. А у нас монополизм и в экономике, и в политике, и в городских функциях. Москва не должна быть монополистом. Должна быть конкуренция между городами, городскими сообществами и властями» [15].

О желании российских городов культурно самоопределиваться В. Л. Каганский написал следующее: «Масса городов мечтает быть второй или третьей столицей России или хотя бы

столицей своего макрорегиона. Эта активность симптоматична, беспредметна и (пока?) безрезультатна. Она свидетельствует об активности поиска — никак не о находках; мнимое самоопределение мест — скорее результат отсутствия реального и культурно признанного краеведения, нежели его продолжение...» [10].

Так на примере крупных российских городов в конце XX — начале XXI века мы видим попытки назвать себя если не «третьей» столицей, то хотя бы столицей чего-нибудь, или похвастаться столичными условиями или теми или иными учреждениями (такому зоопарку, цирку, театру сама столица «позавидовать может»).

Однако уровень притязаний власти не всегда совпадает с мироощущением и миропорядком «столичности» у рядовых граждан города, зачастую иронично воспринимая декларацию, не вполне соотносимую с действительностью. «О том, что с губернатором Морозовым Ульяновск превратился в авиационную столицу России без самолетов: два аэропорта без буфетов и туалетов, нынче без музеев и библиотек, без культуры готовится стать “Культурной столицей Европы-2020”, знают многие» [13].

Надо признать, что понятие «столичный город» получило распространение в России еще во второй половине XIX века, где им обозначали административно не столичные, но промышленные и культурные центры определенного региона: такие города как Харьков, Нижний Новгород, Екатеринбург, Одесса и др. Их развитию способствовали многие факторы (наличие крупных учебных заведений, торговых путей, промышленных предприятий и т.д.).

Данные факторы как раз и являются элементами децентрализации, т.е. смещению оси взаимодействия только как вертикали, к формированию множественности центров в той или иной области промышленности, системе образования, науки, искусства. Хотя в России данная центровая позиция чаще комбинируется с концентрацией административной власти. Для сравнения, например, в США многие столичные города штатов не обязательно являются их крупнейшими экономическими центрами, или центрами в какой-то другой области. В России проблема сильной централизации решается чаще именно в административном поле (например, в переводе ряда органов государственной власти из Москвы в Петербург).

В. Л. Каганский, замечая, что «схема “центр — периферия” претендует на универсальность, хотя это лишь проекция в пространство дихотомии “центр — не-центр” и имеет смысл лишь в богатом контексте», использует альтернативную схему «центр — провинция — периферия — граница» [11]. В данном случае важна именно акцентуация на центровой и нецентровой (столица-провинция) позиции социокультурного пространства.

Столицу и провинцию определяет разный ландшафт. Чем более центральное положение занимает город, тем более разрастается его организм, тем менее видна в нем природа и естественность природного ландшафта. Чем более удаляемся от Центра, тем больше становится нетронутых цивилизацией мест и соответственно меньше магистральных и прочих дорог,

обеспечивающих нашу цивилизацию. Центр организует именно социальное, культурное пространство. Отсюда у многих интеллектуалов, интеллигенции провинции ощущение замкнутого провинциального пространства, именно в силу его большего самоорганизующегося начала.

Разница пространства соединяется с разницей времени. В Центре, в столице оно «сконцентрировано», его мало, его не хватает. В не-центре, провинции оно словно растекается в глубину природного ландшафта, замедляя свой темп.

Хотя провинция и стремится хотя бы в центре того или иного поселения создать пространство подобное столичному, и даже маркировать его обозначениями, вроде «наш Арбат», «красная площадь». Подчас и время мерить по столичным меркам, скажем, инициатива ряда регионов перейти на московское время, с позиции, что это удобно для решения административных дел, хотя явно не совпадает с природными ритмами данных территорий.

Монотонность провинции противопоставлена полифонии центра, столицы. Поэтому провинцию часто отождествляют со скукой, размеренностью, подходящей только для пожилого человека. А центр, столицу — как город большого выбора, массы возможностей, динамики, город молодежи.

Близость к природному ландшафту тем более отличает провинцию, чем она удаленнее от Центров. Важность сельских поселений и приближенных к ним городских воспринимается в паре с экономическими показателями сельского хозяйства. Про важность сохранения традиционного ландшафта забывается, как справедливо пишет Б. Б. Родоман. «Деревня нужна русским людям, живущим в городах, для национального самовыражения и вдохновения», «урожай — не только то, что растет на полях, но и то, что вырастает в наших душах от контакта с родной землей» [16, с. 272—273].

Взаимодействие с природой дает возможность самоуглубления, именно природа делает человека человечней. Недостаток культурных впечатлений провинции (причем если они бывают, то отпечатываются глубже и памятнее, нежели, если бы их было много) компенсируется взаимодействием с природой, которая взращивает тонкость душевной организации, дает почву для творчества. Художник Н. Г. Чесноков, чье детство прошло на Любимовском кордоне, что в 16 километрах от Лысьвенского завода (город Лысьва Пермской области), так вспоминал об этом периоде: «Кордон Любимовский с трех сторон вплотную примыкал к лесу и только с фасада зеленела перед ним большая поляна, изрезанная дорогой и несколькими тропинками, уходящими в лес и к речке Любимовке. Сразу за речкой высилась гора Алебастровая, казавшаяся мне необыкновенно высокой. За эту гору каждый погожий вечер скатывалось солнышко, в пасмурные дни за ее вершину цеплялись тучи, а при солнце она плавилась в голубом небе и по ее склону пробегали тени от облаков. Удивительно было рассматривать бесконечно меняющуюся жизнь неба и леса. Природа, манящая и неизведанная будоражила фантазию и вызывала массу вопросов, на которые не всегда могли ответить даже взрослые» [18].

Эта жажда творчества, в силу своей специфики, отличает интеллигенцию. «Именно на местной интеллигенции и лежит бремя обыденного, сложного, неоднородного культурного самоопределения территорий — особенно малых, периферийных и сельских. (...) Тем более что в глубинке интеллигенция сохраняет свой культурный статус и играет роль окна в большой мир гораздо в большей мере, чем интеллигенция московская и питерская» [10].

Самодетельность в большей степени характерна именно для провинции, поскольку определяемых Центром — «культурных центров» здесь мало, что вполне объективно объяснимо, но необходимо поле для реализации накопленных смыслов. Крайним моментом для личности является выход из провинциального пространства и уход в столичный ритм и мир. Но он избирается не всеми, и тем интереснее судьбы людей известных, всю жизнь проживших в провинции и провинцию избравших в качестве объекта своего творчества. Из писателей таковыми являются, например, американская поэтесса Эмили Дикинсон и английская писательница Джейн Остин. «Ее интересовало обыкновенное, — писал С. Моэм о Дж. Остин, — а не то, что зовется необыкновенным. Однако благодаря остроте зрения, иронии и остроумию все, что она писала, было необыкновенно» [4, с. 16]. «Жизнь сама по себе так удивительна, что оставляет мало места для других занятий», — писала Э. Дикинсон, и в этой фразе, как мне кажется, и скрывается загадка ее добровольного заточения. Лишив себя части человеческих радостей, Эмили пыталась сосредоточиться на внутреннем мире, обострив до предела свое мироощущение. Поэтесса напряженно вглядывалась, а точнее — вслушивалась в жизнь. В нескольких стихах она открыто повторяла одну и ту же мысль — только «голодный» способен максимально ощутить вкус, только лишившись можно по-настоящему понять цену потерянного» [14].

Он был Поэт –
 Гигантский смысл
 Умел он отжимать
 Из будничных понятий –
 Редчайший аромат [6].

Чтоб свято чтить обычные дни -
 Надо лишь помнить:
 От вас — от меня —
 Могут взять они — малость —
 Дар бытия.
 Чтоб жизнь наделить величием —
 Надо лишь помнить —
 Что желудь здесь —

Зародыш лесов

В верховьях небес [7].

Сама Э. Дикинсон писала в письме известному тогда литератору Т. У. Хиггинсону: «Вы спрашиваете о моих товарищах. Холмы, сэр, и Закаты, и пес — с меня ростом, — которого купил мне отец. Они лучше, чем человеческие существа, — потому что всё знают, но не говорят» [2, с.19].

Провинцию, как территорию удаленную от «столиц», всегда отличала особая атмосфера и образ жизни. Однако чаще они характеризуются в черно-белых тонах: провинция рисуется либо как идеальное место духовности, противопоставленное столице — «вавилону», погруженному в пороки цивилизации (почти шпенглеровское противостояние содержания и формы, культуры и цивилизации); либо как пошлый мир «болота», годный только для сатирического обличения.

Действительность провинции, не-центра во взаимоотношениях со столицей, столицами представляет сложную систему ценностей и черт, которая вырисовывается именно в комплексе их восприятия.

Провинция часто воспринимается как некий фундамент, консервативная структура, оплот традиционности. Эта характеристика особо усиливается, учитывая масштабы России. Центр мобилен, как генератор изменений он быстро видоизменяется, порождая новые социальные, культурные смыслы. Чем далее вглубь страны — тем темпы принятий новых решений замедляются. Наше слово «глубинка» несет в себе и момент дистанционности (где-то далеко, комбинируясь с «глушью», где о чем-то новом узнают позже, опосредованно) и важный момент «глубины», определенного постоянства, укорененной значимости. Важный момент стабильной социокультурной системы, определяющей возможность не «выплеснуть вместе с водой ребенка», позволить «волнам» изменений идти по поверхности, не делая мутным перебираемое пространство. Но постепенно, они все равно оказывают влияние.

Обмен смыслами между центром и провинцией идет постоянно, есть ли изначальная установка на диалог, либо его отрицание, подспудно он все равно существует, пусть в ограниченном виде. Провинция и центр рисует нам две разные системы социокультурного устройства, но тем богаче процесс коммуникации, ибо на стыке их спора-согласия, их сотрудничества-борьбы рождаются новые смыслы, позволяющие им развиваться, а значит и культуре в целом.

Смысла центра нет без провинции, провинции нет без центра, при совмещении двух категорий рождается целостный текст, который пишет, создает и каждый из нас.

А. С. Собенников, рассмотрев противопоставление столицы и провинции в драматургии А. П. Чехова, пришел к следующему выводу относительно авторской позиции и реализации в точках зрения персонажей этого противопоставления: «Чехов, сохраняя в символе миро-

устройства “Столица — Провинция” реально-историческую конкретику, выходит за рамки исторического времени <...>. “Столица” и “Провинция” приобретают значение вневременных нравственно-философских категорий. У каждого человека, независимо от его национальной принадлежности, есть своя “Столица” и своя “Провинция”» [8].

«Провинциальность», «столичность» становятся маркерами, определениями, четко не локализованными географически, но имеющими психологическую подоплеку. Кроме того, преобразующиеся в бичевание отрицательных качеств: «столичная штучка», «провинциализм». «Провинциализм — это мир, в котором все, что не касается человека лично и практически, кажется ему ненужным и даже враждебным» [1, с. 51]. Но и столичное высокомерие, стремление к внешним формам, оказываются здесь одного поля ягодами. Таким образом, помимо макроуровня, имеющего конкретно исторический характер, взаимоотношения провинции и столицы переносятся на уровень микроистории отдельного индивидуума.

Любая культура опирается на то, что уже есть. Иногда преемственность может отрицаться, реально такое существование невозможно. Бывают периоды, когда преемственность уходит на второй план. Преемственность подразумевает непосредственную связь последующего периода с предыдущим. Преемственность может быть нарушена, но остается наследие. Наследие сохраняется провинцией не всегда сознательно, в силу консервативной природы, и приверженности, что так «деды наши делали», оно сохраняется и в силу отдаленности от центра, от источника изменений. Культурное наследие в современных поселениях часто остается тем больше, чем менее развита экономическая составляющая. Чем более город стремится к «столичности», тем более быстро под натиском современной цивилизации утрачивается его историко-культурное наследие, особенно это заметно в архитектурном облике. Стабилизирующая сторона российской провинции оказывается иронией судьбы современного мира капитала. Провинция хранит часто как бабушкин сундук свои вещи, не потому что его оценили и он дорог как память, как связь времен, как красота ушедшего, а потому что про него забыли в темном чулане.

Так, на территории России накопленное наследие деревянной архитектуры, во многом утерев преемственность, воспринимается зачастую как что-то отжившее свой век, а значит должное уступить место современной архитектуре. В Программе Министерства по охране окружающей среды Финляндии по содействию деревянному строительству на 2004-2010 годы четко зафиксировано: «С точки зрения культуры деревянное строительство является частью традиции и национальной идентичности» [17, с. 67]. Сохранение культурного наследия всегда является вопросом национальной безопасности; в том числе для России это относится и к сохранению традиций деревянного зодчества, воплощающих ценный капитал национальной культуры. Новое должно опираться на старое, ибо иначе повторяется ситуация со свиньей под дубом из басни Крылова.

Противоречие между традицией и новацией один из главных механизмов динамики культуры. Однако отождествление провинции и традиции, а столицы—центра с новацией было бы слишком прямолинейным и однобоким, поскольку взаимодействие на практике оказывается значительно сложнее, хотя доведенное до теоретического предела классификации подобное противопоставление имеет место быть.

Чем, как ни новым являются проявления провинциальной фантазии, провинциальных культурных порывов, «прорывов», однако чаще им проще устремиться в новаторское поле Центра, нежели найти свое место в устоявшихся нормах не—центрального пространства.

Если опять же вспомнить времена становления Московского государства, то «большинство тех, кто развивал и поддерживал идею Москвы как третьего Рима, — провинциальные люди» [12, с. 145]. Здесь речь, конечно, идет об интеллектуальной элите.

Всю историю нашего государства от ее Московского периода можно представить как борьбу между «цивилизованным центром» и «дикой» провинцией. Если сначала Москва реализовывала модель азиатского государственного устройства, то в XVII, и особенно в XVIII столетии (Москва, а затем Петербург) пытаются втиснуть в эту азиатскую модель европейское социокультурное содержание. «По сути, Россия приблизительно с XVII — XVIII веков является страной двух цивилизаций: европейско-столичной и традиционно-провинциальной» [3, с. 61].

Как писал М. С. Каган: «"Провинциальность" — понятие амбивалентное, двойственное: с одной стороны оно воплощает подражательность, упрощенное копирование столичного образа жизни, а с другой — известную духовную независимость от столицы, отстраненность от ее политических интересов и оппозиционность господствующим порядкам. Поэтому из столицы убегали — и теперь снова стали убегать — в провинцию в поисках независимости, а из провинции стремились в столицу, дабы сделать карьеру; провинция привлекала возможностью избавления от диктата власти, а столица влекла близостью к механизмам управления страной и концентрацией духовной жизни в сферах искусства, науки, философии» [9, с. 16].

Однако сказанное М. С. Каганом опять же не всегда имеет место, столица хороша для карьеры, но при этом и конкуренция там выше. С другой стороны независимость для провинции тоже не всегда характерна, поскольку выбор человека здесь ограничен, а значит, человек в определенной степени зависим от диктата местных властей. «Различие провинции и столицы не абстрактно-ценностное, т.е. не означающее, что одна лучше другой, а функциональное. Обе лучше, и обе хуже, но в разных отношениях, ибо они дополняют друг друга в целостной жизни нации и потому друг другу необходимы» [9, с. 18].

Таким образом, борьба—сотрудничество, спор—согласие определяют взаимодействие столицы как центра и провинции как окраинной территории. Для центра определяющей выступает функция динамики социокультурных процессов, для не—центра стабилизация существ-

вующего положения, консерватизм и традиционность. При учете индивидуальных особенностей системы столица-провинция в историко-культурном ландшафте, есть черты объединяющие. Большое стремление центра к закреплению своего положения в архитектурном облике, средоточию социальных и культурных учреждений, подчеркивание своего положения как генерирующего социальные и культурные изменения. Инерционность провинции, стремление к внутренней углубленности, сосредоточенность на своем мире, сближение с природным окружением. Выход же российской системы единого центра не просто в наличии центров областных, республиканских, пока их развитие — лишь стремление клонировать московскую статусность, а в центрах, определяющих разные сферы развития общества и культуры. Многообразие определяет развитие культуры, моноцентричность развитие ликвидирует. Это касается как общей системы «столица-провинция», так и индивидуального уровня наличия своей «столицы» и «провинции».

Кто Небо не нашел внизу –

Нигде уж не найдет –

Ведь где бы мы ни жили – Бог

Поблизости живет [5, с. 392 – 393].

Список литературы и источников

1. Бутурлина Е. Мифы о провинциальной культуре // Российская провинция. — 1994. №1. — С.48–51.
2. Гаврилов А. Эмили Дикинсон: жизнь в творчестве // Дикинсон Э. Стихотворения. — М.: ОАО Издательство «Радуга», 2001. — С. 17–46.
3. Данилов А. А., Меметов В. С. Интеллигенция российской провинции и традиционные народные ценности // Интеллигенция России: традиции и новации: тез. докл. конф. — Иваново: ИвГУ, 1997. — С. 61–63.
4. Демурова Н. М. Милая Джейн // Остин Д. Гордость и предубеждение. — М.: Правда, 1989. — С. 5–16.
5. Дикинсон Э. Стихотворения: Сб. / сост. М. Гавриловой. — М.: ОАО Издательство «Радуга», 2001. — 448 с.
6. Дикинсон Э. This was a Poet — It is That. Перевод стихотворения В. Марковой [Электронный ресурс] // Американская поэзия в русских переводах: сайт. — URL: <http://www.uspoetry.ru/poem/29> (дата обращения 13.06.2012).
7. Дикинсон Э. To venerate the simple days. Перевод стихотворения В. Марковой [Электронный ресурс] // Американская поэзия в русских переводах: сайт. — URL: <http://www.uspoetry.ru/poem/24> (дата обращения 13.06.2012).

8. Доманский Ю. В. Оппозиция «столица / провинция» в рассказе «Дама с собачкой». — Тверь, 2001. [Электронный ресурс] // А. П. Чехов: сайт. URL.: <http://www.mychekhov.ru/kritika/domansky/doman3.shtml> (дата обращения 26. 02.2012).
9. Каган М. С. Москва — Петербург — провинция: «Двуличность» России — ее историческая судьба и уникальный шанс // Российская провинция. — 1993. № 1. — С.16–27.
10. Каганский В. Внутренний Урал. — [Электронный ресурс] // Журнальный зал: Отечественные записки. — 2003. № 3. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2003/3/2003_3_50.html (дата обращения: 23.02.2010).
11. Каганский В. Центр — Провинция — Периферия — Граница [Электронный ресурс] // Русский журнал. 26.10.04. URL: <http://www.russ.ru/pole/Centr-Provinciya-Periferiya-Granica> (дата обращения: 23.02.2010).
12. Киселева М. С. Интеллектуальный потенциал провинции (круглый стол) // Человек. — 1996. №4. — С. 145–146.
13. Кто сказал, мы — провинция? Ульяновск — столица! [Электронный ресурс] // Улпресса. 27.10.10. URL.: <http://ulpressa.ru/news/2010/10/27/article135427/> (дата обращения: 19.10.2011).
14. Курий С. Эмили Дикинсон: почему её называют «Белой затворницей»? [Электронный ресурс] // Школа жизни: познавательный журнал. 15.05.09. URL.: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-27812/>(дата обращения: 19.10.2011).
15. «Москва хороша для бизнеса, но не для жизни» [Электронный ресурс] / Новости общества. 29.04.11. URL: <http://news.mail.ru/society/5814687/> (дата обращения: 27.05. 2011).
16. Родоман Б. Б. Пейзаж России // Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера. — Смоленск: Ойкумена, 2002. — 336 с.
17. Суиккари Р. Финские деревянные города: сохранение и развитие // Культура дерева — дерево в культуре: Тезисы междунардн. науч.-практич. конф. — М.: РИК, 2010. — С. 67–68.
18. Чесноков Н. Г. Автобиография. [Электронный ресурс] // Чесноков Н.Г. (1915-2004): сайт. URL: <http://www.chesnokovn.ru/biography.html> (дата обращения 26.02.2012).

Л. И. Сизинцева

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ ПРОВИНЦИИ

Провинция как административно-территориальная единица существовала в России всего 55 лет — с 1719 по 1775 год. Можно предположить, что в почти полувековой промежуток сложились условия, позволившие этому нейтральному понятию приобрести оттенок пренебрежительности, уничижения. И всё же, вероятно, не случайно было выбрано название завоеванных имперским Римом территорий (*pro-vincio*), — вся страна представлялась объектом агрессии, оправданием которой виделось распространение цивилизации.

Первая четверть XVIII столетия — время, когда новая петровская столица резко заявила о своей непохожести на остальные территориальные единицы страны. Там все было не так, как в остальных российских землях: было больше похоже на Амстердам или Париж. Москва, по сравнению с Петербургом, воспринималась провинцией. Правда, мало кто задумывался о том, что и сам новорожденный город оказался провинцией, подражавшей европейским столицам, перенимавшей парижские моды, английские манеры, голландские ремесла и польское красноречие, ибо вторичность — один из признаков провинциальности в ином, оценочном смысле.

В новой системе ценностей «ново» значило «хорошо», в прежней, напротив, сохранялась ориентация на традицию — чем больше похоже на исходный образ, оставшийся за гранью обозримого прошлого, — тем лучше. Новая система не вытесняла старую, они причудливо перемешались и распределились в пространстве: столица стала законодательницей мод, провинция — хранительницей «живой старины»; и степень провинциальности определялась скоростью и точностью усвоения столичных образцов, которая определялась расстоянием, качеством дорог и желанием (или нежеланием) их усваивать.

Столицы гордились переменчивостью во всем: будь то парижские моды или немецкая философия, а провинциалки робко интересовались (как в пушкинском «Графе Нулине»): «Как тальи носят?» — «Очень низко», — несколько свысока отвечали им столичные жители, знакомые с линией кроя не по журналу «Московский телеграф».

Сила провинции была в неспешности и основательности, там, по преимуществу, сохранялась «вековая тишина России: типы и люди прошлых исторических формаций», по выражению П. Н. Милюкова [4, с. 91].

Однако это распределение сложилось и устоялось не сразу. Первоначально как образ жизни, так и ритм ее были едиными — до учреждения Петербурга. Новая столица следует принципу: все лучшее — ей, самые «добрые» каменщики, плотники, резчики, художники, печники уходили туда и пополняли ряды столичных жителей. Сама по себе эта практика су-

ществовала и прежде: на государеву работу призывались они и в Москву. Новая столица была более ревнива: строится Петербург — замирает каменное строительство во всех прочих городах: запрещено. И еще одно было ново: они, мастеровые, не возвращаются, как прежде, назад, обогащенные новым опытом, оседают в центре, волею, а чаще — неволею.

Обескровленная, лишенная мастеров, средств, материалов провинция строится все медленнее, да и не столь красиво — по понятиям нового, петровского времени. Эти перемены происходят быстро, в пределах одной человеческой жизни. Еще в середине предыдущего столетия за полвека до петровских реформ такие города, как Ярославль, Кострома, Нижний сами были законодателями строительной моды, самодостаточными культурными центрами. С удручением местного самоуправления, волевым изъятием сил и средств они хиреют, и гордость жителей за свой богатый и красивый город уступает место тому, что мы сегодня бы назвали комплексом неполноценности. Именно оно и закрепилось в понятии «провинциальный», которое включает не только оценку извне, из столицы, но и самооценку.

Однако еще более четко, нежели перемещение мастеровых, локализовано в этом полувековом промежутке другое явление, которое иногда называли «крепостным правом для дворян». Петровское законодательство обязывало всех дворян нести государственную службу, «нетчики», т. е. неявившиеся, оставались без защиты закона, их имущество конфисковывалось. Будучи поначалу бессрочной, она сократилась до 25 лет при Анне Иоанновне, а ликвидирована была Указом о вольности дворянской 1762 года.

В данном случае важно не индивидуальное недовольство, а то, как это сказывалось на жизни провинции. Служба, бравшая лучшее, дееспособное время жизни дворянина, тоже имела свою топографию. Еще юношей, а то и ребенком она отзывала его от родовой усадьбы, лишала права выбирать место жительства, одних закидывала на окраины Российской империи, других — в столицу, откуда они либо посылали «тысячи курьеров», либо сами мчались с поручениями во все города и веси.

Таким образом, именно столица была местом, где человек мог официально реализовать себя. Во всех разъездах он оставался официальным человеком, т. е. «человеком столицы». В этом смысле характерно, что опала выражалась, прежде всего, в отлучении от Петербурга, который сам по себе был «привилегией и благодеянием».

Местоположение чиновника вносило свои коррективы в петровскую табель о рангах: мелкий письмоводитель в столице мог влиять на ход дел больше, нежели провинциал более высокого чина, — он мог положить дело в долгий ящик, создать неблагоприятное мнение...

Эта географическая иерархия совпадала с иерархией административно-территориального деления: губернское правление соотносилось с уездным так же, как и сенат с ним самим. На этом административно-географическом парадоксе строился и «феномен Хлестакова», невозможный, если бы отсутствовал «мистический» пиетет перед столицей.

Указ о вольности дворянской, екатерининские реформы местного самоуправления несколько размыли жесткие границы «пространства социальной реализации», равно как и границы «биографического времени», отданного столице: часть активного его отрезка перепала теперь и родным местам.

Вновь созданные губернии востребовали деятелей, связанных с ними имущественно или «генеалогически» (а потому имеющих право на участие в дворянских выборных органах). Провинция как административно-территориальная единица ушла в прошлое, понятие вобрало в себя унижение, бесправие человека перед лицом централизованной машины.

Неоднократно отмечалось, что именно Указ о вольности дворянской стал причиной и началом расцвета дворянских усадеб. Вторая половина XVIII—первая половина XIX века — золотое столетие классических «дворянских гнезд». Однако почти никогда усадьба не была единственным местом обитания ее хозяев. В зависимости от достатка они делили свое время между столицей, губернским городом и усадьбой, либо между двумя последними. Даже самые неимущие, «бездушные» дворяне по необходимости покидали усадьбу для участия в выборах губернского дворянского предводителя. Кроме того, нужно было решать хозяйственные вопросы, влиять на ход судебных разбирательств, во множестве заводившихся и тянувшихся годами.

Зима как время года определялась ритмом общественной жизни (выборы, балы, визиты для дворянина — человека не служащего), лето — «время усадьбы» — складывалось как время фамильное. Память связывала с тем или иным членом семьи возникновение построек на территории усадьбы, строительство храма с неизменным поминанием во время каждой службы «зиждителя храма сего». Пространство «осваивалось» семьей на протяжении десятилетий, которые складывались в века. Высаживались и забрасывались сады и парки, погибали в разбитых оранжереях диковинные растения, но дети, играя среди них, жили в «фамильном времени».

Независимо от достатка и вкуса владельца, усадебный дом хранил семейный архив, необходимый для подтверждения прав на дворянство или владения. Часто документальный ряд подтверждался изобразительным, портретные галереи разного художественного достоинства были почти всюду, со временем их сменили фотографии на стенах или в альбомах. Предания, передававшиеся родственниками и слугами, часто опирались на внешний предметный ряд. Могло не быть библиотеки, но семейные реликвии были всегда. То были не обязательно ценные в денежном выражении вещи, но с ними всегда были связаны семейные истории или память о предках: будь то награда, бокал с вензелем императрицы, трофейная пушка петровских баталий, охотничье ружье или николаевская шинель деда. Все вместе это становилось той самой «рамкой памяти», о которой писал М. Хальбвакс [10].

Эти реликвии были документами социальной значимости человеческой жизни, они были следами того «времени социальной реализации», ставшего «фамильным временем». Историческое линейное время семьи, рода вплеталось в историю страны, понимаемую как историю государей, которая в свою очередь тоже рассматривалась как семейное время, вплетенное в библейскую историю человечества, и в результате история человечества воспринималась по образцу истории большой семьи. Часто в усадебных архивах хранились рукописи, подобные этой: «Генеалогия или родословие знатных властелинов, князей и царей, начинающееся от Адама даже и до всего настоящего времени с прописанием лет...» (1756) или «Родословные таблицы библейской и русской истории, составленные в 1787 г. (в кругах)» [2].

Общение между семьями осуществлялось в двух основных формах: многодневные поездки в гости (короткие визиты при значительном расстоянии между усадьбами были бессмысленны), и, прежде всего для мужчин, «отъезжим полем» — осенью, на время псовой охоты. Последняя заслуживает особого внимания.

«Главная дворянская потребность или, как ныне выражаются, главный идеал состоял тогда в псовой охоте», — вспоминал Н. П. Макаров о первой четверти XIX в., но столь же справедливо это высказывание и для последней четверти, если не половины предыдущего столетия. «Эти единственно важные в то время дворянские занятия происходили с необыкновенною торжественностью», — пишет тот же мемуарист [3, с. 8].

Охота, собиравшая дворян разного достатка из нескольких уездов, становилась местом сословного представительства, местом борьбы самолюбий (вспомним завязку конфликта в «Дубровском»). Отсутствие интереса к охоте рассматривалось как подтверждение и следствие недворянского происхождения [6, с. 151].

Охота часто способствовала знакомству с бытом деревни, так как в усадьбе хозяина поля размещались лишь наиболее почетные гости, остальные же селились в крестьянских домах. Однако крестьянское земледельческое время и время господской охоты, исходя из природных циклов, не только не совпадали, но и резко противоречили друг другу: «Какая причиняется пагуба осенним посевам и вешним всходам! Как вытаптываются луга!» [6, с. 60].

Часто оставшееся от охоты время в усадьбе подчинялось ожиданию следующей охоты. В распорядок дня включалось кормление собак, приобретающее характер ритуала [6, с. 149; 3, с. 12]. Именно в силу ежедневной повторяемости хозяйственных забот, малой насыщенности событиями социальной важности, время усадьбы, сохраняя «обратную перспективу» семейной памяти, утрачивало «прямую перспективу», линейное измерение с вектором, направленным в будущее. Оно неизменно проходило свои ежедневные и ежегодные круги, и единственным способом разомкнуть его становилось поступление на службу, отъезд в город.

Та же малая насыщенность событиями вырабатывала особенную, обостренную чувствительность провинциала к различным состояниям природы. Это подтверждается многими

воспоминаниями. В. В. Розанов, размышляя о костромском детстве, говорит об особом переживании дождливой погоды: «Мгла небесная сама по себе входила такую мглой в душу, что хотелось плакать, нюнить, раздражаться...» [8, с.530]. А. Ф. Писемский пишет из костромского имения Н. А. Некрасову: «В моей деревенской жизни я либо напишу очень много, либо с ума сойду. Вообразите, до сих пор никаких признаков весны, еще даже вороны не вылиняли». А не пройдет и месяца, и он же напишет А. Н. Майкову: «Я теперь блаженствую, упиваясь весной, которая у нас стоит чудная...» [5, с. 66].

Однако трудности в переживании циклического, повторяемого времени провинции возникали только у тех, чья система ценностей была ориентирована по законам Нового времени, на новизну — как позитивное начало, на бесконечное стремление вперед, на реализацию себя в этом новом времени как личности неповторимой, новой, еще не бывшей доселе. Таких было немного, они остро переживали свою немногочисленность, а то и прямое одиночество в среде других, иначе ориентированных людей.

Костромской священник-краевед М. Я. Диев относился к числу последних, что не мешало ему заниматься историей и этнографией. В его позиции не было высокомерного отношения к «непросвещенной» среде, не принявшей нового мироощущения: «Без сомнения, нынешние обычаи есть благословенное наследство предков наших, отпечаток их чувствований и мыслей, перед потомством отчет долговременного мышления и опыта, глагол ума твердого и глубокого, связь прошедших времен с настоящим. Правда, быстрый ход просвещения несколько изменил облик обычаев, но сущность их, кажется, доселе неприкосновенна, особенно в простом народе», — писал он И. М. Снегирёву 20 сентября 1830 года [9].

Время христианского календаря для россиянина XVIII, XIX и даже начала XX века имело гораздо большее значение, нежели принято было думать в советское время. Душа самых разных людей погружалась в неторопливое христианское время, с его ориентацией на «вечные веки». И все же именно в провинции эти переживания были более отчетливыми: «Из жителей столицы не всякий поймет благоговейные чувства, с которыми религиозный провинциал встречал торжественный день Светлого Воскресенья: душа первого занята больше заботами жизни; второй предаётся духовной радости с открытою душою», — объяснял это явление А. А. Потехин [7, с.254].

Приуроченность христианских праздников к определенному времени года, связанные с ними бытовые обычаи и ритуалы были особенно значимы для провинциала с его погруженностью в бытовые и природные циклы. Скучность впечатлений придавала остроту переживанию праздника: «Самое внешнее торжество принимает в провинции как будто особенный блеск. С каким восторгом жители, привыкшие к тишине, прислушиваются в Светлый День к громкому звону колоколов, с каким увлечением смотрят на богатую иллюминацию, которая покрывает среди ночи Божий Храм! Постороннему зрителю показалось бы, что не только физиономия

зрителей, но и самые здания, весь город и самый воздух принимают какой-то праздничный вид» [7, с. 254].

Для людей, погруженных в христианское время, календарное обозначение месяцев и чисел не столь важно, как для чиновника: «К концу поста я уже читал, а на святой мог бегло прочитать Псалтырь» [1], — совсем другие координаты.

Степень погруженности зависела от индивидуального выбора, местом абсолютной рас творенности в нем был монастырь, скит. Интересно разрешалась эта задача — согласование мирского и сакрального — у старообрядцев секты бегунов. «Жизнь молодых сектантов ничем не отличалась от жизни остальных крестьян. Они женились, имели детей и, посещая старообрядческую молельню, ходили в то же время и в церковь. Под старость же они переставали ходить в церковь и начинали есть отдельно от семьи в особых мисках своими ложками. Многие оставляли свои семейства и скрывались неизвестно куда», уходили в ветлужские леса «молиться Богу и спасти свою душу» [1, с. 448].

Так обозначался абсолютно противоположный полюс — «антистолица», которая, начиная с середины XVIII в., удалялась все дальше на север, на восток, в Сибирь — лишь бы по дальше от Петербурга. Удаленность не только не угнетала, она была труднодостижимой мечтой. Был ли Керженец провинцией? — вопрос риторический: он, как и Выг, был другой столицей, столицей иного мира, иного мироощущения, в другой системе временных, координат. Но то же время, ориентированное на вечность, организовывало и жизнь Соловков или Валаама...

Любопытно рассмотреть пример перехода из одной системы в другую. Автор цитированных выше мемуаров — крепостной человек Ф. Д. Бобков — выходец из старообрядческого села Крапивнова Юрьевоцкого уезда Костромской губернии. Грамотный, как и многие старообрядцы, вместо привычных лубочных изданий он получает в подарок академический календарь 1824 года: «На пустых страницах календаря кем-то сделаны были разные отметки и записаны разные события. Я тотчас же сшил тетрадку и завел дневник и стал делать в нем каждый день отметки» [1, с. 458]. Став дворовым своего барина, мальчик, а затем уже взрослый человек, он получил доступ к книгам и журналам. «Самое большое впечатление на меня произвели сочинения Карамзина. Он повлиял на мое воображение и на мое сердце. Мне казалось, что я иначе стал думать и чувствовать» [1, с. 468].

Изменение самосознания заставило остро переживать несоответствие невольничьей жизни дворовых новой, линейной временной системе, предполагающей продумывание перспективы: «Разве кто-либо из дворовых мог жить так, как хотел. Живут, как велят. Отрывают внезапно от земли и делают дворовыми, обучая столярному, башмачному и музыкальному искусству, не спрашивая, чему он желает обучаться. Из повара делают кучера, из лакея — писаря или пастуха. Каждый, не любя свои занятия, жил изо дня в день, не заботясь о будущем. Да

и думать о будущем нельзя, потому что во всякую минуту можно попасть в солдаты или быть сосланным в Сибирь» [1, с. 449–450].

Возможен был и обратный переход из одной временной системы в другую: мирские люди, уходя в монастырь, или переходя от неверия к вере, тоже проходили этот путь, подобно вологодскому дворянину Д. А. Брянчанинову, ставшему святителем Игнатием.

Таким образом, именно исследование пространственно-временных характеристик позволяет предположить, что оценочное, уничижительно-пренебрежительное значение понятия «провинция» возникает в период сложных перемен в сознании жителей создающейся Российской империи в середине XVIII столетия, когда меняется система ценностей и новизна становится предпочтительней традиции. Прежняя система не исчезает, она сосуществует с новой иногда даже в сознании одного человека. При этом возникает определенная (иногда довольно условная) пространственная привязка: столица становится центром, отсюда — «новизна»; скорость усвоения этой новизны соответствует степени «провинциальности», которая растет по мере удаления от столиц.

На фоне сложных культурных процессов возникает противопоставление «города» «миру», т. е. вся страна превращается в необъятную окраину, противопоставленную столицам. Немалую роль в этом играет политическое и административное утверждение центральных структур абсолютистского государства, которое искусственно сдерживало развитие местного самоуправления, сужало пространство социальной самореализации человека, подчиняя его центру.

Острота противостояния столицы и провинции несколько снижается после проведения реформ второй половины XVIII века, следствием которых стала децентрализация российской культуры, создание таких своеобразных культурно-хозяйственных комплексов, как русские усадьбы.

Однако в системах, сохранявших ориентацию на традицию, существовало осознанное противопоставление себя столице как отрицательному началу (особенно это характерно для центров старообрядчества). В них не только снималось отрицательное толкование понятия «провинция», но и самого понятия не существовало.

Список литературы и источников

1. Бобков Ф. Д. Из записок бывшего крепостного человека // Исторический вестник. — СПб., 1907.
2. Коллекция рукописей Государственного архива Костромской области: Обзор подгот. В. Н. Бочковым. — Кострома: Б.и., 1964. — 109 с.
3. Макаров Н. П. Мои семидесятилетние воспоминания. — М., 1881. Ч. 1.

4. Милюков П. Н. Воспоминания (1859-1917) Т. 1: [1859—1907: сост. и авт. вступ. ст. М. Г. Вандалковская: Коммент. и имен. аннот. указ. А. Н. Шаханов]. — [Б. м.]: Современник, 1990. — 445 с.
5. Писемский А. Ф. Письма / Подготовка текста и комментарии М. К. Клемана и А. П. Могилянского. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. — 748 с.
6. Помещичья Россия по запискам современников / Сост. Н. Н. Руссов. — М., 1911.
7. Потехин Л. А. Забавы и удовольствия в городке // Потехин А. А. Сочинения. — СПб., 1873. Т. 1.
8. Розанов В. В. Сумерки просвещения / Сост. В. Н. Щербаков. — М.: Педагогика, 1990. — 624 с.
9. Титов А. А. Биографический очерк Протоирея Михаила Диева с приложением его писем к Ивану Михайловичу Снегиреву (1830 – 1857) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. — М., 1887. Кн. 1. Отд.1. — С. 1–116.
10. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. — М.: Новое издательство, 2007. — 348 с.

ЦЕНТР — ПЕРИФЕРИЯ: МИР

Е. В. Николаева**ГОРОДА КАК ФРАКТАЛЬНЫЕ ПЕРЕКРЕСТКИ МИРА****Введение**

Город и формирующие его материальные и духовные компоненты представляют собой очень древние социокультурные артефакты мировой истории. Архитектурное, историческое, социальное, культурное, антропологическое, экономическое, визуальное, текстуальное, медиа- и кибер-пространство города давно превратилось в своего рода научно-практическую междисциплинарную лабораторию. Предметом изучения становятся все более глубинные вертикальные и горизонтальные городские структуры и самые сложные «срезы» городской реальности. Состояние «пост-постмодерна», которое наступило после того, как возникли новые, «цифровые» механизмы функционирования культуры, актуализирует вопросы о роли локальных городов и сущности глобального мирового города. Соответственно, научный инструментарий, который применяется для анализа городской культуры, становится все более разнообразным. Этнографические, социологические, исторические, семиотические и прочие подходы дополняют друг друга, при этом активно заимствуя и переосмысливая концепты естественно-научных дисциплин. Широкая междисциплинарность приводит в частности к тому, что результаты не только количественных, но и качественных исследований оказывается возможным описывать в терминах гуманитарной математики. Одним из новейших понятий, освоенных urban studies, является *фрактал*, который в самом общем виде может быть определен как «структура, состоящая из частей, которые в каком-то смысле подобны целому» [9].

Действительно, геометрическое самоподобие некоторых городов (Москва, Нью-Йорк) просто очевидно. Более того, во все времена города, являясь частью той или иной цивилизации, репрезентируют сущностные характеристики этой цивилизации и фундаментальные константы соответствующей этнической культуры. Тип архитектуры и специфический план застройки, городская инфраструктура и коммуникационные сети (узкие или широкие мостовые, водопровод или его отсутствие и т.п.), система управления, социальных и культурных взаимодействий в городе, «текст» города (вывески, памятники, сакральные места и т.д.) составляют как бы уменьшенную копию государства, его социокультурный «макет», концептуальную модель национальной культуры. Городские пространственные и ментальные конфигурации демонстрируют определенное подобие по отношению к знаковым формам, структурам и элементам социальной, политической, экономической и художественной жизни государства в целом.

Например, геометрические самоподобные паттерны древних африканских городов, как доказал американский специалист по этноматематике Рон Иглэш (Ron Eglash), связаны принципом подобия с самыми разными артефактами и практиками традиционной культуры Африки [17]. Ученый обнаружил одни и те же самоподобные элементы (фрактальные паттерны) в африканской архитектуре, традиционных прическах, скульптуре, живописи, религии, играх, техниках счета, символических системах, социальных и политических структурах.

Новейшая история дает еще более удивительные примеры фрактального тиражирования знаковых элементов городской культуры разных стран по всему миру, что превращает многие города в миниатюрные репрезентации мирового географического, исторического и культурного пространства. Этой проблематике и посвящена настоящая статья.

Понятие фрактальности и фрактальный анализ в урбанистике

В основе фрактального анализа городской культуры лежит выявление повторяющихся самоподобных геометрических или социокультурных паттернов и определение их типов. В урбанистике также нередко ставится задача определения специальных коэффициентов, связанных с т.н. фрактальной размерностью (степенью «изломанности») городских территорий, и характеризующих закономерности роста и эволюции города.

Термин «фрактал» (от латинского «дробный», «изломанный») был введен в научный оборот в середине 1970-х гг. французским математиком Бенуа Мандельбротом для обозначения нерегулярных геометрических форм, обладающих самоподобием во всех масштабах [21]. Самоподобие означает, что любая подсистема фрактальной системы повторяет конфигурацию целой системы и в пределах общей формы заключен (бес)конечно «тиражируемый» паттерн. Иначе говоря, фрагмент фрактала, идентичный целостной форме, воспроизводится на каждом последующем уровне меньшего масштаба, образуя своего рода «вложенную» структуру. Таким образом, любой самоподобный фрагмент фрактальной конструкции репрезентирует целое, «разворачивая» из себя весь комплекс значений и форм, присущих собственно фракталу как некой целостности.

Природными фракталами являются, например, деревья с их ветвистыми кронами и листьями, реки с притоками, снежинки, облака, кровеносная и нервная системы человека.

Существует несколько типов фрактального подобия [11]. Линейные (по способу построения их часто называют *геометрическими*) фракталы — самые очевидные, в прямом смысле слова, их самоподобие визуально легко различимо. Таковы, например, треугольник Серпинского или снежинка Коха¹. Наиболее яркие примеры фрактальной архитектуры геометрического типа — итальянский замок Castel del Monte, собор св. Петра в Ватикане, Эйфелева башня.

Нелинейные, или *алгебраические*, фракталы образуются цифровым способом — из формулы, содержащей комплексные числа, и итерационного алгоритма расчета. Конечный

результат каждого цикла является начальным значением для расчета последующего. Фрактальное подобие в получившихся визуализациях может быть не столь очевидным, но оно, несомненно, присутствует и выявляется визуально или аналитически. Примером алгебраических фракталов служит знаменитое множество Мандельброта. Не являясь самоподобным в строгом геометрическом смысле, оно, тем не менее, при увеличении изображения демонстрирует внутри себя бесконечное число собственных крохотных копий². Такого рода фракталы наблюдаются во многих планах городской застройки Нового времени, в архитектуре Оперного театра в Сиднее и башни Aqua в Чикаго.

Подобие может быть абсолютным (точное рекурсивное воспроизводство паттерна) или относительным (квази-подобие), когда маленькие элементы фрактала при увеличении масштаба рассмотрения не повторяют точно систему в целом, но в общем имеют похожий, хотя и несколько искаженный вид. Такие фракталы (например, Броуновское дерево)³ называются *случайными* или *стохастическими* и обладают статистическим подобием. В городской культуре к ним принадлежат большинство городских кварталов, архитектура музея Гуггенхайма в Бильбао, Центра науки и культуры короля Абдул Азиза в Саудовской Аравии и др. Стохастический характер имеет и большинство т.н. *культурные* фракталы.

Культурные фракталы представляют собой особый тип фракталов, которые используются при анализе социокультурных феноменов и артефактов. Вот как определяет культурный фрактал в соотнесении с городской средой Пол Даунтон (Paul Downton), австралийский ученый, специалист в области экологии архитектуры и био-урбанистического дизайна: «Культурный фрактал содержит конфигурации всех существенных характеристик его культуры. Города репрезентируют все направления культурной деятельности, которые их создают, и являются наиболее полным выражением общества, включая его отношения между сельским и городским, технологическим и природным. Город представляет собой самую полную фрактальную демонстрацию цивилизации как большего целого» (*перевод — Е.Н.*) [15].

Однако, на наш взгляд, термин «культурный фрактал» не вполне удачен, т.к. не отражает в полной мере специфику этого типа фрактальности, которая связана с самоподобием *идей, концептов, ментальных конструкций*, а не просто с пространственными рекурсиями, многие из которых относятся к сфере культуры, но являются чисто геометрическими или алгебраическими (архитектура, плотность застройки и т.п.). Более уместно, наверное, использовать в качестве видового понятия термин *концептуальный* фрактал.

Одно из первых исследований городской фрактальности принадлежит Майклу Бэтти (Michael Batty), профессору по пространственному анализу и планированию в Лондонском университете, связавшему отношениями фрактальных размерностей плотность населения и линейные размеры и площадь города (Лондона) [12]. Затем тема фрактальной геометрии городов начала рассматриваться применительно к визуальным представлениям городских форм в

виде графических моделей (включая территориальные фигуры и архитектурные объекты) [18; 20; 22 и др.].

В последнее десятилетие ученые — теоретики и практики — из самых разных стран мира обращаются к теме фрактальной урбанистики ([19; 23–25; 1; 5] и др.), включая «case study» по фрактальной морфологии отдельных городов, представляющих различные эпохи и культуры, — таких как Венеция, Милан, Брюссель, Салоники, Тель-Авив, Сидней, города Индии, Китая, Аргентины, Алжира, древние города Майя и т.д. ([13;14; 16] и др.).

Внутренние фрактальные формы городского пространства

Фрактальный скейлинг (масштабный инвариант) можно обнаружить в планировке средневековых городов и современных мегаполисов, схемах парижского или нью-йоркского метрополитена, силуэте города Манхэттен, в причудливых зданиях индуистских храмов и готических соборов, Парижской Оперы Шарля Гарнье, собора Заграда Фамилия Антонио Гауди, в зданиях, спроектированных Фрэнком Ллойдом Райтом, Питером Эйзенманом, Норманом Фостером, австралийской архитектурной студией «ARM», норвежским архитектурным бюро «Снехетта» и др.

Вообще, как справедливо указывает З. Сардар, английский исследователь межкультурных отношений, «города имеют четко выраженную фрактальную структуру, в том смысле, что их функциям свойственно самоподобие на уровне многих порядков и масштабов». Он приводит такие примеры фрактальных городских структур, как «идея районов, округов и секторов внутри города, концепция транспортных сетей разных порядков и классификация городов в иерархии центрального места, отражающая экономическую зависимость локального от глобального и наоборот» [8, с. 128]. Действительно, в городе как метасистеме, состоящей из систем, которые, в свою очередь складываются из подсистем более низкого ранга, иерархически «вложенные» территории административного деления и соответствующие им муниципальные органы управления, кварталы, уличные, транспортные, энергетические, информационные городские сети, а также плотность населения и другие демографические и социологические характеристики урбанистической культуры оказываются фракталами разной степени сложности.

Стоит отметить, что внутренние фрактальные модели архитектурно-пространственной среды с разными фрактальными размерностями в той или иной степени реализованы в таких столичных мегаполисах как Нью-Йорк, Токио, Москва, Тель-Авив, Барселона, Сидней и др. При этом, «кольцевые» фракталы типичны для городов с длительной историей, тогда как города Нового Времени чаще всего имеют несколько центров притяжения и характеризуются большей степенью сложности и большей фрактальной размерностью.

Современный мегаполис породил особые фрактальные образования — гипермаркеты, которые выстраивают внутри себя социокультурное пространство, на семиотическом уровне эквивалентное самому городу или даже в некоторых случаях превосходящее его. Если тради-

ционный местный магазинчик до середины XX века может быть описан социокультурной метафорой «кладовая», универмаг и супермаркет — «дом», то гипермаркет — это «город» или «город-государство», в котором есть всё: от аптеки, салона красоты, центра связи и банка до выставочного центра, яхт-клуба и гостиницы (Крокус-Сити, Москва). Новейшие гипермаркеты, в которых соседствуют бутики самых разных иностранных брендов, а также пальмы в зонах отдыха и лед крытого катка, не только демонстрируют мировую модель глобальной культуры консьюмеризма, но проксемически воспроизводят географическую модель планетарного масштаба.

В пространстве большого города содержатся многочисленные рекурсивные отсылки к самому себе (так, например, в Москве есть одноименный книжный магазин и торговый центр), посредством которых формируются синхроническая и диахроническая фрактальные модели мегаполиса: современные фотографии-репортажи о городских событиях на уличных стендах и плакаты с дореволюционными городскими видами, названия улиц, магазинов, ресторанов и другие городские объекты, имеющие историческую семантику (например, улица Огородная слобода, район Лефортово, станция метро «Китай-город», ТЦ «Рогожская застава» и пр.).

Замечательный пример топографического и социокультурного автопозыса демонстрирует турецкий проект жилого района «Босфорус Сити» в Стамбуле, который повторяет архитектурно-географические черты настоящего пролива, включая знаменитые мосты через Босфор, на берегах которого и расположен «большой Стамбул» [3].

Примечательно, что фрактальное мироощущение начинает пронизывать все городское пространство, выражаясь то в наружной рекламе, то стрит-арте и других арт-практиках. Это может быть видео-реклама ТД «Шанель», в которой фрактальные узоры собираются и рассыпаются на фасаде офисного здания⁴. Или инсталляция фрактальной «Волны» К.Хокусая, созданная Тобиасом Штенгелем (Tobias Stengel) и помещенная на один из мостов Дрездена⁵. Или фрактальная конструкция возле Галатского моста в Стамбуле, выполненная из железного «кружева» и издающая фрактальную мелодию⁶. Или проект «Маленькие люди» (Little people Project, 2011) художника Слинкачу (Slinkachu), который разместил на улицах Лондона миниатюрные скульптурные сценки из современной жизни мегаполиса в масштабе 1:87 [7]...

Город как национально-государственный фрактал

Городская среда имеет тенденцию быть диахроничной, поскольку в пространстве современного города, и особенно мегаполиса, вольно или невольно, собраны постройки самых разных исторических эпох и соответствующих тому времени архитектурных стилей — античные амфитеатры, древние крепостные стены, средневековые замки, особняки XIX века, промышленные корпуса, рабочие бараки, жилые здания типовой застройки, офисные небоскребы и т.д. Создавая своим противоречивым соседством эклектическое смешение времен и постмодернистскую бессвязность деконструированного пространства, они одновременно образуют

исторический фрактал локальной культуры.

Блошинный рынок, антикварный магазин и хай-тек салон, и все сопутствующие им подмножества городских репрезентативных сред формируют еще одну фрактальную модель — социокультурную. Как витрина — это фрактальный паттерн магазина, так и столица — «витрина» страны и культурный фрактал внутри мультифрактала национальной государственной и экономической парадигмы.

Однако, город представляет собой не только архитектурно-пространственный и социально-экономический фрактал, но и концептуальный фрактал, и наиболее существенными в историческом развитии и функционировании городской системы, оказываются ее характеристики именно как концептуального фрактала. Очевидно, что любой город государства, а столичный в особенности, представляет собой символическую репрезентацию (поли)культурного пространства этой страны. Визуальный «текст» города образует культурный фрактал, отсылающий к культуре и истории страны. На различных уровнях организации городского пространства — архитектурных, топографических, инфраструктурных, социальных и пр. — воспроизводятся знаковые паттерны общей культуры: проксемические образцы (модели городской планировки, архитектурные элементы комплексы, городская топонимика, наружная реклама, интерьеры и экстерьеры общественных зданий и пр.) и культурные персонифицированные, объектные или абстрактные символы (памятники и мемориальные комплексы, в т.ч. артефакты—«гиперсимволы» и мифологические и исторические личности).

Важным моментом при этом является тот факт, что взаимодействия города и страны не только иерархически фрактальны, но и функционально рекурсивны, с бесконечной обратной связью: «городской фрактал действует как регулировочный триммер для общества большего размера и его урбанистических паттернов, поворачивающий направление развития части города, так что это воздействует на направление развития всего города в целом, в свою очередь, город как целое перенаправляет дугу эволюции большей цивилизации, частью которой он является» (*перевод — Е.Н.*) [15].

Что касается столичного города, его высший иерархический статус не только неизбежно накладывает на культурное пространство столицы отпечаток соответствующей политической функциональности, но и обязывает к максимальной социокультурной символизации этого пространства и насыщенности фрактальными связями. В основе столичного культурного фрактала всегда полагается древний (исторический) или сконструированный (постмодернистский) космогонический миф, т.е. миф о происхождении и развитии государства. Любая столица, имеющая многовековую историю или возникшая в новейшие времена, представляет собой своего рода пространственно-смысловое ядро национальной культуры и воплощает собой «текст» общегосударственной идеи. Начинаясь обычно с небольшого укрепленного поселения (крепости, кремля и т.п.), древняя столица всем своим ставшим со временем эклектичным

архитектурным пространством, всеми визуальными и вербальными культурными текстами связана с историческими и геополитическими вехами (точками бифуркации) страны и народа. Новая столица, поднявшаяся «с нуля», воспроизводит тот же принцип репрезентации историко-политических и мифологических пластов единой государственно-национальной культуры, собранной из фрагментов локальных культур и региональных культурно-исторических «текстов». Происходит это, правда, уже иными средствами: с помощью «глокальных» архитектурных и рекламных кодов постмодерна.

Очевидно, что столица как фрактальная структура должна быть «вложена» в структуру более высокого порядка — общегосударственный социокультурный фрактал. Одну из главных ролей в этом процессе играют фрактальные связи «столица — регионы». В столицах с многовековой историей такие связи формируются по большей мере спонтанно и постепенно, но оказывают значительное влияние на состояние социокультурного пространства столичного города.

В ходе исторических (эволюционных и революционных) преобразований культурное пространство столицы стихийно или планомерно превращается в коллаж, собранный из образов, символов и референций, принадлежащих одновременно общегосударственной истории и событийному ряду региональных культур. Однако этот на первый взгляд разнородный микс столичного культурного пространства есть ни что иное как проявление динамического хаоса, присущего любой сложной саморегулирующейся системе, к каким, безусловно, относится любой крупный город. Следствием неизбежной мультикультурности столичного мегаполиса становится превращение его в мультифрактал. Мультифрактал — это комплексный фрактал, который задается несколькими последовательно сменяющимися друг друга алгоритмами, каждый из которых генерирует паттерн со своей фрактальной размерностью [2]. Соответственно, столичный мультифрактал имеет несколько пространственных, социально-экономических, идеографических и пр. центров притяжения (аттракторов) со сложной взаимной корреляцией.

В сильном государстве (имеющем четко артикулируемую общегосударственную идею, разделяемую подавляющим большинством граждан, которая и образует «концептуальный аттрактор») корреляция «столица — регионы» имеет явно выраженную фрактальную природу. При этом фрактальность «вложенных» структур социокультурного взаимодействия «столица — регионы» носит концептуальный характер. Возможно, в зависимости от типа национальной культуры эти структуры могли бы быть символически соотнесены с тем или иным геометрическим или алгебраическим мультифракталом (основанном, например, на алгоритме ковра Серпинского или множества Жюлиа⁷, последнее, кстати, иллюстрирует наличие в государстве двух столиц). Разумеется, концептуальный мультифрактал городских социокультурных взаимодействий будет иметь стохастическую природу.

Фрактальная структура столицы как политико-административного центра государства

фиксируется наличием на ее территории региональных представительств. Фрактальные связи столицы с регионами также закреплены топонимически — в названиях улиц, площадей, бульваров и т.п., а также вокзалов, магазинов, ресторанов, кинотеатров, клубов и пр., отсылающим к другим городам и регионам страны. Столичное пространство, включающее в себя знаковые элементы региональных культур, становится фрактальной копией всей страны в целом. Так, в семантическом пространстве Москвы присутствует большое количество региональных топонимов: Ленинградское и Ярославское шоссе, Тверская и Калужская площадь, Большая Татарская, Уральская, Новороссийская, Амурская и Камчатская улицы, Кавказский и Смоленский бульвар, Волгоградский и Рязанский проспект, Анадырский и Мурманский проезды и многие-многие другие, маркирующие периметр границы и внутренние территории российской федерации. Все вместе они образуют столичный концептуальный фрактал как фрактальную проекцию России. Соответственно, многие российские города имеют Московскую улицу. Ленинградское шоссе в Москве и Московский проспект в Санкт-Петербурге, а также питерский Московский и московский Ленинградский железнодорожные вокзалы-близнецы являются примерами рекурсивной фрактальной связи. Свой кусочек Петербурга есть и в Казани. И это не просто улица с названием Петербургская. Это настоящий фрактальный паттерн, пространственный и концептуальный: на центральной, пешеходной полосе улицы Петербургской брусчаткой имитируется вода канала, через который перекинута несколько пешеходных мостиков, напоминающих мосты северной столицы.

Другой интересный пример находим в Казахстане. В городском пространстве новой столицы Казахстана Астаны также присутствуют элементы фрактальной структуры, связывающей главный город с другими регионами страны: Алма-атинская и Карагандинская улицы, Есильский и Сарыаркинский городские районы и др. В данном случае процесс фрактального связывания молодой столицы и всех исторически сформировавшихся территорий является результатом целенаправленной государственной политики.

В плане построения устойчивых фрактальных связей «столица — регионы» в Казахстане весьма плодотворной оказалась идея архитектурных подарков казахстанских регионов своей новой столице: фонтан в виде нефтяной вышки от Атырауской области, памятник Бауыржану Момышулы, легендарному военачальнику и писателю, от Жамбылской области, полная копия установленного в Актобе мемориального комплекса Алии Молдагуловой от Актюбинской области, монумент «Евразия» от Западно-Казахстанской области и др. Карагандинская область презентовала для столичной площади перед цирком фонтан со скульптурой эквилибриста на шаре, повторяющей композицию в городском пространстве Караганды (и, вообще говоря, являющейся материализованной иллюстрацией квазиустойчивого равновесия сложной динамической системы). К тому же в Астане очень быстро появился этнографический парк под открытым небом «Карта Казахстана-Атамекен», в котором в виде уменьшенных копий

воспроизведены главные рукотворные и природные достопримечательности Казахстана. Нельзя не заметить, что многие из этих объектов имеют явно выраженный фрактальный характер.

Вообще, городские парки миниатюр, представляющие собой фрактальную копию страны, довольно распространенный феномен Новейшего времени; они существуют в Нидерландах («Madurodam», Гаага), во Франции («La France en Miniature», Эланкур), в Италии («Italia in miniatura», Римини), в Швейцарии («Swiss Miniature», Мелиде), в Израиле («Mini-Israel», Латрун), в Турции («Miniaturk», Стамбул) и даже в Украине («Крым в Миниатюре», Алушта, 2012 г.).

Необходимо отметить, что мультифрактальная структура столицы, имеющей долгую историю, всегда содержит «белый шум», обломки прежних фракталов. Примером исторической памяти городского пространства являются московские топонимы, сохранившиеся от фрактальной структуры «Советский Союз»: Алма-атинская, Таллиннская и Ташкентская улицы, Рижское шоссе, Украинский, Самаркандский и Литовский бульвары и т.п., кинотеатры «Баку», «Ашхабад», «Киргизия». В социокультурном пространстве российской столицы все еще можно найти фрагменты некогда существовавшего концептуального гиперфрактала «Страны социализма»: Варшавское шоссе, Пражская улица, площадь Хо Ши Мина, улица Вильгельма Пика, кинотеатры «Будапешт», «Гавана», «Улан-Батор» и пр. Такими же обломками фракталов «Российская империя» и «Московская Русь» оказываются Тверская-Ямская улица, Большой каретный переулок, Сухаревская площадь, Покровские ворота, Земляной вал, Толмачевский переулок и т.п.

Город как фрактальная модель мира

Фрактальные паттерны, наблюдаемые на разных уровнях «фрактальной итерации» городского пространства, могут рассматриваться как рекурсивные элементы многих социокультурных практик — древних и современных — в контексте всей глобальной культуры — культурного мультифрактала всего мира. Как отмечалось выше, многие городские архитектурные, градостроительные и символические формы оказываются фрактальными с точки зрения культурных (исторических, этно-территориальных, идеологических и пр.) референций. В этом случае отдельные фрактальные элементы и сам мегаполис со всеми иерархическими уровнями фрактальности являются частью фрактала высшего порядка, в качестве которого может выступать не только национальная, но мировая культура в целом.

В связи с этим, чрезвычайно интересным оказываются конкретные проявления фрактальных свойств мегаполиса, предстающего в качестве одного из итерационных уровней мультифрактала «мир» (топографическая фрактальная модель) и «мировая история» (диахроническая фрактальная модель).

Фрактальные связи «город — мир» наиболее широко реализуются в столичных мегаполисах. Аналогично тому, как в административном и семиотическом пространстве столицы

фиксируются фрактальные связи с региональными культурами в границах своей страны, территории посольств и консульств иностранных государств, расположенных в каждой столице мира, преобразуют столицу во фрактальный паттерн мировой политической географии. Совокупность вербальных и визуальных текстов города также складывается в топографическую фрактальную модель мира: вывески, названия улиц (в Москве, например, ул. Иерусалимская, проезд Нансена, ул. Гарибальди и др.), ресторанов («London Pub», «Венеция», «Токио» и т.п.), станций метро («Пражская», «Римская»), вокзалов (Белорусский в Москве, Финляндский в Санкт-Петербурге и др.), витрины магазинов, изображения на рекламных щитах, памятники (Шарлю де Голлю в Москве, Петру I в голландском городе Саардам, Пушкину в Риме и Мадриде, Шекспиру в немецком Ваймаре и т.д.), музеи (музей Востока), этнические кварталы (вроде Чайна-тауна или маленькой Италии в Нью-Йорке)...

В этом отношении замечательный пример фрактальной модели мира находится на улице Энгельса в Москве. В небольшом квартале, плотно примыкая друг к другу, разместились последовательно: банный комплекс «Римские термы», ирландский паб «О'Хара», японский ресторан «Две палочки», ресторан паназиатской кухни «Zatoichi», кафе «Япоша», ресторан фастфуда «МакДоналдс», чуть поодаль расположились кафе «Капиталь», кафе «Домик», ресторан «Темпл бар». Нетрудно заметить, что ресторанный «слобода» символически охватывает весь мир: от России и Европы до Америки и Японии, при этом Россия представлена еще и своей дореволюционной социокультурной ипостасью.

Тем не менее, в целом, в рамках столичной градостроительной политики попытка «вырваться» из сложившейся фрактальной структуры российской столицы вовне, на более широкое геокультурное — европейское — пространство, «встроиться» во фрактал более высокого порядка с помощью искусственно созданного аттрактора — площади Европы (2002 г.) на территории перед Киевским вокзалом, оказалась крайне неудачной. Во-первых, она разрушила фрактальную транспортную сеть на этом участке (теперь там постоянные пробки и невозможно найти место для парковки недалеко от вокзала), во-вторых, несмотря на необычное архитектурное решение, площадь в центре транспортного коллапса не смогла и не стала пространственным социокультурным аттрактором (любимым местом отдыха), и, наконец, географически и семантически она «вклинилась» чужеродным элементом во фрактальную связь «Москва — Киев», поскольку европейское направление в московской пространственной структуре связано не с югом и направлением на Киев, а с западом и с Белорусским вокзалом. Примечательно, что абстрактная скульптурная композиция «Похищение Европы» (скульптор Оливье Стребель), подаренная Москве бельгийским правительством, больше напоминает обломки аттрактора Лоренца, чем героев известного древнегреческого мифа.

Каркасом фрактальной модели мира и мировой культуры являются рекурсивные повторения «гиперсимволов» локальных культур, среди которых Эйфелева башня, Статуя свободы,

египетская пирамида и др. Так уменьшенные копии Эйфелевой башни существуют и продолжают появляться в самых разных уголках планеты: первая была возведена в 1894 году в Северной Англии (Блэкпул), затем в течение следующего столетия рекурсивные эйфелевы башни возникли в Чехии (Прага), Японии (Токио), Китае (Гаунчжоу и Шэньчжэнь), в Болгарии (Варна), во Вьетнаме (Далат), в Казахстане (Актау), а также в Лас-Вегасе и двух американских городах с названием Париж, и даже в России, в южноуральской деревне Париж.

Похожим образом обстоит дело со Статуей Свободы, которая также превратилась во фрактальный паттерн. Рекурсивная «цепочка» Нью-Йоркской статуи Свободы, подаренной в свое время Америке Францией, проходит через Париж (Лебяжий остров на Сене, Люксембургский сад, городской Музей искусств и баржу на правом берегу Сены), французские города Клегерек, Кольмар, Пуатье, Гурен, Камбрен, Сент-Этьен, Руабон, Шатоннефф-ла-Форе, Барантен, Сен-Сир-сюр-мер, Бордо, Барентин, английский город Лейсестер и ирландский Мулнамина Мор, американские города Вашингтон, Лас Вегас, Бирмингем (штат Алабама) и еще целый ряд небольших городов, а также Токио, мексиканский городок Пализада, Рио-де-Жанейро, Буэнос-Айрес, Пекин и Гуанджоу, столицу Гондураса Тегусигальпу, города и поселки Филиппин, Тайваня, Вьетнама, Израиля, Австралии... Стохастические фрактальные копии статуи есть во Львове (статуя, *сидящая* на крыше Музея этнографии и художественного промысла), в испанском Кадакесе (за заказу Сальвадора Дали статуя держит по факелу в каждой руке), в Гарден Сити (США) («мисс Свобода» сильно отставила в сторону правую ногу), в Сан-Маркосе (Калифорния) (с библией в руке), в парке Лего-ленд (Калифорния) (собранный из кусочков конструктора «Лего»), в Ужгороде (Украина) (маленькая скульптура с искаженными пропорциями) и др.

Фрактальные паттерны могут содержать и более обширные культурно-географические локусы, такие как, например, китайский «Сад Дружбы» в Санкт-Петербурге, являющийся уменьшенной копией шанхайского «Сада радости», или архитектурная имитация комплекса московской Красной площади и Кремля («собор Василий Блаженного», «Большой кремлевский дворец», «Сенат», «Исторический музей») на территории турецкого пятизвездочного отеля «Wow Kremlin Palace» в курортном поселке Аксу. К этой же категории относится китайский проект создания в бухте Сямэнь копии испанского городка Кадакеса с узкими улочками, белыми рыбацкими домиками и виллой Сальвадора Дали [26]. А итальянская Флоренция в натуральную величину уже построена в китайском городе Тяньцзинь: несколько кварталов повторяют флорентийскую архитектуру, с каналами и плавающими по ним гондолами, с палатцо, на которых расположены также римские «руины Колизея» и венецианская «площадь Святого Марка» [4]. Функционально «поселок Флоренция» представляет собой торговый комплекс современных модных бутиков известных иностранных брендов.

Наконец, в мире существует несколько десятков фрактальных паттернов, геометриче-

ски и концептуально репрезентирующих все мировое геокультурное пространство целиком. Речь идет о так называемых парках миниатюр, расположенных по всему свету — от Европы до Азии, от США до Новой Зеландии. В таких парках — в основном, под открытым небом — построены уменьшенные копии знаковых архитектурных сооружений (Биг Бен и т.п.), технических объектов (Эйфелева башня и т.п.), пейзажных достопримечательностей (вулкан Везувий и пр.), являющихся гиперсимволами разных стран и отсылающих к соответствующему городу мира. В настоящее время на планете существует более 40 тематических парков такого рода, масштаб подобия в них варьируется от 1:72 до 1:9. Старейший парк миниатюр «Bekonscot Model Village», создание которого датируется 1929 годом, расположен в Великобритании. Один из самых последних — парк миниатюр «Атамекен» в Астане, который представляет собой трехуровневую фрактальную структуру, поскольку содержит рекурсивные копии самой Астаны, знаковые архитектурные и природные объекты Казахстана (Алма-Ата, Караганда, Байконур, Тяньшанские горы и Каспийское море), а также здания-гиперсимволы разных стран мира (Статуя Свободы, Пизанская башня, Египетские постройки и т.п.). Среди других «фрактальных» парков — «Miniature World» в канадском городе Виктория, «Mini-Europe» в Брюсселе, «World Park» в Пекине и др.

Строго говоря, парки миниатюр являются фрактальными копиями мира только концептуально, но не геометрически и географически. Все эти виды фрактальности сочетает в себе самый знаменитый мега-архипелаг в мире — «The World» (Дубаи). Песчаные острова, искусственно возведенные в океане, представляют собой схематическую карту мира, уменьшенную и раздробленную проекцию материков. Среди 300 островов есть остров Дубаи, Великобритания, Германия, Франция, архипелаг США, Австралия и т.д, а также Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург и многие другие «русские» острова. Концептуальный фрактал мега-архипелага превосходит свое географическое содержание, т.к. в нем материализован особый остров, которого нет на географической карте нашей планеты, — остров Моды, но который, как социокультурный феномен, определяет всю глобальную цивилизацию современного мира.

Заключение

Архитектурное, топографическое, визуальное, социокультурное и символическое пространство современных городов и особенно столичных мегаполисов представляет собой многомерную фрактальную матрицу, в которой на разных уровнях городской пространственной структуры пересекаются и накладываются геометрическая, географическая и концептуальная фрактальные модели мира.

При этом не только книга природы [21] и современная «книга путешествий написана на языке фракталов» [10, с. 184], но и весь социокультурный мир Новейшего времени является

топографическим и концептуальным фракталом, многочисленные фрактальные копии которого разбросаны по самым разным уголкам Земли.

Примечания

1. Треугольник Серпинского: http://elementy.ru/images/posters/sierpinski_fig1_600.gif;
снежинка Коха: http://elementy.ru/images/posters/koch_600.gif
2. Фрагмент множества Мандельброта:
http://en.academic.ru/pictures/enwiki/77/Mandel_zoom_03_seehorse.jpg
3. Броуновское дерево: <http://mathforum.org/mathimages/imgUpload/BrownianTree.png>
4. Illumination in Ginza Chanel:
<http://www.youtube.com/watch?v=0VrDOfgg9pw&feature=related>
5. «Die Woge» (Tobias Stengel):
http://en.wikipedia.org/wiki/File:Dresden_Altstadt_Kongresszentrum_C.Muench.jpg
6. Фрактальная конструкция в Стамбуле: <http://pics.livejournal.com/shuster/pic/0033dgw8>
7. Ковер Серпинского: <http://www.cerchinelgrano.info/Frattali/square.gif> Множество Жю-
лиа: http://math.arizona.edu/~lega/MATLAB_GUIs/images/JSt.jpg

Список литературы и источников

1. Айрапетов А. А. Проблемы применения фрактальной теории в архитектуре // Вопросы теории архитектуры. Архитектурно-теоретическая мысль Нового и Новейшего времени: Сб. научн. тр. / под ред. И. А. Азизян. М.: КомКнига, 2006. — С. 305-320.
2. Божокин С. В., Паршин Д. А. Фракталы и мультифракталы. — Ижевск: «РХД», 2001. — 128 с.
3. Босфорус Сити// Turkish Building and Decorations [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.buildingdecoration.net/?p=content&id=44> (дата обращения 15.06.2012).
4. В Китае построили маленькую Флоренцию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chaspik.spb.ru/world/v-kitae-postroili-malenkuyu-florenciyu/>, 10.12.2011 (дата обращения 15.06.2012).
5. Добрицына И. А. От «решетки» к «фракталу». Влияние идей нелинейной науки на архитектурно-градостроительное мышление// Градостроительное искусство: новые материалы и исследования. Вып. 1. — М: КомКнига, 2007. — С. 464–470.
6. Николаева Е.В. Столица — регионы: фрактальные структуры взаимодействия в социокультурном пространстве города // Столицы и регионы: Параметры взаимодействия. Сб. докладов III Международной научной конференции. — Астана: Елорда, 2010. — С.35–43.
7. Рудый Ю. Художник выпустил миниатюрное искусство на улицы Лондона. [Элек-

тронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.membrana.ru/particle/15854> (дата обращения 14.06.2012).

8. Сардар С., Абрамс И. Хаос без аспирина. — М. — Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», Институт компьютерных исследований, 2006. — 180 с. (Оригинал на англ. яз.: Sadar Z., Abrams I. *Introducing Chaos*. Icon Books UK, Totem Books USA, 1998).

9. Федер Е. Фракталы. Пер. с англ. — М.: Мир, 1991. С. 19. (Оригинал на англ. яз.: Feder, Jens. *Fractals*. Plenum Press, New York & London, 1988.) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://reslib.com/book/Fraktali#5> (дата обращения 06.05.2012).

10. Фокина Т.П. Кейс — стади «Город Цинциннари» // Современный город: повседневность и экстремальность: сборник научных трудов по материалам Всероссийской науч.-практ.конференции. — Саратов: Сарат. гос. тех. ун-т, 2006. – С.183—187.

11. Юргенс Х., Пайтген Х.-О., Заупе Д. Язык фракталов в мире науки. *Scientific American* (Издание на русском языке). 1990. № 10. С. 36-44. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ega-math.narod.ru/Nquant/Fractals.htm> (дата обращения 15.06.2012).

12. Batty M., Longley P. *Fractal Cities: A Geometry of Form and Function*, — San Diego, CA and London: Academic Press, 1994. — 432 p.

13. Brown C., Witschey W. The fractal geometry of ancient Maya settlement // *Journal of Archaeological Science*. 2003. No 30. — Pp. 1619–1632.

14. Cagliioni, M., Giovanni, R. Contribution to fractal analysis of cities: A Study of metropolitan Area of Milan // 6èmes Rencontres de Théo Quant, Besançon, France 20-21 février 2003. Articles sélectionnés par Cybergeog. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cybergeog.revues.org/index3634.html> (дата обращения 14.06.2012).

15. Downton P.F. *Ecopolis — Architecture and Cities for a Changing Climate*. Springer Press, 2008. Vol. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vector1media.com/index2.php?option=com_content&do_pdf=1&id=4002 (дата обращения 15.06.2012).

16. De Keersmaeker M., Frankhauser P., Thomas I. Using Fractal Dimensions for Characterizing Intra-Urban Diversity: The Example of Brussels // *Geographical analysis*. 2003. Vol. 35, No. 4. — Pp. 310–328.

17. Eglash R. *African Fractals: modern computing and indigenous design*. New Brunswick, New Jersey, and London: Rutgers University Press, 1999. — 261p.

18. Frankhauser P. The fractal approach. A new tool for the spatial analysis of urban agglomerations // *Population*. 1998. 10e année, No 1. — Pp. 205–240.

19. Kholadi M.-K. Fractal Structure of the Urban Objects // *The International Arab Journal of Information Technology*. 2004. Vol. 1, No. 2. — Pp. 164–170.

20. Lorenz W. E. *Fractals and fractal architecture*. Vienna: Vienna: University of Tech-

nology, 2002. — 150 p.

21. Mandelbrot B. *Les objets fractals: forme, hasard, et dimension*. — Paris: Flammarion, 1975. — 190 p. (В англоязычном варианте: Mandelbrot B. *Fractals: Form, Chance, and Dimension*. — San Francisco: W. H. Freeman and Company, 1977. — 352 p.; в русском переводе: Мандельброт Б. *Фрактальная геометрия природы*. — М.: Институт компьютерных исследований, 2002. — 656 с.).

22. Ostwald M. J. “Fractal Architecture”: Late Twentieth Century Connections between Architecture and Fractal Geometry // *Nexus Network Journal*. 2001. Vol. 3, No.1. — Pp. 73–83.

23. Sala N. *Fractal Models in Architecture: A Case of Study*. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://math.unipa.it/~grim/Jsalaworkshop.pdf> (дата обращения 16.06.2012).

24. Salingaros N. A. *Connecting the Fractal City* // Keynote speech, 5th Biennial of towns and town planners in Europe (Barcelona, April 2003). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://applied.math.utsa.edu/~salingar/connecting.html> (дата обращения 16.06.2012).

25. Shen G. *Fractal dimension and fractal growth of urbanized areas* // *Int. j. geographical information science*. 2002. Vol. 16, No. 5. — Pp. 419–437.

26. Tremlet G. *Salvador Dalí's home town to be recreated in China* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.guardian.co.uk/artanddesign/2010/aug/10/salvador-dali-town-recreated-china> (дата обращения 15.06.2012).

Э. М. Манукян

СООТНОШЕНИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО И СТОЛИЧНОГО В МИРОВОСПРИЯТИИ СИДОНИЯ АПОЛЛИНАРИЯ

Центром социально-политической, экономической и духовной жизни античного государства и общества был, непременно, город/полис [6, с. 143]. Пришедшее на смену Античности Раннее Средневековье, напротив, явило уже в центре общественных отношений деревню, происходил т.н. процесс «аграризации» [7, с. 35].

Безусловно, что *causa causarum* такой, по выражению Ж. Ле Гоффа, «эволюции общества» выступил общий внутренний кризис Римской империи, начавшийся ещё с III века и ускорившийся варварскими разрушениями, апогеем которых стал упадок городов и их запустение [7, с. 35]. Тем самым, утверждение германских элементов в *Rex Romana*, наряду с финансово-экономическим кризисом, также способствовало ухудшению материального и духовного ста-

туса столицы относительно провинции, ибо разрушенные варварами римские города даже не восстанавливались, так как им самим, будучи представителями сельской культуры, была чужда жизнь шумных мегаполисов. Средневековой Европе понадобится ещё несколько сотен лет, чтобы на обломках Римской цивилизации возродить бывшие в уничтожении города.

У нас нет никаких сомнений, что процесс обветшания *Roma Aeterna* и других крупных городов проходил в глазах его современников в лейтмотиве сопоставления «центра — периферии», т.е. столицы (Рим/Равенна) — провинции, и неминуемой вспышкой восприятия этой грядущей действительности, разумеется, стал V век — век переходный. И поэтому, чтобы вживую проследить этот интересный процесс через призму его субъективного восприятия того времени, необходимо обратиться к письменным источникам, оставленным его современниками. Ибо свидетели последних дней Западной империи, будучи представителями разных регионов, социальных групп и мировоззренческих идеалов, могли своеобразно смотреть на эти события и толковать их. Особенно выделяясь из когорты «последних римлян», Сидоний Аполлинарий (430 – ок. 490 гг.) выступает, пожалуй, ценнейшим автором-очевидцем всей сложности последних лет существования Западной Римской империи, поскольку оставил после себя целый корпус источников — 24 стихотворных произведения и 147 писем в 9 книгах, отражающих яркие картины заката целой эпохи. Для нас Сидоний особенно важен ещё потому, что он, будучи уроженцем провинции Галлия (Лион), был в одно время назначен префектом Рима (468 г.), и, соответственно, оставил определённые сообщения и о Риме, и о провинции того нелёгкого времени.

Парадоксально, но к V в. Галлия, являясь самой романизированной провинцией [4, с. 365], только *de jure* входила в состав Западной Римской империи, *de facto* же, господство Рима над Галлией перестало быть реальным. Рим уже ничего не мог поделать с претензиями мощных галльских аристократических кланов на независимость. Иначе, говоря словами историка церкви В. Певницкого, «чувство свободы, лежавшее в духе образующейся нации, создавало в ней твёрдые характеры и побуждало галлов добиваться политической независимости и принимать участие в управлении империей» [9, с. 7]. Одним из показательных актов увядания римского центра был перенос императорской резиденции сначала в Милан, а потом в Равенну. Всё было сделано для того, чтобы теперь бодрая духом провинция вмешивалась в дела имперского двора.

Для того чтобы выявить у Сидония Аполлинария определённый взгляд на провинцию (Галлия) и столицу (Рим/Равенна), и, в контексте его мировосприятия понять отношение Сидония к ним, нам необходимо провести сравнительно-исторический, логический и хронологический анализ источников, оставленных нашим автором на соответствующий сюжет.

Сидоний Аполлинарий принадлежал к одной из самых знатных галло-римских фамилий. Отец и дед Сидония были префектами Галлии. Сам же он женился на Папианилле, дочери

галльского патриция Авита, за которой он получил богатое поместье в Оверни — Авитакум. Возведение Авита на императорский трон (455 г.) открыло Сидонию долгожданную дорогу к почестям, а панегирик, сказанный им тестю, доставил ему литературную славу. Последовавшие за этим свержения Авита (456 г.) и воцарение Майорана заставило Сидония Аполлинария заняться исключительно провинциальными делами по защите своей родины. Нужно заметить, что большинство красочных описаний родимой провинции были составлены Сидонием именно в этот период его деятельности (до 467 г.). Совместными усилиями галло-

римский нобилитет сумел сгладить тяжёлое положение Оверни, чему немало способствовал очередной панегирик Сидония новому императору. Временная безопасность Оверни от посягательств варварских королей была обеспечена. По умерщвлении Майорана (467 г.), овернцы послали в Равенну к новому императору Антемию того же Сидония ходатайствовать по делам провинции, за что честолюбивый нобиль взялся со всей душой, ибо для него это был шанс получить власть, привилегии и славу. Так сбылась мечта Сидония — он вновь отправляется в Италию. Свидетельство об этом предприятии сохранилось в одном из писем Сидония своему другу Геронию, которое представляет собой своеобразный эпистолярный «итинерарий». В представлении провинциального аристократа путешествие в центр империи являлось миссией свыше: «Покинув стены нашего Лиона, я поехал на почтовых, так как я ехал по *высочайшему повелению* (курсив мой. Э.М.)» [11, Ер. I. 5]. Переправившись через Альпы, эскорт Сидония достиг Равенны — новой столицы западного римского государства. Упомянув некоторые географические особенности и достоинства расположения приморского города, Сидоний Аполлинарий более заостряет внимание на его недостатках в экологическом плане: «в целом городе не найдёшь, чтобы вода в акведуках была чиста, чтобы колодцы были в порядке и чтобы источники не были мутны, а фонтаны грязны» [11, Ер. I. 5]. И действительно, человеку того нелёгкого времени не составляло большого труда, чтобы в стремительном водовороте событий рассмотреть тревожащую тенденцию упадка главных городов империи. Когда оказалось, что август уже давно покинул Равенну и находится в Риме, овернское посольство уехало из города следом за императором. По приезде же в Вечный город Сидоний Аполлинарий, первым делом отправившись в церковь святых апостолов, дал воздаяние Господу и «испытав, таким образом,

на себе чудесную помощь свыше...отправился в гостиницу и взял комнату» [11, Ер. I. 5]. В отличие от Равенны, Сидоний в этот раз не оставил нам никаких особых замечаний по поводу Рима, лишь сказал о том, что завидует тихому спокойствию заальпийских жителей провинции [11, Ер. I. 5]. Шум и суэта мегаполиса, очевидно, были непривычны образу жизни коренного провинциала. По совету своих римских знакомых галльский аристократ сочинил возвеличивающий панегирик Антемию, за что получил звание префекта Рима (*praefectus Urbi*) и титул патриция. В следующем послании всё тому же Геронию, новоявленный *praefectus* вместо того чтобы сообщить о результатах галльской депутации хвастается перед своим лионским другом новым статусом и полученной властью [11, Ер. I. 9]. Сидоний Аполлинарий не оставил никаких сведений о результате овернской депутации, хотя обязывался докладывать Геронию о ходе данного предприятия, ибо на кону стояла судьба их общей родины. Зато префект Сидоний отправил из Рима в Галлию несколько писем, упрекающих провинциальную знать в безынициативности. В каждом письме высказывается довольствие Сидония самим собой и его положением. «Попробуй теперь – пишет он к Филимацию – изгнать меня из сената на основании законов об искательстве государственных должностей» [11, Ер. I. 3]. В послании Гауденцию, сам добившийся званий и почестей, Сидоний упрекает бездеятельных и ленивых провинциалов, которые могут только философствовать в своих виллах за стаканом вина и ничего не делают для того, чтобы увеличить славу своего рода [11, Ер. I. 4]. С тех пор, как Сидоний занял важное место префекта Рима, он с неудовольствием и сожалением смотрит на молодых галло-римлян, которые предпочитали праздную жизнь по деревням служебной деятельности [3, с. 214]. Так, в письме к знатному галльскому нобилю Евтропию он закликает его оставить деревенскую жизнь и хозяйственные занятия, чтобы окунуться в поиск почётных званий и титулов: «эта жизнь – покой ветеранов, в расслабленных руках которых заржавевшие мечи сменяются поздней мотыгой» [11, Ер. I. 6]. В словах и сентенциях Сидония Аполлинария периода его римской префектуры прослеживается некое презрение к галло-римской аристократии и провинциальной жизни. В его теперешнем представлении всё провинциальное ассоциировалось с бездействием, когда Рим, напротив, с центром общественно-политической жизни для настоящего римского аристократа. В его представлении, каждый уважающий себя и своих предков нобиль должен преумножать славу своего рода путём достижения высоких званий и почестей, следовать т.н. «*cursus honorum*».

Будучи одним из авторитетнейших лидеров галло-римской аристократии, Сидоний Аполлинарий всегда боялся за судьбу своей родины и постоянно заботился о ней. Депутация в Рим должна была стать одной из проявлений данной опеки, но вдруг, увлечшись честолюбивым продвижением по карьерной лестнице, он перестаёт выказывать даже малейшее беспокойство за родную провинцию, даже когда ситуация стала критической.

Во время префектуры Сидония на суд в Рим был приведён его старый друг Арванд - префект Галлии, вступивший в тайный сговор с вестготами и бургундами, которые к 468 г. уже полностью окружили границы Оверни, единственной области в Галлии, которая ещё продолжала сохранять формальную независимость от варварских народов. Стоит сказать, что и депутация Сидония в Рим была напрямую связана с варварским вторжением. Арванд подстрекал вестготского короля Эвриха захватить Овернь и вместе с бургундами разделить власть над всей Галлией. К счастью для овернцев, его дело было раскрыто. Но у нас более вызывают интерес отзывы Сидония о предателе империи: «Меня огорчает несчастье Арванда, не хочу скрывать этого. Самая большая похвала Антемию то, что в его правление можно без страха и открыто *любить* (курсив мой Э.М.) государственных преступников» [11, Ер. I. 7]. Вообще, всё сообщение Сидония по делу предателя Арванда содержит в себе слова сожаления и сочувствия изменнику (!). В нём не сказан не только римский, но даже провинциальный патриотизм [3, с. 224]. Биограф Сидония Аполлинария, С. В. Ешевский, по этому поводу задаётся немало важным вопросом: «Как же согласить кажущуюся преданность Сидония Антемию, его увлечение Римом, наконец, его любовь к Оверни, которой грозило бедой исполнение замыслов Арванда, с дружбой и состраданием к признанному и явному предателю?» [3, с. 224].

Таков был изменчивый характер и мировоззрение Сидония Аполлинария. Заняв высокий статус в столице империи и получив достаточные привилегии, он как бы *забывает* об истинном положении своей родины — Галлии. Это увлечение вскоре окажется мимолётным, но, а пока Сидоний занимается не столько заботами о своей новой юрисдикции, сколько о распространении известий о своём «счастье». Во время пребывания в Риме он не оставляет никаких значимых сообщений о городе, о своей новой работе, политике (за исключением дела Арванда), но только говорит, что боится воплей римского народа в цирке, если вдруг вовремя не подспеют корабли с хлебом и резко поднимутся цены на съестные припасы [11, Ер. I. 10].

Но остановимся здесь и перенесёмся немного назад, чтобы посмотреть на Сидония и его восприятие «центра и периферии» *Pax Romana* несколькими годами ранее. Помимо префектуры в 468 году, Сидоний уже раз бывал в Риме во время правления его тестя Авита (455-456 гг.). Но тогда он, будучи ещё совсем молодым, не оставил никаких сообщений о полученных им впечатлениях. Только в эти два момента своей жизни он более или менее близко стоял к политическим намерениям и взглядам правящих сфер. Зато тем сильнее и чаще выражался его провинциальный патриотизм [5, с. 18]. И действительно, жизненный отрезок Сидония от начала политической карьеры (455 г.) и до поездки галльским легатом в Рим (467-468 гг.) отмечен особо тёплым его отношением к родной провинции, её природе, культуре и стилю жизни.

Сидоний Аполлинарий, в перерывах между политической и общественной деятельностью, очень любил провести время на своей вилле в Авитаке и, чтобы такой отдых не показал-

ся ему скучным, он посылал своим друзьям восхваляющие Овернь (а в частности Авитак) письма, с целью расположить их к приезду. Так хозяин Авитака приглашал к себе в гости Доминция, учителя латинского языка из небольшого города в средней Италии Камерино, и, желая расположить его к такому далёкому путешествию, представил ему подробное и красочное описание своей виллы: «Ты журишь меня за то, что я живу в деревне, между тем как скорее я могу упрекать тебя за то, что ты остаёшься в городе. У нас весна уже уступила место лету, и солнце, достигнув... наибольшей высоты, устремляется к Северному полюсу... Творец поместил нас так, что мы находимся под влиянием западных жарких ветров... Поторопись же, если ты дорожишь своим здоровьем, бросить узкие городские улицы, где трудно дышать, и явись к нам в тихое убежище...» [11, Ер. II. 2]. Далее Сидоний переходит к описанию местоположения поместья: «На западной стороне у нас гора; она отпускает... два отрога невысоких холмов на расстоянии 4 югеров один от другого. До самого луга, который раскинут перед нашей виллой, холмы тянутся по прямой линии, окаймляя долину, заключённую между ними, и упираются в саму виллу...» [11, Ер. II. 2]. Далее повествование продолжается наиподробнее описанием самого здания «скромной» виллы с перечислением всех её апартаментов. В заключение же автор приводит живописный рассказ о необыкновенности местного озера, богатого разнообразной рыбой и идеально подходящего для вечерних прогулок. Нет сомнений, что тут вся искренняя любовь провинциального аристократа к родимым краям, ибо Овернь — это место, где Сидоний Аполлинарий провёл почти всю свою молодость, место, где он становился как поэт и ритор. Собственно, здесь и выражался его провинциальный патриотизм, в попытке доказать итальянскому горожанину, что Галлия с её тёплым климатом, чудесной природой и благовидными деревнями ничем ни хуже Италии, а то и лучше.

Порой Сидоний был не прочь и сам снарядиться к друзьям в загородные виллы, как он однажды сделал, отправившись к Ферреолу и Аполлинарию. Начав с восхваления местных пейзажей, он плавно переходит к перечислению полученных от отдыха удовольствий, среди которых были и вкусные трапезы и беззаботные посиделки в банях и даже весёлые игры в мяч или в кости [11, Ер. II. 9] — всё то, за что Сидоний через несколько лет, по получению высокого поста в Риме, будет упрекать галло-римскую знать.

Точно так же, во время своей префектуры, критиковав нобилитет за злоупотребление деревенской и хозяйственной жизнью, несколькими годами ранее, Сидоний Аполлинарий, наоборот, поощрял аристократов за усердное занятие ею: «Я слышу, что сбор винограда соответствовал и твоей и заботливости — пишет Сидоний Маурузию — ...И я думаю, что ты останешься ещё в Виалосце... Там у тебя обильные виноградники и поместье, обширностью достойное такого владельца...оно, вероятно, надолго удержит тебя и твоё семейство. Если ты вздумаешь наполнить житилицы и амбары, провести там перед камином и в деревенском спокойствии снежные месяцы Януса и Нумы...мы...тоже скоро окончим в городе не очень то вы-

годные дела, которые нас там задерживают, и в то время, как ты будешь наслаждаться деревней, мы будем наслаждаться твоим присутствием» [11, Ер. II. 14]. Как видно из послания, Сидоний не только хвалит стремление Мауризия вести деревенскую жизнь, но и сам пишет, что присоединится к нему, как только уладит городские проблемы. Трудно представить, чтобы так говорил *praefectus* Сидоний в 468 году. Но, а тогда просто один из лидеров провинциальной аристократии, ещё не совсем искушённый государственной властью и испытавший разочарование от правлений Авита и Майорана, Сидоний жил по обычным канонам провинциального образа жизни, где отдых и развлечения порой не давали места для политической карьеры: той карьеры, которую он мечтал построить на протяжении всей своей жизни.

Чтобы лучше представить образное восприятие Сидонием своей родины Галлии и соотнести его с восприятием Рима, как центра не только *Rex Romanorum*, но и всей известной ойкумены, следует обратиться к поэтическому творчеству галльского интеллектуала, а точнее к его панегирикам, в которых, предстающие перед нами, абстрагированные образы Рима и Галлии заключаются в достаточно взаимосвязанные символические формы.

В данном случае, более всего вызывает интерес панегирик императору Авиту (455 г.), произнесённый галло-римским поэтом в честь его восшествия на императорский трон. Восхваляя галльское происхождение нового правителя, Сидоний говорит Авиту в панегирике: «Земля эта славна своими мужами. Ты же, овернец, обрабатывающий эту землю, пеший, ни шагу не уступишь в строю тем, кого побеждаешь на коне. Да будет свидетельством этому страшившее всех счастье Цезаря, когда отброшенные от холмов Герговии, его солдаты едва устояли в самом лагере» [11, С. VII]. Сидоний очень часто подчёркивает самобытность и необыкновенность Оверни и как бы противопоставляет её народ, «равному которому не создавала ещё щедрая природа» [11, С. VII] старому роду римлян. Вспоминая древнее галльское предание, Сидоний говорит, что овернское племя, подобием римлян, ведёт свой род от троянской крови (*Latio se sauguine tollit alumnam*) [11, С. VII]. В сознании особенности Оверни, символизирующей для него Галлию, в предпочтительном отношении к ней относительно Рима находит себе выражение провинциальный патриотизм Сидония [5, с. 19]. Стоит согласиться с мнением Л. П. Карсавина, что Сидоний, часто говоря о своей принадлежности к галльскому роду [11, с. XVII], старался подчеркнуть «значение Галлии, как чего-то самостоятельного в пределах римской империи» [5, с. 19]. Галлия в панегириках Сидония Аполлинария символизирует великое целое — Рим [5, с. 19]: «Твоя Галлия — говорит в панегирике Юпитер Риму — должна была дать залог мира» [11, С. VII]. Авит мыслился Сидонием как помазанник из Галлии для всей Римской империи, чья миссия заключалась в изменении хода истории в лучшую для всего римского мира сторону: «Я не знаю — говорит Рим — кто может сравниться с Траяном, только если ты, Галлия, вновь пошлешь того, кто победит» [11, С. VII].

Галлия представляется Сидонию, как нечто живущее своей жизнью, целое и единое, включённое в ещё более целое — Рим [5, с. 20]. В упадке Вечного города, панегирист, прежде всего, видел кризис когда-то могущественной державы, «единственной надеждой» [11, С. VII] которой может стать только Галлия. Рим постарел, дух римского народа уже не тот, и поэтому для поддержания силы Риму нужна свежая кровь, т.е. галльская — вот центральный мотив панегирика Авиту. Рим точно так же дорог Сидонию, как и его отчизна — Галлия, и если первый для него — это символ могущества великой империи, то последняя — это некая спасительница Рима и символ надежды на его дальнейшее обновление благоденствие, или, короче говоря, новый центр империи. Концепция галльского центра в панегирике Сидония видна совершенно чётко и вряд ли это была часть его риторической игры, какую пытается разглядеть у Сидония Л.П. Карсавин [5, с. 23]. В данном случае определённно прав английский историк О. М. Далтон утверждавший, что «[Сидоний] вполне мог поверить, что руководство распадающегося государства может перейти в руки его страны» [10, р. 2].

Горячая привязанность его к своей родине - Галлии обнаруживалась не только в её словесном восхвалении. На деле Сидоний также проявлял к ней свою заботу. В данном случае интересен эпизод после смещения Майораном Авита с императорского престола, когда Сидоний Аполлинарий самолично возглавил борьбу против узурпатора власти. Дело в том, что Авит, как уже указывалось выше, был родом из Оверни, и Галлия при нём, более или менее, могла быть спокойна и независима, но по его свержении, на территории провинции, в знак неповиновения новому правительству, было поднято всеобщее восстание знати. Очагом сопротивления в Лионе управлял непосредственно сам Сидоний, однако, из-за отсутствия народной поддержки попытки самообороны не могли долго продолжаться и спустя некоторое время войска союзных Майорану бургундов захватили бунтующий город. Чтобы избежать акта расправы над повстанцам Сидоний, как лидер сопротивления, решил взять инициативу в свои руки и, как он это обычно делал, призвал на помощь музу. В результате был сочинен унижительный, льстивый, но спасительный и для Сидония и для всех лионцев панегирик новому императору. Зато, какими патриотическими и искренними словами любви к своей земле и боязни за её участь было проникнуто это произведение! «Так как ты — обращается поэт к Майорану — являешься единственной надеждой в нашем несчастье, мы молим помочь нам, разорённым. Проходя победителем, взгляни на Лион твой. Удручённый чрезмерными бедствиями, он просит у тебя покоя. Ты дал ему мир, возврати же и бодрость духа...Лион лишён стад, запасов, колонов и граждан; он не ценил своего благосостояния, пока наслаждался им; теперь после разгрома, он понял свою потерю» [11, С. V]. «Панацея» Сидония вновь подействовала — он был прощён, а городу и провинции был возвращён *status quo de jure*. Оказавшись же в Риме и став третьим человеком в государстве, аристократ до мозга костей — Сидоний Аполлинарий настолько увлекается поиском славы и почестей, что ищет их и даже принуждает к нему гал-

ло-римскую аристократию не из каких-либо практических побуждений, но исключительно в целях умножения славы рода. Этот *cursus honorum* и был в мировоззрении Сидония непосредственной составляющей римского идеала благородного человека (*vir bonus*). Желание *cursus honorum* *затуманило* в сознании честолюбивого галльского нобиля мысли об истинном положении родной земли, что наглядно показал случай Арвандом. Однако, было бы ошибочным думать, что и с представлением Сидония о подлинной ситуации в Риме дела обстояли так же. О том, что настоящее состояние Рима Сидоний воспринимал довольно адекватно, косвенно говорят нам его панегирики (в особенности панегирик Авиту). Сидоний был прекрасно осведомлён о кризисе города и его разрухе, ввиду хотя бы того, что был префектом Рима и почти целый год ведал его делами. Поэтому мы не можем согласиться с Е.В. Литовченко, обвиняющей его в «слепоте» [8, с. 37]. Сидоний Аполлинарий являлся представителем римской системы ценностей и, по всей вероятности, именно этот аспект его мировоззрения выступил детерминирующим в его молчании по поводу плачевного состояния центра державы, ведь он почти не говорил никаких конкретных вещей, но лишь выставлял на их место абстрагированные образы. Рима для Сидония, впрочем как и для любого культурного римлянина, являлся *символом* империи, её могущества и власти над всем земным кругом. И поэтому конкретика в отрицательном упоминании Рима была непозволительна для Сидония, ибо полностью противоречила его этическим нормам. Нет сомнений, что Рим по своему состоянию мало отличался от состояния Равенны и чтобы увидеть, скрывшееся под пеленой абстракции мнение Сидония Аполлинария о состоянии Рима, стоит взглянуть на его вызывающие отзывы о Равенне. В этом отношении следует отметить, что Равенна не была для него таким символом как Вечный Рим, и он мог совершенно свободно отзываться о ней во всех своих риторических красках.

Мы уже несколько упоминали о вынесенной Сидонием неудовлетворительной оценке экологии новой столицы (письмо Геронию), теперь же обратимся к другому более откровенному посланию: «Что за город или, лучше сказать, что за болото, где ты живешь! — обращается Сидоний к своему другу из Равенны Кандидиану — У вас извращены все законы природы! Стены плавают, а вода стоит; башни ходят, а корабли сидят на мели; в банях холодно, а в комнатах сгоришь от жары; вот твоя Равенна! Живые у вас хоть умри от жажды, а мёртвые плавают в могилах. Сама жизнь, какую вы ведете, представляет прямо обратное тому, что видишь в других местах. У вас бдительность составляет качество воров, а магистрат спит, духовенство отдаёт деньги в рост, а сирийцы (менялы) распевают по улицам как клирики; купцы ведут войну, а солдаты торгуют; евнухи упражняются в фехтовании, а мирные варвары предаются наукам». [11, Ep. I. 8].

Безусловно, что данное описание утрировано с целью противопоставления провинции центру, но в тоже время характеристика, данная впечатлительным Сидонием Равенне, свиде-

тельствует о том, что, с точки зрения традиционных римских ценностей, новая столица отнюдь не соответствовала идеалу [1, с. 4].

Впрочем, и Рим тогда тоже не являлся совсем образцовым городом, тем более это письмо было написано в 468 г., когда Сидоний был в должности префекта, и он мог по-настоящему сравнить сначала оба мегаполиса между собой, а потом сопоставить их с Галлией. Что он, по сути, и сделал. Теперь приведём другие фрагменты того же письма: «Ты меня поздравляешь с приездом в Рим, но твои приветствия порядочно пересыпаны насмешками. Ты радуешься тому, что я, твой друг, наконец увидел солнце, с которым мы, пьющие из вод Соны, едва знакомы. Ты мне ставишь и в упрёк туманы, среди которых живут бедные жители Лиона, и наши дни, утренняя роса которых едва рассеивается к полудню... Будьте же несколько снисходительнее к нам, бедным заальпийским жителям Галлии; мы, по крайней мере, умеем наслаждаться благодетельными лучами своего солнца, и не думаем, что нам нужно

гордиться тем, что *мы не можем выдержать сравнения с теми* (курсив мой Э. М.), климат которых ничего не стоит». [11, Ер. I. 8]. Последняя сентенция Сидония это – своего рода компенсация Галлии за недостаток климата, относительно Италии, т. е. – несмотря на это, её жители намного лучше и благочестивее жителей - горожан Аппенинского полуострова. Тем не менее, Сидоний Аполлинарий ещё некоторое время продолжал жить в Риме. Здесь следует отметить две причины такого поведения. Во-первых, Сидоний, несмотря на обветшание великого Рима, ещё верил в него, в его возможную силу и потенциал на возрождение былой державы. Во-вторых, он сильно увлёкся Римом, так как оставался верен своему аристократическому *credo*, ибо пребывание там было реальной возможностью получить заветные привилегии и славу. Рим уже дал Сидонию префектуру и патрицианский титул, пределом же мечтаний для него было консульское звание [11, Ер. V. 16]. Но как только Сидоний осознает, что развивающийся кризис Рима неизлечим и получить от него очередных высоких титулов более не получится [10, р. 4], его мимолётное увлечение проходит и он теперь, окончательно разочаровавшись «символом» империи, покидает его и возвращается на родину в Галлию, чтобы стать там епископом Оверни (472 г.) и возобновить, когда-то обещанную, заботу о родине.

Из слов Сидония видно, что он определённо рад вновь вернуться домой в Галлию. «Овернь удобна для путешественника, — пишет Сидоний своему другу Апру — плодородна для земледельца, приятна для охотника. Хребты гор, опоясанные пастбищами, склоны покрытые виноградниками, виллы, расположенные на равнинах, замки на утёсах, густые леса, обработанные поля, ручьи в долинах, реки, текущие в глубоких обрывах, — всё это предаёт ей такую прелесть, что многие чужеземцы, увидев её, забывали свою родину». [11, Ер. IV. 21]. Ка-

жется, что любовь, недавно возвратившегося издалека Сидония к родным краям, стала ещё больше и крепче.

В сане епископа овернцев Сидоний Аполлинарий пробудет до конца своих дней. Пожалуй, это самый интереснейший период его жизни, ибо он отмечен пиком его провинциального патриотизма. Не забывая про достижение почестей, епископ Сидоний активно занимается как пастырской, так и политической деятельностью.

На долю Сидония Аполлинария выпала участь возглавить героическую оборону Оверни от вестготов короля Эвриха. Несколько лет упорной и самоотверженной борьбы не сломали духа епископа Оверни. Он выкупает пленных на свои деньги, продаёт ценную утварь, чтобы на вырученные деньги помочь голодающим осаждённым [2, с. 45], пишет письма помощи соседним провинциям и епархиям [11, Ер: III. 2, 7. VI. 12. VII. 6]. Но, в конце концов, Овернь сразило не оружие готов, а постыдная уступка римского правительства.

Какими словами патриотизма и благородного негодования было исполнено письмо Сидония, участвовавшему в переговорах о сдаче провинции, епископу Греку! «Такова теперь судьба нашего несчастного уголка, которого участь, по словам молвы, завиднее во время войны, нежели во время мира. Ценою нашего рабства куплена безопасность других провинций. О горе! Рабство овернцев, которые, если заглянуть в прошлое, смели некогда называть себя братьями латинов и гордились происхождением от троянской крови... Этого ли заслужи мы, перенося голод, пожары, битву и язву...? Недолго и нашим предкам гордиться этим именем; у них начинает уже прекращаться потомство. Во что бы то ни стало, уничтожьте этот постыдный договор. Если необходимо, мы с радостью ещё раз выдержим осаду, ещё раз сразимся и вытерпим голод... умоляем вас, сделаете так, чтобы не погибли окончательно те, у которых должна умереть свобода» [11, Ер. VII. 7].

После сдачи Оверни Сидоний Аполлинарий был заключен в крепость на границе с Испанией. Вернувшись, он продолжил епископскую деятельность в Оверни и скончался около 490 г. от Р. Х. Сидоний Аполлинарий одновременно являлся и представителем *галло-римской провинциальной аристократии*, и типичным *носителем римской системы ценностей*. Эти два фактора выступают корневыми его мировосприятия касательно представлений о Галлии и Риме/Равенне, провинциальном и столичном. Поэтому, несмотря даже на осознание им тотального краха Рима, он продолжал уважать этот город, ибо видел в нём символ имперского могущества, римской культуры и великой истории. Если заметить, то не только Сидоний Аполлинарий, но даже ни один из других современников не сообщает о смещении последнего западного императора Ромула Августула в 476 году, как о крушении римской державы. В представлении людей того времени пока существовал Рим — существовала империя, и этот случай не внёс никакого резонанса в позднеантичное общество.

Вечный город для аристократа Сидония был также и прекрасной возможностью пойти по долгожданной дороге к славе (*cursus honorum*), которая, по его мнению, была непреложной константой для любого аристократа. В общем, ему было за что любить Рим. Чего нельзя сказать о других крупных городах Италии (Равенна), которые не имели в его системе ценностей символической нагрузки и о плачевном состоянии которых он отзывался, мягко говоря, не совсем лестно.

Ещё больше Сидоний любил свою родину — Галлию (Лион/Овернь), гармоничность климата которой он постоянно противопоставлял аппенинской жаре, упорядоченность и тишину поместий — беспорядку и шуму итальянских мегаполисов, нравственность населения — распущенности итальянских горожан. На протяжении всего жизненного пути, Сидонию был присущ провинциальный патриотизм [1, с. 17], только он не всегда проявлялся (случай с делом Арванда). Патриотическая концепция Сидония была ориентирована на Галлию, и главным образом на те районы, где у него были собственные поместья. По сути дела, в основе этих политических убеждений лежала экономическая заинтересованность. Патриотические чувства Сидония были тесно связаны с родственными и дружескими отношениями и с трансформацией римской системы ценностей применительно к Галлии [1, с. 17].

Так, поначалу признавая безнадежный упадок Рима, Сидоний в своих панегириках выдвигает на место центра Римского мира Галлию, т.е. по его мнению, теперь более здоровой периферии пришло время взять империю под контроль и заменить дряхлый центр, иными словами, самой стать центром. Потом, разочаровавшись этой идеей и мимолётно поверив в Рим, Сидоний Аполлинарий бросается туда с огнём в глазах. Однако, поняв, что былой Рим уже не вернуть, он возвращается в Галлию отстаивать её независимость. Здесь мы прекрасно видим, что Сидоний был не статичной личностью, какую хотел в нём разглядеть К.И. Стивенс [12, р. 9], а достаточно динамичной и эволюционирующей — ему были свойственны сомнения, мимолётные увлечения, страсти и разочарования.

Вне сомнений, что «центром» всего известного пространства в мировосприятии Сидония Аполлинария выступал Рим, когда Галлия наряду с остальными провинциями и землями являлась «периферией». Однако, его порой изменчивое отношение к ним было детерминировано его социальным статусом, этнотерриториальной принадлежностью, своеобразным мировосприятием и ценностными ориентациями, или, говоря иначе, — *менталитетом*.

Из выше сказанного можно сделать вывод, что процесс упадка городов и городской инфраструктуры поздней античности в его субъективном восприятии современников выглядел весьма неоднозначно и прежде всего, это было связано с ментальной спецификой субъекта-очевидца.

В заключение стоит добавить, что на основе исследований в данном направлении есть возможность реконструировать ментальную модель человека поздней античности, что будет

способствовать не только лучшему изучению духовной истории человечества, но и изучению исторических событий, явлений и процессов.

Список литературы и источников

1. Буяров Д. В. К вопросу о некоторых ценностях в системе мировоззрения Сидония Аполлинария // Научный журнал КубГАУ, №46(2), 2009 . с. 1–18.
2. Григорий Турский. История франков / пер. с лат. В. Д. Савуковой. — М.: Наука. 1987. — 474 с.
3. Ешевский С.В. Аполлинарий Сидоний: Эпизод из литературной и политической истории Галлии V в. Собр. соч. в 3-х т. — М. 1870. Т. 3. — 342 с.
4. История Средних веков: от падения Западной Римской империи до Карла Великого (476–768 гг.) / сост. М.М. Стасюлевич. 3-е изд., испр. и доп. — М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2001. — 592 с.
5. Карсавин Л.П. Из истории духовной культуры падающей римской империи. (Политические взгляды Сидония Аполлинария). — СПб., 1908. — 54 с.
6. Куланж Ф. де. Гражданская община древнего мира. Пер. с фр. под ред. проф. Д. Н. Кудрявского. — СПб., 1906. — 459 с.
7. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада/ Пер. с фр. Под общ. ред. В. А. Бабинцева. — Екатеринбург, 2005. — 560 с.
8. Литовченко Е.В. К образу Аполлинария Сидония: человек поздней Античности // Научные ведомости БелГУ №3 (34) Вып. 2. 2007. — С. 30–38.
9. Певницкий В. Арелатские проповедник V-VI вв. // Арелатские проповедники V-VI вв. сборник исследований и переводов. — М., 2004. — 392с.
10. Dalton O.M. The Letters of Sidonius. — Oxf.: Clar. press, 1915. — 278 p.
11. Sidonius Apollinaris. Epistolae et Carmina. Patrologiae cursus completus. Series Latina. / Ed. J.-P. Migne. Parisius., 1847. Т. 58. Col. 435–748. (ссылки даны с указанием номера книги, письма [Ер.] и стихотворного произведения [С.]).
12. Stevens C.E. Sidonius Apollinaris and his age. — Oxf.: Clar. press, 1933. — 224 p.

ЭССЕ

А.Е. Левинтов

МНОГОЛИКАЯ ОКРАИНА

Неважно как считать нас — Евразией или Азиопой, и куда ни кинь — мы всё одна сплошная чья-то окраина и обочина. И это самоощущение межмочного пространства и положения породило в нашей ментальности богатейшее смыслами и нюансами понятие окраины. Этому и посвящена данная статья.

Периферия

Строго говоря, «периферия» — латинский (общеевропейский) аналог нашей окраины, точнее «окраина» — калька с периферии. Иностранное звучание, однако, не облагораживает и не снимает негативных коннотаций.

Периферия пахнет затхлостью: мышами и мышиным помётом, раскаленными смолистыми шпалами, негашеной известью общественных удобств во дворе, зарослями лопухов, крапивы, золотых шаров и пыльной геранью в подслеповатых покосившихся окнах, раздолбанными шпингалетами облупившихся оконных рам общежитийных человеичиков, ячневым гарниром к гуляшу из вымени, использованными презервативами, устилающими утопанные парки культуры и отдыха имени Никого, казармами гарнизонов, застав и точек, проржавевшим кровельным железом, сараями, обклеенными изнутри в мелкий цветочек и журнал «Огонек», свеженаколотыми дровами и угольными кучами на зиму — у каждого своя вонь и аромат периферии, сложный букет привычности и отчаяния, страхов, сплетен, интриг и прорастающих сквозь всё это Ромео и Джульетт.

Захолустье

Холуями называли безземельных дворовых, которые, выйдя по немоши, в расход, отправлялись барином в самый дальний угол на доживание, с глаз долой. Так вот, захолустье еще дальше. Жить в захолустье — значит жить нигде, как в каком-нибудь Котласе, на крайнем юге Крайнего Севера: и здесь бывают автомобильные пробки, но не из-за интенсивности движения, а потому что здесь еще ни разу никто не ремонтировал дороги и улицы.

В захолустье ты не только нигде, но и никто, житель неизвестного города из фильма «Облако-рай». Главное в захолустье — бесцельность и бессмысленность существования: это даже не дожитие, поскольку жизни-то так и не было.

Для меня символом захолустья остается Ненецкий национальный город и его захолустные квинтэссенции: Нарьян-Мар, о котором все знают только, что «городок не велик и не мал»; Пустозёрск, где сожгли протопопа Аввакума с сотоварищи, и с тех пор город с численностью ноль стоит на горизонтали ноль со смыслом ноль; Амдерма-2 в Маточкинском Шаре на Новой Земле — 20 тысяч жителей живут ядерными испытаниями уже несколько десятилетий; долина реки Пёши с двумя деревнями Верхняя Пёша и Нижняя Пёша: пойманную рыбу навагу сдают государству, а государство завозит им за это треску, хека или спинку минтая.

Затрапезность

Не надо думать, что затрапезная окраина – место, где только и делают, что трапезничают, жрут. Затрапез — дешевая платяная ткань, изобретенная владимирским фабрикантом Затрапезниковым.

Затрапезность – это прежде всего бедность, бедность на грани нищеты.

На этой грани жили москвичи, а более того петербуржцы в 19 веке (смотри романы Ф. М. Достоевского и очерки Г. Гиляровского), на этой грани жил весь советский народ: черное-серые одежды, парусиновая обувь или обувь на микропорке, вместо автомобилей — запорожцы и жигулята, вместо еды — общепит и соль-спички-мыло. Коктейль Козельска и Старой Руссы, Скотопрогоньевск Достоевского — арена карамазовских страстей в затрапезных декорациях.

Приезжавшие к нам единодушно обсуждали общественное и уличное уныние очередей, давок, толчеи.

Затрапезность стала стилем советского образа жизни с первых же лет советской власти, да и сейчас эта затрапезность никуда не делась, просто стала крикливой и наглой.

Лихая окраина

Лихоборы и Благуща (где ограбляемые орали благим матом) — лихие окраины Москвы. Лихими были казацкие окраины России: сюда бежали ради воли крестьяне или просто лихие разбойники. Здесь же процветало и лихоимство – взяточничество, воровство и самодурство царёва служилого люда.

«Чем дальше от дома, тем вычурней мат» — это лингвистическое наблюдение справедливо и в поведенческих стереотипах. Буйно жили и живут на приисках, на вахтовках (на Колгуеве острове в Баренцовом море буйствуют и бесчинствуют башкирские нефтяники «Лукойла» — самое крупное стадо лебедей обречено, ведь лебедь по понятиям этих наймитов — ведро мяса, всего лишь).

«Не пойман — не вор» — а кто ловить-то будет? — такой же вор. А раз никто не видит, то — Гуляй-Поле во всю ширь лихой и жестокой души.

Тихая окраина

И это вовсе не отменяет тихой окраины, где так тихо, что слышен муравьиный топоток, и эта тихая окраина очень привлекательна. Люди состоятельные стараются жить на тихих окраинах городов. И это не только тишина: в Биг Суре на Первой дороге в Калифорнии жилья можно и не заметить — оно мимикрирует под скалы, зелень, не нарушая собой ландшафт или даже пейзаж. Тихая окраина Риги — санаторная зона, где главные ценности — здоровье и долголетие. В самом центре Парижа на Монмартрском холме — маленький виноградник, экзотическая окраина винодельческой Франции.

Тихая окраина располагает к неге, к интимным и укромным страстям, к забвению от всеобщей суеты. В таких местах чуткая сонность может прорываться сполохами фантазий. Тихая окраинность Тархан стала колыбелью буйного гения Михаила Лермонтова.

Уединение

Обычно тихая окраина связана с уединением.

Я жил в тихом калифорнийском городке Марина, на самом берегу океана. У меня было прозвище «монтерейский отшельник». Иногда ко мне приезжали, прямо из Денвера, чтобы убедиться, что я есть, а не миф. К моему уединению относились бережно — особенно женщины.

Уединение, отшельничество, одиночество — если есть нужда в познании себя и мира, нет ничего лучше уединения в месте незаметном, неприметном. Уединение очень притягательно и наркотично: ни по чему так не скучаешь, как по одиночеству и уединению.

А социальность — удел людей внутренне пустых: они боятся своего выхода на пенсию, своей невостребованности, своей ненужности — таким бедолагам нечего делать в уединении и одиночестве.

Произвольная окраина

Здесь речь идет о произволе, о буйстве воли «хозяина окраины».

Каргопольский мещанин Александр Баранов, волею судеб выброшенный на шальные просторы Русской Америки, в Ново-Архангельск, превратился в ничем не сдерживаемого деспота, богохульника, развратника, пропойцу, мерзавца, тирана, исчадие всех пороков и источник бед несчастных индейцев и еще более несчастных русских, попавших в этот ад.

Кушчевка — еще один, современный нам пример произвола на окраине. «До Бога высоко, до царя далеко» — доктрина окраинного произвола, вседозволенности, сатрапства.

Бездельная окраина

Видный отечественный географ Л. Смирнягин утверждает: административные границы наших «субъектов Федерации» хорошо видны из Космоса: тут ничего не происходит, всё поросло запустением и, бесхозяйственностью, бездельем. Эти земли, дороги и поселения никому не нужны. В Мензелинск, что на границе Татарии и Башкирии трудно въехать — сюда никто и

не въезжает. В местном «парке» только два следа человеческой жизни: заколоченный навсегда тир и плакат «Товарищи!»

Здесь бездорожье достигает максимальных градусов, здесь присутствие человека более, чем сомнительно...

Без окраин и бескрайность

Как ни странно, это — антонимы. Голландцы, зажатые соседями и морем, обходятся без окраин. Нет окраин у Бельгии, Люксембурга, об окраинах Лихтенштейна можно говорить только с улыбкой — чуть превысил 25 км/час — и вылетел за пределы этого сказочно-игрушечного королевства.

А мы живем в бескрайнем пространстве — его края и окраины необозримы и недостижимы. И нет нам ни края, ни предела, ни окорота — что хотим, то и воротим. Мы именно поэтому, наверно, такие одноразовые. Нам всё кажется, что в каждом месте — как впервые и скорее всего — в последний раз, а потому можно бражничать-безобразничать всласть и безнаказанно. Наша бескрайность — и земли и сознания — привела нас к тому, что живем на помойке, на огромной свалке: мусора, истории, мыслей. Наша бескрайность делает для нас любое будущее невозможным, вот почему мы сначала отдали его нелепому учению немецкого бухгалтера, а теперь предали в руки Божии.

В. П. Казарин

КРЫМ. ГЕНИИ МЕСТА

Богат и полон самой разнообразной жизни XIX век в Крыму! Вспомним, кто сопровождал, кто встречал и провожал, кто беседовал, кто осенял Раевских и Пушкина в их путешествии по Крыму. Какая блестящая и многоликая плеяда людей! В Керчи — это археолог, основоположник первого в России археологического музея П. Дюбрюкс и капитан-лейтенант, будущий известный адмирал Н. Ю. Патаниоти, в Феодосии — бывший градоначальник, автор ряда серьезных книг о Кавказе и Крыме С. М. Броневский и действующий градоначальник, будущий Таврический гражданский губернатор Н. И. Перовский, в морском плаваньи на корвете «Або» — капитан корабля, будущий адмирал И. П. Дмитриев, в Георгиевском монастыре — знаменитый митрополит Хрисанф, в Симферополе — профессор Ф. А. Дессер, врач Ф. К. Мильгаузен, губернатор А. Н. Баранов и многие другие. Наследие XIX века до сих пор питает крымчан своими живительными соками.

Если обратимся к живописи (хотя точно так же можно было бы выбрать музыку и архитектуру, предпринимательство и науку, театр и виноделие), тотчас вспомнится плеяда художников, в которой особо блещет имя И. К. Айвазовского, а рядом с ним и после него – В. Суренинц, М. А. Волошин, а потом К. Ф. Богаевский, Н. С. Самокиш, Н. С. Барсамов и, наконец, уже в наше время в ряду многих ярких — заслуженно известные Ф. З. Захаров, В. Д. Бернадский, В. П. Цветкова, Я. А. Басов. Этот перечень имен можно пополнить применительно к любому историческому периоду.

Да, традиция, слава Богу, не умерла, но чью персональную галерею, сопоставимую с галереей И. К. Айвазовского, мы создали, чтобы оставить в наследство своим потомкам? По моему, ничью. Мало того, мы даже не открыли в Крыму коллективной галереи — Музея современного искусства, и после смерти наших художников их собрания «тают» и утрачиваются как единое целое, в лучшем случае оседая в музеях на Западе, которые скупают живопись наших мастеров буквально за гроши.

XIX век, оставив нам свое наследство, оставил в том числе города, которые были наполнены памятью выдающихся современников. Вспомним хотя бы, что улица Киевская в Симферополе до революции называлась Мильгаузенской в память о знаменитом крымском враче пушкинской поры Ф. К. Мильгаузене.

XIX век пропитывает окружающий мир прославляемыми им героями. Достойные граждане отмечались не только званиями и должностями, но и именованием места: Мекензиевы горы, Малахов курган и Панайотова балка в Севастополе, Петровские скалы в Симферополе, Долгоруковская яйла в долине Салгира, Боткинская тропа в Ялте, курган Патаниоти в окрестностях Керчи...

Мы, в отличие от них, перестали наполнять мир памятью своего бытия. Мы стали пропитывать его столичной идеологемой, одной для всех регионов. Например, улицы у нас назывались преимущественно именами из общесоюзного пантеона: Пушкин, Гоголь, Маркс, Ленин, Гагарин... Но если задуматься, то это не результат заботы о прошлом и желания увековечить имена этих действительно замечательных людей. Тиражирование таких названий улиц по всей стране, по большому счету, проявление не любви, а казенного равнодушия (в Симферополе имя Ленина носят одновременно улица, бульвар и площадь), а также гипертрофированного централизма. Сверху нам всем как бы сказали: «Будем помнить и любить вот этих». Все это обескровливало периферию, стирая ее историческую память, стимулируя ее бесплодность, неверие в свои силы.

В Крымском медицинском институте когда-то учился знаменитый ортопед Г. А. Илизаров. наших врачей консультировал и проводил показательные операции профессор В. Ф. Войно-Ясенецкий (архиепископ Лука). Сравнительно недавно от нас ушли всемирно известные профессора-медики Е. И. Захаров, А. И. Блискунов, К. Д. Тоскин. Имя кого-нибудь из перечис-

ленных мною знаменитых людей увековечено в названии хотя бы одной из крымских улиц? К сожалению, нет. Мы предпочитаем другие, более «содержательные» названия: Херсонская, Залесская, Балаклавская, Ковыльная. Памятника В. Ф. Войно-Ясенецкий удостоился как архиепископ, а не как выдающийся медик. Поблагодарим за это нашего митрополита и Православную Церковь, которая, в отличие от нас, не забывает своих иерархов.

Более десяти лет назад я выступил против установки памятника П. И. Чайковскому в Симферополе, что вызвало возмущение скульптора (он даже подал на меня в суд) и непонимание друзей. Друзья спрашивали меня: что ты имеешь против П. И. Чайковского? Он же замечательный композитор, составляющий славу России! Я тоже считаю, что П. И. Чайковский великий композитор, но он не связан лично и тесно с нашим краем. Вот и все! Леонардо да Винчи и Микеланджело, Шекспир и Гете — тоже замечательные деятели культуры, но мы же не ставим им на этом основании памятники в Крыму.

Мне возражали: но ведь наше музыкальное училище носит имя П. И. Чайковского, что является достаточным поводом для увековечения памяти композитора в Симферополе. Я с этим не согласен. В нашей стране, наверное, почти все музучилища носят имя П. И. Чайковского, и это следствие все того же равнодушия, о котором я уже писал. Я полагаю, что музыкальное училище в Симферополе могло бы носить имя А. Н. Серова, В. С. Калинникова, А. А. Спендиарова или, например, Ф. И. Шаляпина — в знак уважения к его замыслу 1916 года построить в Крыму «Замок искусств» — своеобразную консерваторию для одаренной молодежи. Наши медицинские училища могли бы носить имена Ф. К. Мильгаузена или Н. И. Пирогова, В. Ф. Войно-Ясенецкого или К. Д. Тоскина. Совершенно верно эту проблему решило художественное училище, которое из широкого круга возможных имен (И. К. Айвазовский, Ф. А. Рубо, К. А. Коровин и др.) выбрало имя человека, который стоял у истоков его создания, — Н. С. Самокиша. Самый широкий простор для выбора остается у нашего пока безымянного училища культуры.

Принцип очень прост и понятен: мы должны хранить и всячески культивировать память о тех, кто отдал нашей земле не только свой талант, но часто и свою жизнь. Поэтому памятник П. И. Чайковскому должен стоять у него на родине, в Клину, В. Ф. Войно-Ясенецкому — в Симферополе, Амет-хану Султану — в Алушке, а И. К. Айвазовскому — в Феодосии.

Я думаю, что для именованя улиц и площадей наших городов нужно иметь не только власть и желание, но также — право. А это право дает только историческая и культурная память региона. Во всем Крыму лишь Саки имеют полное право назвать одну из улиц именем Н. В. Гоголя, так как писатель в июне 1835 года приезжал в этот город лечиться знаменитыми грязями. Во всем Крыму только Симферополь имеет право на улицу К. Н. Батюшкова, только Феодосия и Старый Крым — на улицу А. С. Грина, Балаклава, Гурзуф и Феодосия — Афанасия Никитина, Коктебель — М. А. Волошина, Бахчисарай — И. Гаспринского, Керчь — П.

Дюбрюкса и Петра Великого, Ялта — А. П. Чехова и С. Я. Надсона, Севастополь — А. И. Куприна, А. Т. Аверченко и И. А. Бунина, Евпатория и Севастополь — А. А. Ахматовой.

При соблюдении этого простого и понятного правила наши города без всякого экскурсовода рассказывали бы приезжим свою историю. Мы этому правилу, к сожалению, не следуем.

В результате мы не культивируем в регионах память о своих выдающихся современниках. Мы не подаем пример уважения к малой родине подрастающему поколению, которое тем самым лишается важного стимула для самореализации. Потому что память о человеке, гордость за выдающегося соотечественника — это протекция созревающему таланту.

С другой стороны, это знак того, что мы собираемся на этой земле жить всегда, что мы никуда не собираемся уезжать, что мы не исповедуем философию чеховских трех сестер: «В Москву! в Москву! в Москву!». Потому-то у нас часто неуютно и неприбрано в городах и весях, что мы живем всё как будто временно, всё как бы в ожидании, что скоро мы куда-то уедем, в какой-то настоящий город, где начнется настоящая жизнь. А всё, что сейчас, здесь и вокруг, — это зал ожидания, это общежитие, это временная (пусть даже и затянувшаяся) остановка.

Отсутствие общественного признания, публичного интереса лишает талант самого главного условия его самореализации — востребованности. Талант в этом случае начинает искать новое место приложения своих сил, что приводит к печально знаменитой «утечке мозгов». В каждой сфере деятельности мы назовем десятки имен наших современников, которые в разные годы покинули Крым. В результате сегодня впору говорить о том, что древо нашей культуры не только не цветет и не радуется всех нас, но напротив — начинает желтеть. Например, у нас есть Союз писателей (сейчас их даже три), но с отъездом в Москву не поладившего когда-то с начальством замечательного исторического романиста Владислава Бахревского круг маститых писателей, признаваемых и печатаемых далеко за пределами Крыма, сузился: Е. Г. Криштоф, С. К. Славич, А. И. Домбровский, В. С. Фролова, Л. И. Кондрашенко... Среди начинающих однозначно крупное имя даже трудно и найти (многие молодые также подались в столицу или в иные большие города). В результате и В. А. Бахревский в Москве растворился среди многих знаменитостей, и Крым обеднел.

Старая Провинция питала своими соками не только коренных обитателей, но, будучи яркой и богатой, давала толчок в развитии талантов приезжих. Вспомним ту роль, которую сыграл Крым в судьбе Пушкина (его всероссийская слава началась именно с поэмы «Бахчисарайский Фонтан»), В. В. Набокова (именно здесь он окончательно оформился как поэт) или В. И. Вернадского (в Симферополе была написана едва ли не главная книга ученого — «О живом веществе»).

Сам приезд в Крым был тогда не рядовой казенной поездкой, а ярким путешествием, которое дарило новые ощущения. Крым был заполнен культурными и литературными гнездами: Мекка русских мыслителей — Мшатка Н. Я. Данилевского, Ялта А. П. Чехова и А. А. Спен-

диарова, купринская Балаклава, коровинский Гурзуф, имение сестер Герцык в Судаче, волошинский Коктебель, Алушта С. Н. Сергеева-Ценского и И. С. Шмелева, гриновская Феодосия и проч. и проч. и проч.

Литературные и культурные гнезда позднее частью исчезли, частью превратились в Дома творчества. Дома творчества уже в наше время стали обыкновенными гостиницами. На смену путешествиям пришли заурядные вояжи за экзотикой и стандартным комфортом.

Сейчас у нас есть окраины, но нет Провинций. Сейчас у нас есть многочисленные столицы, но нет Центра. В результате у нас есть «независимые государства», но нет и в обозримом будущем не может быть Империи.

В государстве-империи история вяжется в единый узел в столице (в Риме, в Константинополе, в Москве), но творится на периферии, в провинции. Для того, чтобы могли состояться такие фигуры, как М. Шолохов, Э. Межелайтис, Ч. Айтматов или О. Сулейменов, необходимы эти оба начала. Наличие столицы дает провинциальному бытию систему координат, помогает преодолеть тупики затворничества (в том числе национального). Но реализация общей идеи невозможна без фактуры провинциального бытия, его плоти и крови, его реальности, которую не может дать идеократическая столица. Сосланные в Северное Причерноморье, Овидий и Пушкин, каждый по-своему, органически претворяли имперскую идею в плоть провинциального опыта.

Здоровый Центр осознает важность развития Провинции, ослабевающий — стремится всячески ее ослабить. Результатом всегда является бунт Провинции против Центра. Он имел место и после октября 1917 года, и после апреля 1985-го.

Оскудение Провинции таит в себе опасность перерождения «провинциальной гордости» в «провинциальное тщеславие». Нет крупных имен — нет настоящих критериев самооценки. Нет критериев — начинает развиваться мелочная гордыня, а это болезнь заразная, она быстро перебрасывается из Провинции в Центр.

Одним из очевидных признаков этой болезни в масштабах целого государства (особенно новообразованного) всегда являлась страсть к помпезным названиям. Не так давно Киевский университет стал национальным. Но такое звание может быть или результатом общественного признания (и тогда оно оправдано), или результатом бюрократического решения (и тогда оно останется формальным). Гарвард, Кембридж или МГУ таких званий не имеют, но они являются в самом высоком смысле национальными, потому что такой статус за ними признает научная общественность мира. Тот факт, что сегодня, помимо Киевского, еще по меньшей мере пять университетов Украины стали национальными (не говоря уже о полутора десятках других вузов), свидетельствует, что мы избрали бюрократический, а не сущностный путь.

О том, что в нашем молодом независимом государстве уже более трех десятков Академий наук, которые в лучшем случае заслуживают названия «клуба ученых по интересам», стыдно и говорить.

Сегодня перед всеми нами стоит задача восстановления самосознания Провинции, что станет реальным шагом к возрождению Центра. Начинать надо с восстановления нашей общей исторической памяти. К сожалению, у нас это стремление зачастую приводит к «гражданской войне» в сфере культуры, что нельзя ничем оправдать. Нам не нужны новые победители и новые побежденные. Мы, крымчане, слишком хорошо знаем, чем это заканчивается. Уважение к прошлому не должно означать начала «войны» с настоящим. История едина, она не делится на хорошую и плохую, дореволюционную и советскую, «белую» и «красную».

Выход всегда есть. Та же проблема наименования улиц может быть достаточно просто и эффективно решена. Давайте начнем устанавливать на наших домах увеличенные трафареты, на которых будет одновременно указано новое и старое название улиц.

Мы должны наконец подготовить и выпустить «Крымскую энциклопедию», разговоры о создании которой ведутся уже более 60 лет. Кстати, многие области Украины выпустили такие региональные энциклопедии (например, Чернигов). Есть примеры и городских энциклопедических справочников (недавно это сделал Севастополь).

Признаки изменения в общественном сознании налицо. Налицо и желание власти решать эту проблему. В этом ряду некоторые весьма плодотворные инициативы Верховного Совета Автономной Республики Крым последнего времени: именование одной из площадей в Симферополе в честь Амет-хана Султана, введение почетных званий Автономии, учреждение республиканских премий и др.

Но без общественной инициативы, без того, что именуется хорошим (хотя и затертым) выражением «самодеятельность широких масс», без осознания всеми нами необходимости решения этой проблемы подлинное возрождение Крыма невозможно.

РЕЦЕНЗИИ

Лысикова О. В. Российский туризм: глобальное и локальное. — Саратов: СГТУ, 2011. — 312 с.: ил.; 21 см. — ISBN 978-5-7433-2470-5

Книга О. В. Лысиковой посвящена непростой судьбе российского туризма. В ней поднимаются вопросы становления и развития отечественного туризма в общем контексте современной культурной ситуации, в логике развития социальной теории.

От общества труда и забот человечество незаметно перешло к обществу досуга, отдыха, развлечений. Важнейшую роль в новой культуре стал играть туризм. И это не случайно. Мобильность стала доступной, а транспортные возможности позволили быстро преодолевать огромные расстояния. Теперь все движется. Мобильность людей, идей, финансов, товаров и услуг привела к кардинальному изменению отношений с пространством и местом. Исторический процесс разрушения ценности места в человеческой жизни (А. Тоффлер¹) поддерживается, с одной стороны, неуклонным ростом числа людей, для которых ежедневные поездки, путешествия и смена жительства становятся нормой повседневной жизни. С другой стороны, в разных частях земного шара создаются и циркулируют многочисленные копии уникальных мест — как в реальном, так и в виртуальном пространстве. Место потребляется как и другие товары или произведения искусства.

Рост «туристической рефлексии», расширение дисциплин, процедур и критериев позволяют любому месту оценивать и развивать свой «туристический потенциал» в соответствии с требованиями глобального туризма (Дж. Урри). Подобная рефлексия касается не только отдельных практик, но целого ряда систематических, регулируемых оценочных процедур, позволяющих каждому месту изучать и максимизировать свое положение в стремительно меняющемся мировом порядке². Эти процедуры стали основой изобретения, производства, продажи и распространения (с помощью телевидения и Интернета) новых или заново «упакованных» мест и их визуальных репрезентаций, реализующих саму идею земного шара. Образ и пространство рекурсивно изменяются, трансформируя мир в целом. Все эти процессы наиболее отчетливо проявляются в туризме, что не может не вызвать поворот исследовательского интереса к проблемам мобильности и туризма в современном обществе.

Значимость туризма признана как в развитых, так и в развивающихся странах. Это видно по учреждению государственных департаментов туризма, всеобщему энтузиазму и росту

затрат на его развитие, увеличению количества компаний, от малых предприятий и до международных корпораций, относящихся к и получающих прибыль в сфере туристической индустрии. В самом деле, туризм стимулировал и продолжает стимулировать занятость населения и процессы инвестирования, модифицировал использование земли и экономическую структуру, а также осуществил позитивный вклад в платежный баланс во многих странах по всему миру. Даже всемирный кризис 2008-2010 года (несмотря на ожидания спада) практически не сказался на прибыльности туризма; уже с середины 2009 года возобновился рост туристической активности. Какие культурные основания обеспечивает такую живучесть и социальную экспансию туризма по всему миру — вот тот вопрос, ответ на который предлагает автор книги.

Актуальность исследовательского проекта О. В. Лысиковой подтверждается особенностями развития самого социального знания. С одной стороны, социология переживает мощный культурный поворот, создавая культурно-ориентированные академические дискурсы, с другой стороны, в мейнстриме социологических изменений оказывается идея практик. Автор раскрывает возможности приложения этих идей к глокальным особенностям отечественного туризма, что пока остается редким явлением в отечественных социологических исследованиях.

Автор деконструирует глубинные связи между текущими социальными и культурными процессами и их историческими основаниями, социологическими интерпретациями и практиками современного туризма. Уверенно проводя социологическую концептуализацию туризма, О.В.Лысикова представляет панораму теоретических осмыслений и результатов прикладных исследований, трансформирующихся во времени и пространстве культурных практик, конструирования новых типов социальных отношений, где центральное место принадлежит человеку путешественнику. Вполне обоснованно автор обращается к динамике академических исследований туризма, систематизируя тематику научных конференций, посвященных туризму, его разнообразным свойствам и феноменам.

Похвальное стремление автора использовать классическую типологию М. Вебера для анализа туристических действий, к сожалению, не завершилось полной и точной описательной картиной. Сомнительна идентификация целерациональных мотивов. Автор считает, что они проявляются в ожидании внимательного отношения к себе со стороны сотрудника турфирмы, предлагающего туристский продукт и оформляющего пакет документов. В ходе поездки туристы настроены на проявления гостеприимства и дружелюбия со стороны персонала и рассчитывают на доброжелательность местных жителей. Вместе с тем речь идет о мотивах. И такими могут выступать желание отдохнуть, с пользой потратить накопленные деньги, побывать там, где не был, или, наоборот, получив качественное обслуживание, закрепить опыт пре-

дыдущих поездок. Представляет интерес вывод автора о трех уровнях концептуализации туриста, что позволяет расширить горизонт интерпретации туризма как культурной практики.

Центральным моментом книги становится рефлексия практик советского туризма. Новизной отличается авторская классификация видов пространственной мобильности советских туристов в соответствии с определенной формой туристского опыта. Новые факты обнаружены автором в ходе исследования архивных материалов. Они представляют несомненную социологическую ценность, позволившую О. В. Лысиковой заключить, что сложное балансирование между стремлением к уникальности и поддержанием модуса коллективизма стало характерной чертой советского туризма, который на протяжении десятилетий поддерживал патриотические чувства граждан.

Следует поддержать и авторское понимание особенностей развития российского туризма в общем контексте социальной памяти: «Социальная память о советском туризме конструирует коллективную идентичность, солидаризируя воспоминания представителей разных поколений, вырабатывая модели отдыха и образцы поведения. Трансформации туризма в контексте «советский — постсоветский» привели к переходу от социальной направленности к коммерческой деятельности; от преимущественно внутреннего туризма к выездному; от идейно-патриотической модели к потребительско-гедонистической». Для развития социальной теории важным представляется вывод о том, что современные российские туристы реализуют разнообразные поведенческие стратегии, в основе которых лежит, с одной стороны, архетип советского образца, с другой — западные модели поведения иностранных туристов наряду с транслируемыми масс-медиа образцами.

Социологический дискурс реализован при исследовании синтеза культурно-познавательного и экологического внутреннего туризма в современной России. Хорошо и подробно представлены основные детерминанты туристских выборов в потребительских практиках, на которые влияют факторы: личный опыт путешествий, мнения близких, советы сотрудников турфирмы, СМИ, Интернет, реклама, мода. Автор доказывает, что конструирование идентичности туриста является, с одной стороны, упорядоченным процессом, с другой — гибко-ситуативным.

В монографии выявлены и обоснованы практики межличностных взаимодействий туристов и местных жителей в рамках двусторонней симметричной модели коммуникаций, включающей разные типы социальных интеракций. Интересной разработкой мы считаем двустороннюю симметричную модель коммуникаций туристов и местных жителей, включающую основные варианты: симпатия (практики солидаризации); равнодушие (практики индифферентности); неприятие (практики отчуждения).

Безусловно, ценными являются программа и результаты авторских эмпирических исследований. Автор предлагает разнообразные варианты эмпирической классификации и типо-

логии туристов и туристского опыта. По результатам межрегионального эмпирического исследования получены три сопоставимых по размеру кластера туристов, получивших подробное описание в монографии. О. В. Лысикова выделяет первичные группы, которые представлены людьми, путешествующими перманентно, и вторичные группы, в которые входят люди, путешествующие от случая к случаю. Сложился и третий масштабный сегмент — потенциальные туристы. Вместе с тем авторская типология туристов, с нашей точки зрения, построена не по критерию идентичности, а, скорее, на основе мотиваций. Об этом, собственно, говорит и автор. Но для того, чтобы критерий идентичности сработал как основание классификации, надо, чтобы был определен субъект идентификации и различимые им признаки, что в работе, к сожалению, не представлено.

Особо отметим типологию туристов, сотуристов и посттуристов, которую социологически обосновывает и детально представляет автор. Ценный для практической социологии вывод содержится и в оценке роли сотрудников турфирм: уровень доверия потенциальных туристов к сотрудникам турфирм невысок, о чем свидетельствуют коэффициенты регрессионного анализа. Значимым для работников турбизнеса является вывод о том, что в осуществлении турпоездки играет роль сочетание как мотиваций и ценностей, так и препятствий, результирующим вектором которых является модель поведения человека в переходе от туризма идеального и виртуального к реальному и рефлексивному.

В книге раскрыта преемственность советского и постсоветского культурного опыта, показана культурная связь туризма и повседневности в настоящем и их разрыв в советском прошлом в рамках исторически обусловленного пространственно-временного континуума. Особый интерес представляет анализ архивных данных по развитию туризма в Саратовской области из фондов Государственного архива новейшей истории Саратовской области, что способствует концептуализации советского туризма как компонента культурной политики и ресурса социальной памяти.

Автор смело типологизирует практики в системе туристского опыта, обобщает механизмы формирования идентичности туриста в процессе интеракций, культурные доминанты идентичности туриста. Хорошо представлены данные эмпирического исследования, на основе которых разработана оригинальная модель типов идентичности современных российских туристов, основанная на ценностных ориентациях, мотивах, поведенческих стратегиях, интерпретациях самими туристами смыслов своей туристской активности. Впервые типы идентичности туристов соотнесены с типами идентификационных установок, получены новые эмпирические результаты, подтвердившие вхождение туризма в сферу повседневности представителей российских средних потребительских слоев, раскрыты особенности включения опыта международного туризма в структуру социальной идентичности этих слоев.

Для исследователей моды, безусловно, интересными будут страницы, на которых раскрывается значение моды в туризме как средства выражения социальных и культурных предпочтений и различий между потребителями турпродукта. В контексте туристической моды рассмотрено престижное потребление и формирование индивидуальной культуры туристов как потребителей.

В монографии представлены существенные аспекты теории в рамках дискурсов: пространственно-временного континуума и инверсии времени, глобальных трендов и локальных модусов развития, социально-экономической стратификации и идентичности туристов; выявлены новые проблемы, связанные с конструированием идентичности туриста. Теоретические выводы существенно расширяют возможности социологической интерпретации туризма как культурного феномена. Авторская концепция социальных практик туристов способствуют развитию социологической теории туризма как научного прикладного направления, интегрированного в область социологии культуры.

Т.Н. Черняева

Примечания

1. Тоффлер А. Футурошок. — СПб: Лань, 1997. — С. 57.
2. Урри Дж. Взгляд туриста и глобализация // Массовая культура: современные западные исследования. — М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры». 2005. — С. 137.

СОБЫТИЯ, ХРОНИКА

**Конференция «Культ–Товары–XXI: ревизия ценностей.
(Маскультура и ее потребители)» Екатеринбург, 22-23 мая 2012 г.**

Международный научный семинар «Культтовары», посвященный анализу актуальной отечественной популярной литературы, впервые был проведен в 2008 году в Санкт-Петербурге в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена при поддержке Северо-Западного университета печати, университета г. Тампере и Санкт-Петербургского Книжного салона. Проблема, которая давно нуждалась в обсуждении, материал, который редко становился предметом рассмотрения литературоведов, вызвали интерес у писателей, критиков, преподавателей высших учебных заведений, «академических» филологов из России, Армении, Белоруссии, Германии, Грузии, Польши, Украины, Финляндии, Франции. Опубликованные материалы первого семинара выдержали два издания и активно используются в научной, критической и преподавательской практике.

Через два года в Российской государственной публичной библиотеке прошел второй семинар, посвященный «диагнозам и прогнозам» актуальной российской словесности рубежа десятилетий.

Третий семинар «Культтовары: ревизия ценностей (маскультура и ее потребители)» прошел в Екатеринбурге 22-23 мая 2012 года. На сей раз организаторами семинара стали Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена и финский Университет Тампере. Конференция проводилась в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» при поддержке гранта Министерства науки и образования РФ.

Главным предметом обсуждения стала трансформация ценностей, произошедшая в XXI веке, вызвавшая появление новых тем, проблем, жанров в отечественной и зарубежной популярной культуре. Неслучайно семинар открыли выступления, непосредственно посвященные теме ревизии ценностей, представленных в творчестве отдельных авторов и популярнейшем в прошедшем десятилетии жанре.

В докладе *М. А. Черняк* (Санкт-Петербург) «Б. Акунин: перезагрузка образца 2012 года (к вопросу о ревизии ценностей)» отмечалось, что в современном литературном ландшафте массовая литература стала универсальным социокультурным пространством для ассимиляции и распространения разнообразных идей, по-своему комментируя современную жизнь, форми-

руя определенный контекст ценностей. Попытка отрефлексировать перемены в литературе, произошедшие в последние десятилетия, неизбежно побуждает говорить о соприкосновения литературы с социальными явлениями современной жизни. Акунин как персонаж современной общественной жизни, скорее, не просто тема, а достаточно показательный повод для разговора о ревизии ценностей. В какой-то степени авторские стратегии Акунина можно сравнить с техническим приемом в искусстве, который называют *трюмплей*, целью которого является создание оптической иллюзии того, что изображённый объект находится в трёхмерном пространстве, в то время как в действительности он нарисован в двухмерной плоскости. Акунину на протяжении уже пятнадцати лет принадлежит пальма первенства по апробации новых маскультурных стратегий: игра, квест, ФМ — интеллектуальная игра, мистификация, фильм и т.д. Можно предположить, что «перезагрузка» акунинского проекта связана, прежде всего, с изменением читательской аудитории, с появлением новых контуров литературы WEB 2.0. Акунин как филолог, тонко улавливающий стилистический облик эпохи, и как маркетолог, так же четко фиксирующий изменения в запросах читателей, ведет игру с несколькими масками-псевдонимами. Творческий путь Б. Акунина демонстрирует возможности высокотехнологичного синтеза искусства и бизнеса, все более глубокой интеграции культуры и искусства в рыночные отношения.

В докладе *И. Л. Савкиной* (Тампере) «Двадцать лет спустя: герои, ценности, сюжеты в российском женском детективе» рассматривалась трансформация гендерных конструкций в женском детективе последнего десятилетия. На примере серии книг А. Марининой об Анастасии Каменской докладчица показала, как в них происходит постепенная реконструкция (нео)традиционалистских репрезентаций женственности. В то же время, откликаясь на социальный запрос, женский детектив разрабатывает новые позитивные имиджи «зрелой» женственности, женской старости. Тексты Марининой демонстрируют также процессы жанровой диффузии, характерные для современного литературного процесса: размывание границ так называемой формулы, соединение традиционного детектива с женским любовным романом и информационно-назидательным пафосом, присущим «женским» журналам.

Л. П. Быков (Екатеринбург) в докладе «Быков о Быкове, или Как куртуазный маньерист стал Гражданином Поэтом» в свободной эссеистской манере проследил историю творческого поведения одного из самых заметных медийных персонажей последнего десятилетия: скромного участника группы поэтов-стилизаторов — активного журналиста, охватывающего все литературно-критические жанры и работающего в разных по направленности периодических изданиях, — плодовитого романиста, разрабатывающего жанровую форму интеллектуального романа — явно недооцененного самостоятельного поэта и — в последние несколько лет — общественного деятеля, одного из создателей нашумевшего проекта «Гражданин поэт». Выдающаяся работоспособность, ориентация на здравый смысл образованного человека, стилизатор-

ский дар и журналистская хватка позволили Быкову занять в литературном пространстве место на пересечении интересов читателей с различными политическими и эстетическими представлениями.

На второй сессии вниманию слушателей было предложено несколько тем, связанных с историей популярных текстов в XX веке, нашедших свое продолжение в современной культуре.

Так, *А. Розенхольм* (Тампере) сделала доклад на тему «Новый человек-амфибия в контексте киборг-теории», где показала, что классический научно-фантастический сюжет о человеке-амфибии Александра Беляева (роман вышел в 1928 году) проявляется в темах современной культуры, где проблематизируется представление о границах и различиях между человеком, животным и машиной. Парадигматически «первый человек среди рыб» Беляева продолжает свою жизнь в дискурсах современной литературы и культуры, которые дестабилизируют дихотомию «гуманный – негуманный» и создают множество образов и видов гибридов. Формулируемый, особенно начиная с киберпанка 1980-х годов, вопрос: «в конце концов, что я такое?» был задан уже в романе Беляева: что в Ихтиандре и что в нас является «человеческим», если наша жизнь зависима от определённых высокотехнологичных средств комфорта: Ихтиандр зависит от ласт, очков и чешуйчатой кожи, как мы — от ноутбуков, мягких контактных линз, кардиостимуляторов, пластиковых имплантантов и т.д.?

Существенными и актуальными в романе являются вопросы, касающиеся идентичности человека и особенно телесности субъекта. Субъективность Ихтиандра демонстрирует представление о номадической субъективности, которая всегда артикулируется посредством изменяющихся позиций и аппаратов. «Человек-амфибия» — это метафора-оксюморон, где воплощается одновременность сложения двух непримиримых элементов в один, это переговоры между природой и культурой. В Ихтиандре видно, с одной стороны, влияние воплощённой технологии, ограничивающей его возможность любить, с другой — технология предлагает ему мобильность нового типа и проблематизирует старые идентичности. Субъект Ихтиандра является не эссенциалистским, он вытесняет своё изначальное происхождение, формируется из аранжировки тела, психики и сознания, из «диспозиций», в которых нет ничего постоянного и вечного, и является только продуктом, материальным эффектом, который вписывается в определённую форму рациональности. Ихтиандр является, следовательно, как сотворённым, так и свободным, это сформированный благодаря исторической рациональности конструкт — киборг.

Т. А. Круглова (Екатеринбург) в докладе «Феномен популярности "Тимура и его команды" и фоновые педагогические практики 1930-х годов» противопоставила два типа образцов детского героизма, сконструированных советской властью в 1930-е годы. Павлик Морозов был скроен по традиционным калькам культурного героя-жертвы, тогда как гайдаровский Ти-

мур воплощал новый тип героя, личность, умеющую решать жизненные проблемы коллективистскими способами. Объяснить истоки и размах популярности Тимура помогает фон, на котором формировались практики поведения нового антропологического типа. По мнению автора доклада, таким фоном была педагогическая система и практика Антона Макаренко, поставившего целью превратить детскую асоциальную общность ("банда") в хорошо управляемый и контролируемый коллектив дисциплинированных агентов, способных к горизонтальным формам контроля и организации жизни внутри коллектива. Особенность модели, которую он создал в своей колонии, заключалась в парадоксальном совмещении разных векторов самоорганизации: высший этап развития подросткового коллектива заключался в способности адекватно решать проблемы в отсутствии ока взрослых, но при этом инстанция взрослого ответственного руководителя сохранялась. Тимур и его команда демонстрируют высшую степень готовности подросткового коллектива решать взрослые социальные задачи, они не нуждаются в помощи взрослых, сохранение тайны их деятельности доказывает, что коллектив вполне сформировался. В то же время именно тайная деятельности команды заставляет взрослых воспринимать ее как банду, самих ребят как социальную угрозу, а их лидера — как атамана. Разоблачение Тимура кладет конец его команде, но происходит это за пределами художественного произведения: мы знаем, что тимуровское движение будет формализовано, подотчетно и абсолютно прозрачно для контроля взрослыми.

Г. А. Янковская (Пермь) в докладе «Роза Розе рознь» рассмотрела различные визуальные стратегии рекламных кампаний по мобилизации женщин на производство и военную службу в годы Второй мировой войны в США. «Заклепщица Роза» — художественный образ, созданный культовым американским художником Норманом Рокуэллом, стал символом массового участия женщин в социальной жизни общества, символом женской эмансипации, случившейся за тридцать лет до гендерной революции 1970-х. Этот образ представляет собой "пролетарский" канон изображения трудящейся женщины. Рекламный плакат «Я могу делать это» и серия рекрутинговых кампаний «История о тебе, морской службе и судьбе» демонстрируют иной — «феминный», «артистический» канон, бывший в ротации массовой культуры тех лет. В докладе анализируются социальные мессиджи и культурные контексты в которых эти образы функционировали в годы войны и присутствуют в современном смысловом поле массовой культуры 2000-х.

М. В. Соколовская (Екатеринбург) в докладе «Знание о современном искусстве в советских сатирических журналах "Перець" и "Крокодил" рубежа 1950-1960-х годов» рассмотрела характер представлений о современном искусстве, который транслировали советские сатирические журналы соответствующего периода. Карикатуры и заметки о западном модернистском искусстве позволяют сопоставить образы «своего» и «чужого» искусства, представленные широкой публике, выявить предлагаемую читателю систему авторитетов в искусстве, концепцию

уникальности и «тиражности» образов. При этом отторжение модернизма разворачивалось на фоне непрявленности современного советского искусства, так как фактически журналы используют либо материалы русского искусства XIX века, либо искусства модернизма. Журналы не представляют художественную программу того или иного направления, их интересует социальное измерение искусства. В основу оценочного суждения, которое постоянному читателю сатирических журналов предлагалось вынести в отношении произведения искусства, положено требование понятности: восприятие произведения искусства не должно требовать интеллектуальных усилий и каких-либо предварительных знаний.

Третья сессия семинара была посвящена типам текстов из разных сфер, ставшим особенно популярными в 2000-е годы — дистопиям, кулинарным запискам, метатекстам о руководителях государства и православной беллетристике.

М. П. Абашева (Пермь) представила доклад «Владимир Сорокин и метаистория для масс». Популярные жанры массовой литературы 2000-х (фэнтези, антиутопии и др.) в качестве сюжетогенного фактора и легитимирующего претекста используют популярную историографию. В 2000-е годы вполне элитарные, авангардные писатели обращаются к тем же источникам, но с иными целями. Владимир Сорокин в дистопиях «Лед», «Голубое сало», «День опричника», «Сахарный Кремль» репрезентирует мифологии массового сознания и популярные модели российской истории: цивилизационный подход, неоевразийство, имперский миф. В отличие от приемов массовой литературы, сорокинские стратегии основаны на деконструкции и пародии современных историографических теорий (А Дугина, М. Юрьева и др.).

М. А. Литовская (Екатеринбург) в докладе «"Счастье есть": кулинарная книга как жанр новейшей российской литературы», дав краткий очерк развития российских «кулинарных записок», проанализировала основные типы современных повествований о еде (мемораты, дневники, учебники, культурологические эссе и т.п.). По мнению докладчицы, в современных кулинарных записках принципиально важны умеренный дидактизм, создающий ощущение внутренней свободы при корректирующем поведении читателя руководстве, установка на примирение внутренне социально конфликтной аудитории, обучение достаточно легким способам получения удовольствия от жизни и приобщения к мировой культуре. Активный выпуск подобной литературы в России 2000-х годов и целенаправленное формирование соответствующей аудитории читателей можно считать попыткой противостояния росту негативной идентичности.

Т. А. Михайлова (Боулдер) в докладе «Президент как отец нации: его семья и другие животные» отметила, что, несмотря на то, что Путин часто позиционируется в СМИ и Интернете как новый отец народа, создаваемый образ его Семьи отмечен печатью парадокса. Собственная семья Путина практически отсутствует в СМИ. В то же время огромное количество визуальных материалов изображает Путина в окружении животных и рыб. Российские

и зарубежные пользователи Интернета могут любоваться нежными отношениями президента с его лабрадором Кони, пони, укрощенной им тигрицей, тигренком и даже белугой. Эта поистине странная репрезентация национального лидера предлагает радикально новую версию советской мифологии Великой семьи (К. Кларк). Репрезентация отца нации как повелителя зверей предполагает несколько вариантов интерпретации: исключает людей из Великой Семьи, и поэтому является мизантропической по своей сути; переводит болезненный вопрос культурного/социального/этнического разнообразия из социальной сферы в область фауны; формирует образ национального лидера в соответствии с моделями, заимствованными из голливудских фильмов. В то же время эта репрезентация восстанавливает древнюю мифологию могущественного божества – повелителя всего живого. На этом основании можно предположить, что визуальная политика периода президентства В. Путина производит постмодернистской симулякр демократии, призванный замещать политическую жизнь бесконфликтной репрезентацией власти.

В стендовом докладе *Н. В. Пращерук* (Екатеринбург) «Современная православная беллетристика: жанровый и аксиологический аспекты» рассматривается православная беллетристика как одно из направлений популярной современной прозы. Выявляются ее основной жанровый состав и аксиология. В качестве наиболее репрезентативного произведения этого направления анализируется книга архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые» и другие рассказы». Автор доклада обосновала идею синтетической жанровой природы этой книги, рассматривая ее «классическую» составляющую, проанализировала динамичную сценическую структуру, а также образность стиля. Проведенный анализ позволяет оценить это произведение мемуарной духовной прозы как яркое явление современной художественной словесности.

Первый день работы семинара завершился докладами *И. И. Саморукова* (Самара) «Метафикшн в массовой литературе» и *В. А. Гудова* (Екатеринбург) «Киберпанк после будущего», посвященных попытке применить общие философские категории к анализу текстов массовой литературы. *И. В. Кабанова* (Саратов) в докладе «Проблема насилия в массовой литературе США: от Дэшила Хэмметта к Брету Истону Эллису» на материале американского криминального романа XX века («крутой детектив» Дэшила Хэммета и роман о серийном убийце Томаса Харриса) рассмотрела способы концептуализации насилия в исторической зависимости от состояния общества США, выявила литературные ограничения на репрезентацию насилия. По мнению докладчицы, динамика соотношения образов преступников и сыщиков в романах выявляет переход от представления о насилии как о свойстве социума к концепции насилия как неуправляемой природной силы. *Е. Г. Доценко* (Екатеринбург) в своем докладе предложила проблемно-тематический анализ потребительской культуры как предмета исследования и стимула творчества М. Равенхилла. Доклад *М. Ю. Тимофеева* (Иваново) «Феномен "поп-коммунизма" в странах Восточной Европы как туристический продукт» был посвящен анализу

трансформации знаков коммунизма в некоторых странах Восточной Европы. В последнее десятилетие аутентичные объекты, сохранившиеся в этих странах в значительной степени начали эксплуатироваться в расчете на привлечение иностранных туристов. Наряду с этим развивается выполненная в эстетике масс-культы и кича сувенирная индустрия, использующая знаки коммунизма как ресурс по эксплуатации ностальгии и постмодернистской игры. Реликты из социалистического прошлого постепенно теряют свой семантический потенциал, все больше преобладает постмодернистское обновление семантики знаков, ироническая игра в «поп-коммунизм».

Второй день работы конференции начался с работы сессии, посвященной расширению влияния интернет-ресурсов на литературный процесс. *Е. В. Пономарева* (Челябинск) в докладе «"Сетераторы" и "сетература" как феномен кризиса литературоцентризма» рассматривает сетевую литературу как сложившийся специфический феномен, внутри которого существуют две встречные тенденции: трансформация литературы из сетевого в книжный вариант (Сергей Узун, Алекс Экслер, Е. Гришкoveц и др.) и размещение известных «книжному читателю» литературных произведений в блогосфере в адаптированном варианте. В намеренной дифференциации «книжности» и «литературности» отчетливо просматривается установка на размежевание со сложившимися канонами литературы, стремление авторов сохранить свой жизненный локус и мировоззренческий масштаб: одновременно существовать в нескольких ипостасях (программист/историк/искусствовед/актер и др.), проявлять разные грани собственной личности, при этом настойчиво связывая себя с основным видом деятельности. Сетература является мощным сегментом массовой культуры, демонстрирующим все концептуальные составляющие этого феномена: ориентация на пеструю читательскую аудиторию, доступность проектов для массового читателя при относительной дешевизне тиражирования, серийный характер проектов.

И. В. Козлов (Екатеринбург) в докладе «Соотнесение визуального, интерактивного, абстрактного в современной сетературе: анимация, игра или текст?» рассмотрел примеры того, как в современном Интернете действуют процессы совмещения языков разных искусств, в результате чего создаётся принципиально новое искусство ("кинематические поэмы"), новый художественный язык, в котором движение и изображение играют равную роль наряду с текстуальным смыслом. В докладе на примерах кинематических поэм Jason Nelson, Brian Kim Stefans, Е. Кацюбы, а также текстов "компьютерных игр" и Googlemaps-literature был показан процесс совмещения анимации и текста.

Б. В. Орехов (Уфа) сделал доклад «Воскресение жанра: сетевая эротическая литература», где на материале эротических интернет-текстов делается вывод, что этот тип литературы остаётся популярным, хотя в середине 1990-х предсказывали скорый отход в историю. За последние годы эротическая литература потеряла профессиональный статус и превратилась в

«народный» жанр. Дается характеристика наиболее продуктивных в нём формул экспозиции (обозначение реальной модальности повествования), портрета (с акцентом на телесной составляющей), пространства и времени (городская квартира, пляж, офис); вскрываются исторические параллели с романтической композицией.

А. А. Фокин (Челябинск) в докладе «Интернет и закат массовой культуры» рассмотрел, как сетевое пространство трансформирует массовую культуру. Благодаря современным технологиям каждый желающий может получить доступ одновременно как к производству, так и к потреблению культурного продукта. При этом большинство интернет-ресурсов ориентированы на удовлетворение персональных предпочтений пользователя, а это значит, что каждый человек может создать свой собственный уникальный набор культ-продуктов. Такая ситуация, по мнению автора доклада, может привести к серьезным изменениям в культурном поле и к закату массовой культуры в современном ее виде.

Специальная сессия семинара была посвящена современной поэзии, которую массовой в строгом смысле слова назвать невозможно, но в рамках которой существуют свои популярные авторы и тенденции. Так, *Н. В. Барковская* (Екатеринбург) в докладе «Литературная стратегия Андрея Родионова (к проблеме магистральности маргинальности)» на материале трех книг стихов А. Родионова («Игрушки для окраин», «Люди безнадежно устаревших профессий», «Новая драматургия») рассмотрела перипетии творческой судьбы автора. Герои первой книги — маргиналы-«замкадыши». Лирический герой второй книги перемещается в центр Москвы, захваченной «новыми русскими», где маргиналами стали бывшие интеллигенты, поэты, музыканты, вытесненные на обочину культурной жизни. Вместе с тем, завоевав «символический капитал», Родионов перестал соответствовать имиджу «включенного наблюдателя» окраинной жизни. Далее он перемещается не вверх и не вниз в литературном поле, а в сторону — в провинцию (Пермь), где совместно с М. Гельманом создает своеобразную «третью» культуру, маргинальную по отношению и к мейнстриму, и к экспериментальному творчеству, и к массовому искусству. Маргинальность поэзии Родионова, сочетающей трагизм и юродство, направлена не на трансгрессию установленных границ, а, напротив, на стремление к сшиванию «лоскутной» культуры фрагментированного общества.

В докладе *Л. Д. Гутриной* (Екатеринбург) «Соотношение фоторяда и стихотворных текстов в книге В. Полозковой и О. Паволги "Фотосинтез"» в центре внимания была художественная структура книги стихотворений популярной поэтессы Веры Полозковой: элементы сферы обрамления (имена авторов, название книги, формат книги, датировка текстов), субъектная сфера, ключевые темы (творчество, любовь) и мотивы книги (совпадение/несовпадение), фоторяд в его соотношении с поэтическими текстами. Автором доклада были сделаны выводы о незначительном эстетическом приращении, возникающем из сополо-

жения фото- и стихотворных текстов, о специфике метасюжета книги (утверждение вместо ценностей любви ценностей дружества и «своего круга»).

У. Ю. Верина (Минск), сделавшая доклад на тему «"Массовое новаторство" и проблема авторской индивидуальности в современной поэзии», отметила, что разнородный и многочисленный современный поэтический материал получает оценки «подъема и расцвета» поэзии, равно как и ее «массовизации». Учитывая проблематичный характер новаторства, величины и проявленности авторской личности, категории лирического героя — т.е. уникальности, которой не требуется массовой поэзии, — важно определить, как происходит становление авторской индивидуальности, какие теоретические основы можно найти, чтобы компетентно анализировать современную поэзию. К рассмотрению в рамках темы предлагаются понятия: «феномен единично-множественного», «массовый верлибр», «эпически ориентированный» («эпический») верлибр.

Отдельная сессия была посвящена проблеме социокультурного фона, на котором развивается современная массовая литература. *М. Ю. Гудова* (Екатеринбург) в докладе «Российский читатель франшизного "глянца"», охарактеризовав рынок отечественных франшизных изданий, на основании проведенных ею опросов пришла к выводу, что степень популярности журнала у российского читателя не зависит от того, франшизный он или нет, российский читатель ориентируется на полезность, доступность и развлекательность информации. В результате длительного и многоаспектного воздействия на своих читателей зарубежные франшизные журналы на сегодня сформировали в России свою собственную читательскую аудиторию. Они принесли на страницах зарубежных макетов «западные» представления о культуре потребления, моде и гламуре, внедрили их в процессе чтения-листания, чтения-разглядывания и чтения-комментирования в сознание российских читателей. Сочетанием оригинальных отечественных и франшизных материалов они создали двойную оптику видения и понимания мира у отечественных читателей — дали им возможность читать, думать и говорить «глобально» и «потреблять» локально, тем самым сформировали космополитическую картину мира и ценностей. Наконец, в настоящий момент они заняты формированием сетевого воображаемого сообщества читателей. Журналов, интересующихся новыми и нездешними образцами поведения и потребления современными «западниками» и «космополитами»

В докладе «Телевизионная популярная культура как осваиваемое пространство репрезентаций: случай реалити-шоу "Дом-2"» *А. В. Яцык* (Казань) были рассмотрены особенности производства, распространения и потребления популярной культуры в ситуации медиаконвергенции. На анализе интернет-дискуссий известного российского реалити-шоу «Дом-2» было показано, что сопутствующая медиаконвергенции проницаемость границ между форматами, жанрами и способами коммуникации не однозначно приводит к разрушению прежних схем

взаимодействия между знаменитостями и аудиториями, а скорее представляет собой их трансформацию, где значение потребительских практик наполняется иным содержанием.

Л. М. Немченко (Екатеринбург) в докладе «Обложки тетрадей и дневников: путеводитель по современной российской культуре» основное внимание сосредоточила на том, как новые социокультурные процессы оказывают влияние на периферийные сферы повседневности. Вместе с содержанием образования менялись и «средства производства», к коим мы относим школьную тетрадь и дневник. И та, и другой никогда не были идеологически нейтральны. Анализ советских обложек позволяет выявить качества молодого человека, конструируемые в процессе обучения, — скромность, демократичность, интернационализм. С 1990-х годов тетрадь попадает в рыночное пространство, в котором действуют законы конкуренции и моды. Постсоветские обложки сохраняют функцию справочного материала, но при этом транслируют ценности массовой культуры, в первую очередь, ее установки на развлечение. В докладе прослеживаются основные сюжеты, представленные на российском рынке канцелярских культоваров.

А. В. Бороненко и А. А. Фокин (Челябинск) в докладе «Зомби-апокалипсис в современной массовой кинокомедии» рассмотрели специфику современных комедийных фильмов о зомби-апокалипсисе. На основании анализа наиболее ярких представителей современного кинематографического зомби-нарратива («Shaun of the Dead» (2004), «Fido» (2006), «Zombieland» (2009)) авторы пришли к выводу, что на современном этапе уже преодолена прямолинейная пародийность в изображении зомби-апокалипсиса, и комический модус в подобных фильмах используется для решения более сложных художественных задач. Популярность же этого жанра связана с актуализацией в современной культуре макабрического юмора, выступающего в качестве механизма защиты против страха смерти.

Завершили семинар доклады *Ю. Ю. Даниленко* (Пермь) «Феномен соавторства: диагноз назревшей тенденции (на материале современной массовой прозы)», *Л. С. Кисловой* (Тюмень) «"Сладкая соль Босфора": атмосферный роман Эльчина Сафарли в пространстве популярной русской литературы» и *Е. А. Четвертных* (Екатеринбург) «Роман-миф в творчестве Г. Л. Олди (по романам Ахейского цикла): проблемы восприятия».

В заключительной дискуссии участники отметили, что основной для семинара стала идея «ревизии», которая включает не только ревизию транслируемых и определяемых масскультурой ценностей, имиджей, не только локальные трансформации глобальных «брендов», но и — шире — переопределение границ и содержания понятия «массовая культура», трансформации ее отношений с культурой «немассовой», новые технологии и новые модификации массовой культуры.

По материалам семинара запланирован выпуск коллективной монографии.

М.А. Литовская

АННОТАЦИИ

Бреславский А. С. «Город окраин»: территориальная сегрегация и ее (вос)производство в постсоветском Улан-Удэ

Ключевые слова: территориальная сегрегация, официальная номинация, окраина, периферия, Улан-Удэ.

В фокусе внимания статьи – территориальная сегрегация города Улан-Удэ (столица Республики Бурятия, Сибирский федеральный округ) и ее политическое (вос)производство в постсоветский период. В первой части статьи показано, как в процессе исторического развития изменялись физические и символические границы центра города и его окраин. Во второй части — речь идет о (вос)производстве и утверждении пространственных стереотипов в территориальной сегрегации города в рамках современного административного дискурса. В работе рассматриваются такие официальные классификации городских окраин Улан-Удэ, как: «удаленные микрорайоны», «периферийные городские поселения», «периферийные сельские поселения». Заключение автора таково: территориальная сегрегация города в постсоветской период остается под глубоким воздействием «советской» инерции. Это выражается, в первую очередь, в устойчивом восприятии городской территории в логике модели «центр – периферия».

Найдорф М. И. Одесса. Главная улица города.

Ключевые слова: Одесса, Дерибасовская, городское пространство, главная улица, центр города.

В статье на примере улицы Дерибасовской в городе Одессе (Украина) обсуждается понятие «главной» или «центральной» улицы классического города Нового времени. Понятие «центральной улицы» рассматривается в соотношении её функции и структуры в трех аспектах: топографическом, институциональном и символическом. Показано, что разноаспектные свойства «центральной улицы города» взаимосвязаны. Прослежена историческая трансформация функций, возлагаемых на «главную улицу города» в эпоху современной массовой культуры. Одновременно отмечено, что в новых условиях функция классической «центральной улицы» переходит к более пространному «центру города». Основным материалом исследования служат литературные описания Одессы в произведениях В. Жаботинского, И. Бабея, Е. Ярошевского, В. Ярмолинца, фольклорных источниках и личные наблюдения автора.

Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Текст пространства. Фрагменты словаря «Русская провинция»

Ключевые слова: Русская провинция, краеведение, провинциальный текст, локальный текст, типы общественного самосознания, литературные образы столицы

В блоке статей представлены материалы подготовленного к изданию словаря «Русская провинция» — первого в отечественной науке опыта комплексного осмысления пространства как носителя культуры. Главные цели его создания — обобщение результатов научных исследований пространства как носителя культур и разработка инновационной методологии его изучения. В Словаре аналитически сопоставлены исследовательские практики анализа пространства как носителя культуры и апробирована междисциплинарная методология его комплексного изучения. Создание Словаря позволило объединить усилия специалистов разного профиля, систематизировать результаты их исследований и получить объемное, многомерное знание о пространстве как носителе культуры, включающее геополитический, социальный, антропологический, семиотический, психологический и литературный аспекты.

Санникова Т. О. Традиции и новации в процессах взаимодействия столицы и провинции

Ключевые слова: провинция, столица, центр, традиция, новация

Столица и провинция рассматриваются в статье в социокультурных координатах «центр — не-центр». На двух уровнях анализа: общекультурном, и конкретно-историческом (на примере России), рассматривается соотношение в процессах взаимодействия столицы и провинции стабилизирующих начал и динамики, новаций и традиций. Разница пространства и времени, ценностей и образа жизни — формируют сложную систему взаимоотношений провинции и столицы. Провинция и центр образуют различные системы социокультурного устройства, но тем богаче процесс коммуникации, позволяющий им развиваться.

Помимо макроуровня, имеющего конкретно исторический характер, взаимоотношения провинции и столицы переносятся на уровень микроистории отдельного индивидуума. Многообразие определяет развитие культуры, моноцентричность развитие ликвидирует. Это касается как общей системы «столица-провинция», так и индивидуального уровня наличия своей «столицы» и «провинции».

Сизинцева Л. И. Пространство и время российской провинции

Ключевые слова: Пространство, время, российская провинция, мода, традиция

После реформ Петра I Петербург стал законодателем мод, провинция — хранительницей традиций, степень провинциальности определялась скоростью усвоения образцов. Столица становилась местом реализации возможностей человека Нового времени, ориенти-

рованного на новизну, как положительное начало. Дворянские усадьбы становились средоточием застывшего семейного времени. Жизнь, ориентированная на ценности, не подвластные времени, устремлялась дальше от столиц.

Николаева Е. В. Города как фрактальные перекрестки мира

Ключевые слова: фракталы, фрактальность, городской фрактал, фрактальная модель мира, городское пространство, урбанистика.

Статья посвящена феномену фрактальности городского пространства. Топографическое, архитектурное, визуальное и символическое пространство города, в частности столичного мегаполиса, рассматривается как фрактальная структура нескольких типов и масштабов. Город исторически содержит в себе паттерны геометрических и концептуальных фракталов; одновременно в пространстве как древних, так и новых городов и столичных мегаполисов наблюдаются активные процессы автопоэзиса и образования внешних рекурсивных связей — в символических границах страны или всего мира.

В статье исследуются внутренние фрактальные формы городского пространства, анализируются специфические характеристики города как национально-государственного фрактала, выявляются проксемические механизмы городской культуры Новейшего времени и соответствующие им градостроительные и социокультурные практики, благодаря которым города начинают выступать в качестве фрактальных моделей мира.

Э. М. Манукян. Соотношение провинциального и столичного в мировосприятии Сидония Аполлинария

Ключевые слова: поздняя античность, упадок городов, «аграризация», Рим/Равенна, Галлия, столица, провинция, галло-римская знать, мировосприятие, патриотизм, ценности, менталитет.

Данная работа посвящена рассмотрению вопроса о соотношениях провинциального и столичного в мировосприятии галло-римского аристократа V века Сидония Аполлинария. На основе анализа источника (писем и поэтических произведений) исследуются его взгляды на провинцию (Галлия) и столицу (Рим/Равенна) с целью выявить особенности восприятия провинциальным нобилем процесса упадка городов и «аграризации» позднеантичного общества. В результате исследования автор приходит к выводу, что порой изменчивое отношение Сидония к Галлии и Риму/Равенне было детерминировано его социальным статусом, этнотерриториальной принадлежностью, своеобразным мировосприятием и ценностными ориентациями, или, говоря иначе, — менталитетом. Процесс упадка городов и городской инфраструктуры поздней античности в его субъективном восприятии современников выглядел весьма неоднозначно и прежде всего, это было связано с ментальной спецификой субъекта-очевидца.

SUMMARIES

Breslavsky A. S. "City of outskirts": territorial segregation and its (re)production in the post-soviet Ulan-Ude

Keywords: territorial segregation, the official nomination, margin, periphery, Ulan-Ude.

In the article the focus of attention is given to the territorial segregation of Ulan-Ude (capital of Buryat Republic, Siberian federal district) and its political (re)production in the post-soviet period. In the first part of the article forming and change of physical and symbolic borders of the central (historical) part of Ulan-Ude and its outskirts in the historical context are shown. The second part draws attention to (re)production and emergence of the spatial stereotypes of the territorial segregation of the city in the modern administrative discourse. The author analyses the official classifications of urban outskirts, such as "distant microareas", "peripheral urban settlements" and "peripheral rural settlements".

The author's conclusion is that territorial segregation of the post-soviet city reproduces to a great extent the tendencies and ideas, of the soviet period of the city's development.

Naydorf M. I. Odessa. City's Main Street

Keywords: Odessa, Deribasovskaya, urban space, the main street, the city center

The article deals with the concept of Main or Central Street in a typical Modern Age city by the example of Deribasovskaya St. in Odessa (Ukraine). Deribasovskaya St. in Odessa is described as the example of the Main Street of a typical Modern Age city.

The concept of Central Street is considered in terms of correlation between its function and structure in three aspects: topographic, institutional and symbolic. It is demonstrated that different aspects of City's Central Street are interrelated. The article traces the historical transformation of main street functions in the era of modern mass culture. At the same time it is observed that under new conditions classic Central Street functions are being transferred to a more extensive city center.

The research is mainly based on literary descriptions of Odessa in works of V. Zhabotinsky, I. Babel, Y. Yaroshevsky, B. Yarmolinetz, folklore sources and the author's personal observations.

Milyugina E. G., Stroganov M. V. Text of Space: Experience of the dictionary «Russian province».

Key words: Russian province, local history, the provincial text, the text of local, types of social consciousness, literary images of the capital

The dictionary “The Russian Province” is the first scientific experience in comprehensive reflection and interdisciplinary description of the space as the bearer of culture. The main purpose of its creation is to synthesize researches of Russian and foreign scientists in XX century devoted to the space as the bearer of culture, create an innovative methodology for its comprehensive study and test this methodology in describing of the Russian province’s space. Creating a Dictionary has consolidated the experts in different fields and organized their findings. For the first time in the Russian science authors have got multi-dimensional knowledge of space as the bearer of culture, including geopolitical, social, anthropological, semiotic, psychological and literary aspects.

Sannikova T. O. Traditions and innovations in processes of interaction of a capital and provincial

Key words: province, capital, centre, tradition, innovation

The capital and province are considered in the article in sociocultural coordinates «the centre — not-centre», The article describes the parity of the stabilizing principles and dynamics, innovations and traditions in terms of the processes of interaction between the capital and the province on two levels of the analysis: common cultural, and concrete historical (in terms of Russia). The difference of space and time, values and a way of life form a complex system of relations between the province and the capital. The province and the centre form various systems of sociocultural structure, thus enriching the process of communications which allows them to develop.

Besides the macro-level having particularly historical character, relations of a province and capital are carried on level of micro-history of a separate individual. The variety defines culture development, monocentricity liquidates it.. It refers both to the general system "capital-province", and individual level of presence of "capital" and "province".

Sizintceva L. I. Space and time of the Russian province

Keywords: Space, time, Russian province, fashion, tradition

After the reforms of Peter I Petersburg became the fashion-maker, the province – the keeper of traditions, provinciality degree was defined by the speed of the samples assimilation. The capital became

the place where the possibilities of the Modern Age person, focused on novelty as the positive beginning, could be realized. Noble estates became the center of the stopped family time. Life focused on the timeless values ran away further from the capitals.

Nikolaeva E. V. Cities as World Fractal Crossroads

Keywords: fractals, fractality, city fractal, world fractal model, urban space, urban studies

The article is dedicated to the phenomenon of urban fractality. The topographical, architectural, visual and symbolic space of the city and that of the capital in particular is considered as a fractal structure of several types and scales. A city with a long history always contains patterns of geometrical and conceptual fractals. Furthermore, both old and new cities demonstrate active processes of autopoiesis and outer recursive linking – in symbolic borders of the country or the world.

The study investigates inner fractal forms of the city space, analyzes specific features of the city as a national fractal, reveals proxemic mechanisms of modern urban culture and town-planning that turn the cities into fractal models of the world.

Manukyan E. M. Correlation between provincial and capital in Sidonius Apollinaris's perception of the world

Keywords: Late Antiquity, urban decline, "agrarisation", Rome/Ravenna, Gaul, capital, province, Gallo-Roman nobility, perception of the world, patriotism, values, mentality.

This work is devoted to the correlation between provincial and capital in the Gallo-Roman aristocrat of the fifth century Sidonius Apollinaris's perception of the world. On the basis of a source analysis (letters and poetical works) his views on a province (Gaul) and a capital (Rome/Ravenna) are investigated with the aim to reveal some peculiarities of a provincial aristocrat's perception of an urban decline process and "agrarisation" in the ancient society. As a result of the investigation the author comes to the conclusion that at times changeable Sidonius Apollinaris's attitude towards Gaul and Rome/Ravenna was determined by his social status, ethno territorial belonging, distinctive perception of the world and value understanding or in other words mentality. In his subjective perception of contemporaries the urban decline process and urban infrastructure was ambiguous and first of all it was connected with a subject-eyewitness's mental specificity.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бреславский Анатолий Сергеевич (Иркутск, Россия) — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (г. Улан-Удэ), научный сотрудник АНО «Центр независимых социальных исследований и образования» (г. Иркутск). E-mail: anabres05@mail.ru

Казарин Владимир Павлович (Симферополь, Украина) — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. E-mail: crch@mail.ru

Крылов Михаил Петрович (Москва, Россия) — доктор географических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории геополитических исследований Института географии РАН, Москва. E-mail: mpkrylov@yandex.ru

Левинтов Александр Евгеньевич (Москва, Россия) — кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии и социальной экологии ГОУ ВПО «Московский городской педагогический университет». E-mail: a.levintov@mail.ru

Литовская Мария Аркадьевна (Екатеринбург, Россия) — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX и XXI вв. Уральского Федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, главный научный сотрудник сектора истории литературы Института истории и археологии Уральского отделения РАН. E-mail: marialiter@gmail.com

Манукян Эдуард Мгеревич (Шуя, Россия) — студент историко-филологического факультета Шуйского государственного педагогического университета. E-mail: Manukyan_33@mail.ru

Милюгина Елена Георгиевна (Тверь, Россия) — доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка с методикой начального обучения Тверского государственного университета. E-mail: elena.milyugina@rambler.ru

Найдорф Марк Исаакович (Одесса, Украина) — кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и искусствознания Одесского национального политехнического университета. E-mail: markseged@gmail.com

Николаева Елена Валентиновна (Москва, Россия) — кандидат культурологии, доцент Института социальной инженерии Московского государственного университета дизайна и технологии. E-mail: elena_nika@bk.ru

Санникова Татьяна Олеговна (Воткинск, Россия) — кандидат исторических наук, доцент кафедры общегуманитарных наук филиала Удмуртского государственного университета. E-mail: sannikova_t@mail.ru

Сизинцева Лариса Ивановна (Кострома, Россия) — кандидат культурологии, доцент кафедры сервиса и туризма Костромского государственного технологического университета. E-mail: sizpost@yandex.ru

Строганов Михаил Викторович (Тверь, Россия) — доктор филологических наук, профессор Тверского государственного университета, директор Научно-исследовательского центра тверского краеведения и этнографии. E-mail: mistro@rambler.ru

Тимофеев Михаил Юрьевич (Иваново, Россия) — доктор философских наук, профессор кафедры философии Ивановского государственного университета, заместитель председателя Центра этнических и национальных исследований ИвГУ, главный редактор журнала «Лабиринт». E-mail: editor@journal-labirint.com

Черняева Татьяна Ивановна (Саратов, Россия) — доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальных коммуникаций Поволжского института управления им. П. А. Столыпина — филиала РАНХиГС. E-mail: tatcher@yandex.ru
